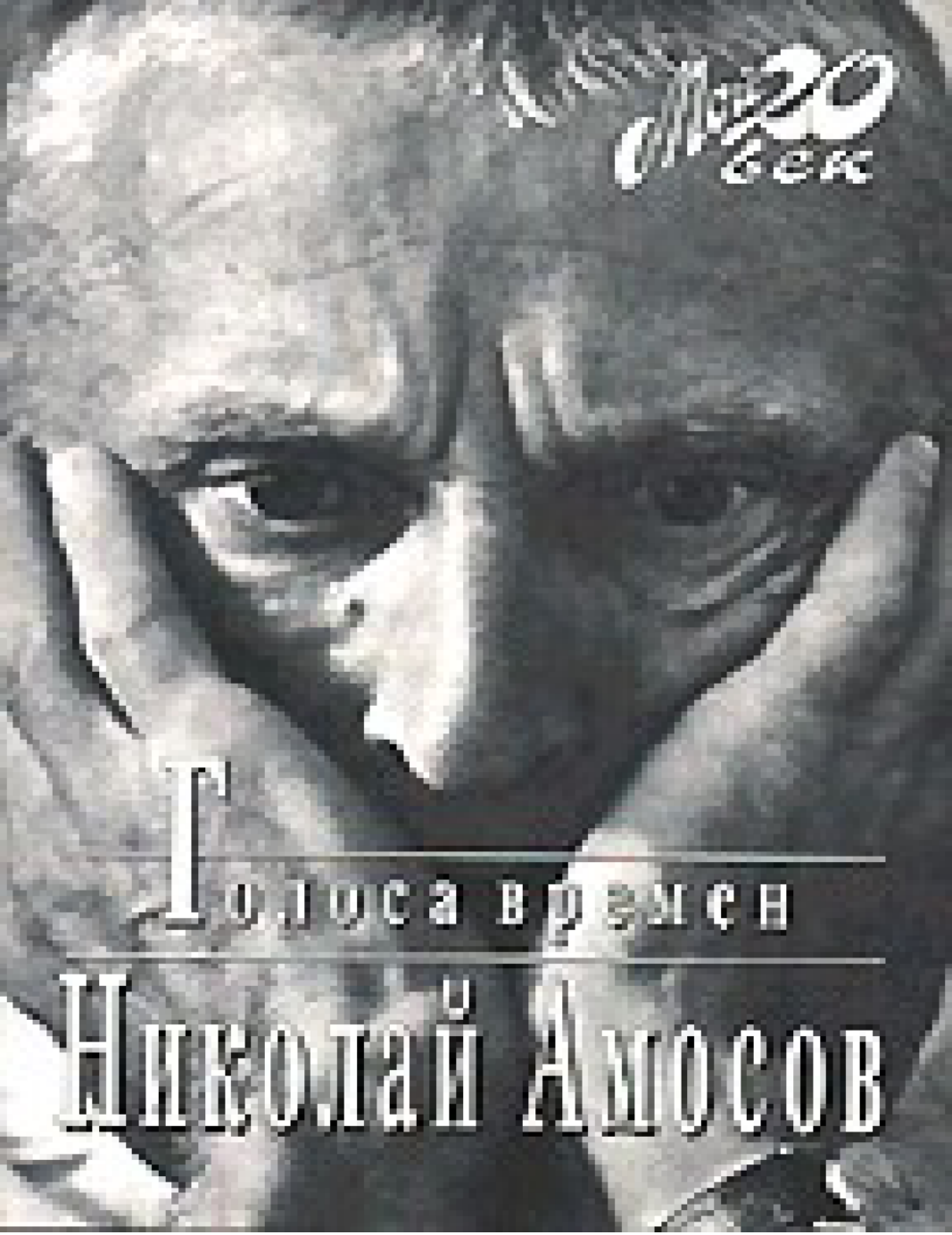

XX век
Голоса времен
Николай Амосов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Эта книга - познание самого себя. Кем был, как менялся, что осталось..." Так скромно автор определяет задачу своих мемуаров, хотя имеет полное право на более высокую оценку столь долгой и яркой жизни. Воспоминания Н. М. Амосова - пронзительная, очень личная исповедь и в то же время объемный портрет эпохи: война, надежды шестидесятых, медицинские открытия, потрясшие мир, снова надежды и разочарования уже конца восьмидесятых, встречи, "голоса" и живые портреты современников - выдающихся хирургов С. С. Юдина, А. Н. Бакулева, А. А. Вишневского, академика Сахарова, политиков и деятелей культуры.

- Николай Михайлович Амосов.
  - Вместо предисловия.
  - Глава первая. Родня. Мама.
    - 1. Семья Никаноровых: Север. "Медвежий угол".
    - 2. Мама. "Девичий грех". Акушерская школа. Село Ольхово. Замужество. Мои детские впечатления.
    - 3. Село Ольхово. Дом Амосовых. Деревня до революции и при НЭП-е.
    - 4. Род Амосовы. Судьбы.
    - 5. Отец. Сельский кооператив. Брак. Война. Плен. Возвращение. Череповец - служба. Попойки. Распад семьи. Другой брак. Болезнь.
  - Глава вторая. Детство, отрочество, юность.
    - 1. До 1926 г. Одинокое детство. Школа. Пионерия. Книги. Город Череповец.
    - 2. 1926-29 гг. Череповец. Квартира. Обязанности. Финансы. Одиночество. Походы в Ольхово. Книги.
    - 3. 1928-29 гг."Страсти-мордасти": Воровство книг. Бог спас?
    - 4. 1928-30 гг. Конец НЭП-а, процессы, колхозы. Разрыв с отцом. Любовь. Лесная практика. Клятва.
    - 5. 1930-32 гг. Аресты. Ленька - компания. Техникум. Работа на "прорыве". Практика в Ленинграде. Смерть отца. Машинист. Окончание учения.
  - Глава третья. Архангельск. 1932-39 гг.

- 1. 1932-35 гг. Проводы. Дорога. Сменный механик. Общежитие. ИТР - столовая.
- 2. 1932-35 гг. Станция. Смена. Обязанности. Авария. Работа.
- 3. 1932-35 гг. Быт. Именины. Сравнения.
- 4. 1932-35 гг. Первая зима. Болезнь мамы. Любовь. Дядя Павел.
- 5. 1934 г. Заочный институт. Отпуск. Авантюра с университетом. Похороны мамы.
- 6. 1934-35 гг. Учеба в заочном институте. Увольнение. Мединститут.
- 7. 1935-36 гг. Мединститут. Экзамены. Общежитие. Борис. Финансы. Два курса за год
- 8. 1937 г. Профессор Лашкарев. "Другая физика". Квартира.
- 9. 1937-38 г. Проект. Процессы. Арест дяди Павла. Сталинская конституция. Выборы.
- 10. 1939 г. Вербовка в моряки. Институт окончен. Аспирантура. Пакт с Гитлером. Война.
- 11. 1939-40 гг. Война с финнами. Защита диплома. Клиники Алферова, Цимхеса.
- 12. 1940-41гг. Расставание. Череповец, хирургия. Стасов. Операции. Смольская Л.Я. Наука.
- 13. 1940-41 гг. Комиссия от военкомата. Симуляция - белый билет. Поездка в Киев

○ Глава четвертая. Война.

- 1. 1941 г. Начало.
- 2. 1941 г. ППГ. Едем на фронт.
- 3. 1941 г. Дорога к фронту.
- 4. 1941 г. Сухиничи. ГЛР. Раненые.
- 5. 1941 г. Бомбежка.
- 6. 1941 г. Отступление за Москву.
- 7. 1941 г. Егорьевск. Гипсы.
- 8. 1942 г. Наступление. Подольск.
- 9. 1942 г. Калуга. Кошмар.
- 10. 1942 г. "Челюстник": кровотечение.
- 11. 1942 г. Прогресс. Глухой гипс.
- 12. 1942 г. ЦУГ- аппарат. Награда.
- 13. 1942 г. Попытка самоубийства.
- 14. 1942 г. "Черепа". Резекция сустава.
- 15. 1942 г. Смена власти. Диссертация.
- 16. 1943 г. На фронт.
- 17. 1943 г. Угольная - начало.
- 18. 1943 г. Угольная - продолжение.

- 19. 1943 г. Один.
- 20. 1943 г. Вперед на запад.
- 21. 1943 г. Хоробичи-1.
- 22. 1943 г. Хоробичи-2. Две тысячи раненых.
- 23. 1944 г. Буда. Женитьба.
- 24. 1944 г. Наступление.
- 25. 1944 г. Польша.
- 26. 1945 г. Восточная Пруссия.
- 27. 1945 г. Дальний Восток. Конец ППГ.
- 28. Заключение.

○ Глава пятая. Москва. Брянск.
- 1. 1945 г. Еще раз Манчжурия.
- 2. 1946 г. Ворошилов-Уссурийский. Кирилл. Отпуск.
- 3. 1946 г. Демобилизация.
- 4. 1947-52 гг. Брянская хирургия.
- 5. 1950-52 гг. Брянская жизнь. Диссертация.
- 6. 1949-51 гг. Хирургия лёгких. Дебют.
- 7. 1952 г. Быт и страна.
- 8. 1952 г. Киев. Тубинститут.

○ Глава шестая. Киев
- 1. 1952-53 гг. Киев. Доктор наук.
- 2. 1953 г. Кафедра.
- 3. 1955 г. Операции на сердце.
- 4. 1955 г. Начало кибернетики.
- 5. 1956 г. Дочь.
- 6. 1956-57 гг. Крах культа Сталина. Новая клиника.
- 7. 1957 г. Конгресс в Мексике.
- 8. 1958-59 гг. АИК-Аппарат Искусственного Кровообращения.
- 9. 1959-63 гг. События и встречи в 60-х.
- 10. 1962-64 гг. Чины и награды.
- 11. 1962-63 гг. Поездка в Штаты. Съезд в Харькове. Искусственный разум.
- 12. 1963-65 гг. Клапаны.
- 13. 1962-68 г. Писатель.
- 14. 1963 г. Взрыв в камере.
- 15. 1965-67 гг. Разное.
- 16. 1967 гг. Доклад в Вашингтоне.
- 17. 1968 г.Италия. Княгиня Олсуфьева. Сахаров.
- 18. 1968 г. Пересадка сердца.
- 19. 1969-73 г. Разное в начале 70-х. Психология. "Этика стаи".

- 20. 1971-75 г. Дочь. Конгресс в Москве. Смерти.
- 21. 1974-75 гг. Встречи. Записки о войне.
- 22. 1975 г. Новое здание.
- 23. 1976-79 гг. Снова: Америка, работа, смерти.
- 24. Книга о здоровье.
- 25. 1982-83 гг. Капитуляция. Дачные дела.
- 26. 1983 г. Институт.
- 27. 1983-85 г. Юбилей. Беды и смерти.
- 28. 1984-88 гг. Выписки из дневников.
- 29. 1989-90 гг. Народный депутат.
- 30. 1990-92 гг. Наука: анкеты, человек.
- 31. 1989-90 гг. Дела общественные. Разочарование.
- 32. 1991-92 гг. События. Путч.
- 33. 1992-93 гг. Лида: "звонки". Последняя операция.
- 34. 1993-98 гг. Экспериментальная жизнь.
- 35. 1998 г. "Последний парад".
- 36. Послесловие.
- 37. 2000 г. эксперимент закончен? Жизнь продолжается.
- 38. Дополнение от ноября 2000 года.
- 39. Заключение.
- 40. Послесловие к "эксперименту", июль 2001 г.

Николай Михайлович Амосов.
Голоса времен.
(электронный вариант)

Вместо предисловия.

Не будет декларации: "для чего пишу?", - пишу, для самовыражения, пишу потому, что мне 87 лет и боюсь оторваться от памяти, чтобы не потерять себя перед концом.

Пожалуюсь - плохо остаться без дела, даже в старости. Вроде бы есть ещё силы, но уже знаешь: конец близок, будущего нет. Значительного дела не сделаешь. Остаются размышления и прошлое.

Глава первая. Родня. Мама.

1. Семья Никаноровых: Север. "Медвежий угол".

Отец нас оставил, поэтому вся семья для меня была в маме. Самый идеальный человек: на всю жизнь.

Родина мамы - север Вологодской области, деревня Суворово, 20 домов, "Медвежий угол" - буквально! Охота на белку, на лис, на медведей.

Дед имел крепкое хозяйство. В семье, было, пять сынов и две дочери. Дядя Павел - чекист с 18-го года, дослужился до генерала, арестован, расстрелян в 1937. Тетка Евгения - колхозница, посажена "за колоски", умерла в тюремной больнице. Слыхал, что ещё двух дядей убили под Сталинградом.

Мама была старшей - о ней главный рассказ.

2. Мама. "Девичий грех". Акушерская школа. Село Ольхово. Замужество. Мои детские впечатления.

Мама родилась в 1884 году. Умная девочка. Читала книжки. Но: согрешила. Родила девочку, назвали Марией. По тому времени - позор. Замуж не возьмут.

Дед решил учить дочку. Отвез в Кириллов, нашли учителя: сдала экстерном за четыре класса гимназии.

Школа повивальных бабок в Петербурге - акушерка. Жизнь в столице: очень бедно, но интересно. В Питере мама стала, скажем так, "средне интеллигентным" человеком. И, даже, атеисткой.

В 1909 году земство дало ей место акушерки на фельдшерском пункте в село Ольхово, 25 км от Череповца. Тут она и закончила свою жизнь - профессиональную и физическую. "Кирилловной" её звали во всей округе.

Через три года вышла замуж за Мишу Амосова - в большую семью, против воли свекрови. Об этом я расскажу позднее.

В ранних двадцатых годах "аптека", как звали крестьяне медпункт, со слов мамы оставалась такой же, как и при земстве.

Всегда было три комнаты: ожидальня, приемная, где фельдшер или акушерка вели прием больных и сама аптека - шкафы с лекарствами, стол с аптечной кухней для приготовления лекарств. Аптекой ведала мама.

Медпункт обслуживал десять-двенадцать деревень и сёл в радиусе десяти километров - шесть-семь тысяч жителей. Ближайший врач в Череповце.

Воспоминание раннего детства: Перед медпунктом десяток саней и разномастные лошади, жующие сено из передка. Полная ожидальня мужиков, баб, детей - в армяках, полушубках, платках, тулупах. В лаптях, в валенках.

Главная работа акушерки - принимать роды на дому, от 100 до 150 родов в год. Две трети из них - в других деревнях, иногда за 8-10 километров.

Помню такие сцены. Ночью стук в дверь. Мама встает, зажигает лампу, накидывает платье, открывает дверь в сени. Слышу разговоры примерно такие:

- Кириловна! Марья родит. Поедем, бога ради:

Мужика впускают в избу, он приносит запах мороза и сена. Усаживают на кухне. Дальнейший разговор: какая Марья, давно ли "схватило", которые роды, приходила ли на осмотр.

Мама уже оделась, бабушка тоже встала, крестится на икону.

Я лежу, вида не подаю, что не сплю. Прощальные поцелуи у нас не приняты.

- На, неси ящик.

Был такой особый ящик для акушерских принадлежностей. Довольно тяжёлый - много всего с собой брала - в некоторых избах было грязно.

Мужик забирает ящик, мама надевает тулуп, и они отправляются в ночь. Вот скрипнула калитка, у неё был особый скрип, до сих пор не забыл.

Бабушка тушит лампу, забирается на печку, зевает, шепчет молитву.

Все замолкает, и я засыпаю.

Утром мой первый вопрос:

- Мамы нет?

- Больно скоро хочешь. Туда шесть верст, небось, снегу намело. Слышь, воет в трубе.

Я слушаю, и мне видится метель - дороги нет, и лошадь, и мужика, и маму занесло снегом.

Пока маму не привезут с родов - в доме тревога. Как там? Что?

Обычно бабы рожали быстро и раньше времени акушерку не тревожили. Мама возвращалась через восемь-двенадцать часов. Но иногда задерживалась на сутки, и на двое - у "первородящих". Я это слово знал с раннего детства.

Но вот наступил вечер, а мамы нет: Я уже не отхожу от окна. Поздно ночью слышу, как бабушка становится на колени перед иконой и громким шепотом творит молитву:

- Господи, разреши от бремени рабу твою Марью: Господи, яви божескую милость к рабе божьей Елизавете, помоги ей. Под молитву я засыпаю: бабушка водит меня в церковь я знаю о Всемогущем.

Под утро слышу скрип калитки.

Радость - мама приехала.

Мы постоянно жили при родах. Каждый третий-четвертый день мама уезжала или уходила со своими вещами. Иногда с одних родов прямо на другие, потом - на третьи. По неделям дома не бывала. А мы с бабушкой жили в постоянной тревоге (она не только молилась, но и ругалась: "Ишь, прорвало их, б.. й! ", - грубая была старуха).

У мамы за двадцать четыре года работы, на три слишком тысячи родов, умерла одна роженица. Примерно пять она возила в Череповец, там им делали операции, и, кажется, тоже все остались живы. Видимо, деревенские женщины были крепкие, тренированные.

Было в интеллигентской среде слово "бессеребренник", тот, кто "не берет". Акушерки всюду принимали (и теперь грешат!) подношения - "на счастье дитя". Так вот, моя мама - не брала. При крайней бедности, во все времена. Вообще никогда не видел лжи, хитрости, всегда доброжелательность и доверие к людям. Все о ней так говорили.

Очень вспыльчивая была. То же и на меня - за пустяк, не разбираясь, схватит - и отшлепает. Потом жалеет, я видел. Не обижался.

И - весёлая. Голос был такой звонкий, что разговоры слышно было с другого проулка. Говорили: "Вон Кирилловна идет". Не помню сильно плачущей. Когда уже совсем допечёт - смахнет слезу, и всё.

Не хочется говорить банальности, но работа был главным смыслом в жизни.Она жила жизнью деревни и ни за что не хотела её менять.

3. Село Ольхово. Дом Амосовых. Деревня до революции и при НЭП-е.

Ольхово - большое село, домов двести, центр волости. Главная улица тянулась километра на три. Мостовых не было, и грязь по осени и весне была ужасная. А летом - пыль. Двухэтажная школа стояла на самом дальнем конце села, над рекой, а наш дом - на противоположном, километрах в двух.

Старый дом Амосовых тоже помню: хороший, под железной крышей. "Зимовка" - большая кухня с двумя маленькими светелками, и "летний дом" - по городскому типу: кухня и три комнаты.

К дому - через сени - примыкал скотный двор, с большим сеновалом.

Во дворе высился журавль над колодцем. На участке был огород и сад с яблонями, малиной и смородиной.

В общем, было нормальное хозяйство, называлось - "середняцкое".

Село Ольхово при НЭП-е помню отлично. Бабушка говорила, что так же было и при царе.

Жили бедно. Корова, лошадь, пара овец, куры. Посевы - 3-4 гектара. Многодетные - бедствовали: Хлеб - не досыта, с добавками картошки. Мясо - только в праздники и в страду. Молоко - в обрез. Самые бедные одевались в домотканное. Но лапти носили только на покос и в лес - уже была культура.

Сельский кооператив с маслодельней и "лавкой" был центром общения. Правда, была изба-читальня, она же клуб. Кино стали привозить в 1924г.

Разнообразие в жизни создавали престольные праздники.

Политических страстей не помню. При НЭПе крестьяне были лояльны к власти.

4. Род Амосовы. Судьбы.

Расскажу об Амосовых. Меня воспитала мама, но вышел я - Амосовым, а не Никаноровым. Получается: гены.

Мало было интереса к прошлому. Но знал, по крайней мере, два поколения Амосовых были полукрестьяне-полурабочие. Летом - хозяйство, зимой - завод. Отец - мастером, сыны - рабочими.

Жили Амосовы хорошо, но небогато. Наверное, могли бы лучше, но были две страсти у деда: - к лошадям и к водке. Сыновья тоже все стали пьяницами. Мама считала, что это наследственное, и боялась за меня.

О дедушке мама: "добрейшая душа". Бабушка: "Дурной. Бывало, в праздник всех зазывал выпить. Лошадьми менял. Зато сама бабушка, Марья Сергеевна, была властная женщина, всё хозяйство держалось на ней. Грамоты не знала. Родилась еще крепостной. У них было три сына и три дочки.

Я помню дядю Сашу. По рассказам мамы: В Питере работал на заводе и вышел в первоклассные мастера. Талант, изобретатель, патенты имел. Хорошо зарабатывал, но пил. В 1918 году, приехали в Ольхово. Работал механиком на мельнице, поэтому жили безбедно. Но не жилось. Умер от пьянства, оставив без средств четверых детей. Они жили рядом, и я с ними дружил.

Младший, дядя Ваня, окончил Техническое училище в Череповце, то же что и я. Был эсером. Погиб в 1918 году, в стычке с большевиками.

Тетя Катя выучилась на акушерку. Помню её отлично.

5. Отец. Сельский кооператив. Брак. Война. Плен. Возвращение. Череповец - служба. Попойки. Распад семьи. Другой брак. Болезнь.

Теперь об отце можно всё говорить: никто не обидится, все умерли. Мама его всегда хвалила: "был прекрасный человек". Не знаю (мне даже папой его называть не хочется). Кончил двухклассное училище. Был вполне грамотным. Несомненно, много читал. Собрал порядочную библиотеку: классики, политика, философия, история. Она и мне пригодилась..

Отслужил в армии. Организовал в селе потребительский кооператив и маслобойню: существовали до конца Ольхова до 1936 года. Идейный был.

Дальше биография замыкалась на маму и на меня.

Мама приехала в Ольхово в 1909 году и поселилась с молоденькой учительницей Шурой Доброхотовой. Тогда же состоялось знакомство: Миша Амосов, с претензиями на интеллигентность. Бабушка браку сопротивлялась.

Тяжело было маме с такой свекровью. Жизнь скрашивалась только любовью мужа. Говорила - всегда очень любил и были счастливые.

В положенное время родился я. Тогда не было отпусков по беременности. В связи с выездами на роды, молоко у мамы "пересохло" и пришлось кормить искусственно. Поэтому я был хилым, болел. Однако когда дорос до школы - болеть перестал.

1914 год - началась война. Фронт. Мне было восемь месяцев. И тут же кончилось мамино счастье. Через полгода перестали приходить письма: "Пропал без вести". Но война была гуманнее, и после восьми месяцев молчания пришла открытка - уже из Германии, из плена. Плен был не тот, что теперь, легче. Работал на разных работах, больше - в сельском хозяйстве. Дважды пытался бежать, неудачно. Из Германии вернулся только в начале 1919.

Смутно помню: комната, яркий свет, надо мной стоит мужчина - он кажется огромным. И чужим. Таким и остался для меня на всю жизнь.

Отец научился у немцев и хотел заняться хозяйством, но скоро уехал - пригласили в Череповец, на большую должность, по кооперации. Соблазнился работой и хотел обновить своё хозяйство. Оно было в полном упадке - осталась одна корова да

куры. Работать было некому: бабушка постарела, мама - урывками, нанимать не на что.

Но ничего из этих планов не вышло. Дом и имущество разделили с дядей Сашей. Тот передвинул свою "летнюю" половину на соседний участок. Отец снес старую "зимовку", и начал строить хороший дом, но не достроил.

Стал сильно пить. Завел любовницу. Сошлись.

Семья развалилась.

Судьба у отца была грустная. В новой семье родилось два сына.

Не знаю, почему не был оформлен развод родителей, но будто бы мама потребовала, чтобы отец забрал дом с участка. И он это сделал: новый дом разобрали и увезли. Через год ольховские мужики помогли маме построить "особняк" в два окошка. В нем она и дожила век.

Когда в 1926 г. я приехал в Череповец учиться, отец давал мне на содержание 15 руб. в месяц. В 1929 г. Маруся закончила институт и мама отказалась от его помощи.

В 1930-м отец заболел - ослеп. От мамы слышал диагноз "атрофия зрительного нерва на почве алкоголизма". Лечился в Ленинграде, наступило некоторое просветление и он снова стал работать. В 1931 году внезапно умер, видимо от болезни сердца.

Мама его очень жалела.

Так мне не повезло с отцом. Простить ему никогда не мог, хотя мне он был не нужен: ушёл, ну и ладно. Мама же осталась!

Глава вторая. Детство, отрочество, юность.

1. До 1926 г. Одинокое детство. Школа. Пионерия. Книги. Город Череповец.

Пожалуй, можно перейти к сути дела, к своему детству. Оно было необычным для деревни: до школы с ребятами не общался. Так и в школу пошел - одинокий. Прямо-таки - барчук! Читать тоже не умел. Помню только, что много рисовал, фантазировал, больше о войне. Гулять не любил: зимой чуть не силой выгоняли "дышать воздухом". В общем - рохля и рохля! Неправильно воспитывала мама.

Зато школа стала событием. Одна учительница учила два класса: первый и третий. Меня посадили со старшими, у первоклассников места не оказалось. Тут я быстро выучил буквы и стал читать. Робинзона Крузо прочел за три месяца. Но школа сначала не нравилась: очень много шума, ребята буйные, все - незнакомые. Не было контакта. Даже на переменах я не выходил из-за парты. Освоился только к рождеству.

В первое школьное лето барство с меня слетело: бегал босиком, дни проводил с товарищами на речке. Но всё равно остался неловким - не научился плавать, не дрался, плохо играл в городки, в лапту, не умею ездить на велосипеде, танцевать, плавать. Всегда ощущал свою неполноценность. Удивляюсь, как это стал хирургом: ручная все-таки работа!

Учился хорошо, но учили плохо. Условий для этого не было - учебников, бумаги, уменья преподавать. Впрочем, нашу учительницу, Серафиму Петровну, вспоминаю с удовольствием.

В 1924 году организовался отряд пионеров. Это было очень интересно. Тогда же у меня появился первый чин - заместитель вожатого отряда. Такое хорошее было партийное начало - и не получило продолжения!

Общественная работа кипела: сборы отряда, "проработки" нерадивых, походы, стенгазета. Даже участвовал во взрослом драмкружке. На митинге к седьмой годовщине Октября на площади стихи читал! Помню, как в 1924-м году пришёл дядя Саша и сказал, что Ленин умер. Нет, не жалели, не слыхал.

В пионерии сложились "политические убеждения": все богатые - плохие, бедные - хорошие. Революция справедлива - равенство. Белогвардейцы - звери. Имена: Ленин, Троцкий, Зиновьев. О Сталине не слышал.

Ещё одно: организовал школьный кооператив - тетради, карандаши.

Красные галстуки привились легко, а вот с трусами было

плохо - старухи протестовали: "Стыдобушка!". Случалось, ребята самовольно - ножницами (или даже топором!) - укорачивали подштаники, чтобы получились трусы.

В общем, ничего выдающегося в моем деревенском детстве не было. Река, лес, луг, игры. Лидером по части забав не был. Уважали, что хорошо учился. А летом - работа: сенокос, жатва, молотьба. У нас было тогда скромное, но хозяйство - корова Лушка, собака Арфик, кошка, куры. С 12 лет я был главный работник.

Почему-то не помню, чтобы готовил дома уроки. Наверное, не задавали: много новаций пережила школа.

Читал много книг - библиотека была хорошая. Особенно запомнилась толстая "История Великой французской революции" Карлейля.

В школе всё было интересно - шла общественная работа в пионерии.

В 1926 году кончилось моё счастливое детство и началась довольно грустная жизнь.

Нужно было учиться дальше. Для этого надо ехать в чужой город - Череповец, поступать в школу второй ступени.

2. 1926-29 гг. Череповец. Квартира. Обязанности. Финансы. Одиночество. Походы в Ольхово. Книги.

Мы приехали на пароходе, мама свела в школу - держать экзамен. Что-то писали, решали задачи, был уверен и не волновался. Познакомился с Леней Тетюевым, другом на целых сорок лет. Вернулись в Ольхово и ждали извещения о приёме. Помню, думалось: "Хотя бы не приняли". Но тут же: "Надо"! И так пошло на всю жизнь: "Надо"! "Надо! "

Пароход "Кассир" ходил от Череповца до Ольхова, ночевал у пристани и в 4 утра отплывал обратно. Такое себе суденышко с дизельным двигателем. Даже сейчас слышу: "Тук-тук-тук", над рекой.

Горько плакал, когда один пришёл с пристани в свою комнатку, у Александры Николаевны. До 15 лет меня охватывала лютая тоска по возвращении из дома. В одиночестве, со скупыми слезами.

Почти весь период жизни в Череповце прошёл тоскливо. Не было счастья. Полегчало лишь в последние годы, когда появились новые интересы.

Мама поселила меня к своей лучшей подруге Александре Николаевне Доброхотовой. Она учительствовала, жила одна, имела маленький домик, было две комнатки и кухня: площадь метров 20, потолки низкие. Учителя жили нищенски, хуже, чем мы - у нас дома огород. Электричество было дорого, освещались лампой. Пищу готовили в русской печке.

Мне полагалось носить воду от колонки, колоть дрова, чистить тротуар.

Александра Николаевна была отличным человеком и прекрасной учительницей. К ней часто приходили такие же одинокие, как она, коллеги, и разговоры были только об учениках. С тех пор школьные дела остались близки моему сердцу (вспоминаю её, маму, их подруг - и умиляюсь, до чего всё-таки люди были преданы своему делу!).

Как я уже упоминал, отец давал мне 15 рублей в месяц, Пять рублей платил за квартиру и на 10 должен был питаться. Два раза в месяц надо было ходить за деньгами к отцу в Губсоюз - там он занимал хорошую должность.

До чего же тягостны были для меня эти походы! Бывало, подойду к лестнице на второй этаж, - постою, вернусь, похожу по улице: Но куда денешься? У мамы денег не было - училась в

институте сестра. Поднимусь, вхожу в комнату - это контора с несколькими столами, его - главный. Подойду, поздороваюсь, он всегда выглядел добрым.

- Папа, мне нужно денег.

- Сколько тебе?

Первого числа я отвечал - десять, а пятнадцатого - пять рублей. Он каждый раз задавал этот вопрос, но я ни разу не попросил больше. А он не предложил.

Все закупки делал сам. Всегда хватало денег: педант с детства. Не так уж плохо питался на 10 рублей. Суп с мясом (1 кг на месяц!), на второе гречневая каша с коровьим жиром - его в плошке растапливали в русской печке, он тут же застывал. Утром и вечером - чай с хлебом без масла, сахар в прикуску. Витаминов мало, поэтому по весне всегда болели глаза. Но других болезней не помню. За все годы своего учения не помню, чтобы пропустил уроки.

Два раза в месяц ходил в кино - 20 копеек, в первых рядах. Изредка покупал на лотке ириску - 1 копейка. Шоколадных конфет не пробовал ни разу.

Одевался бедно - мама обшивала себя и меня. Были две ситцевые рубашки, одинаковые, серенькие. Еще была суконная курточка перешитая из старья. Матрацную наволочку осенью набивали соломой на весь год. К весне она превращалась в труху и спал уже на досках. Простынь была, пододеяльника не полагалось. Одеяло ватное, лоскутное.

В баню ходил раз в две недели. Стирать белье возил домой.

Образ жизни (скучные слова!). Такой был и "образ".

Вставал в семь, ложился в десять. Ни разу не нарушил режима.

Невесело жил. Но - не скучал. Только сильно тосковал по маме и по дому. Через две-три недели обязательно бывал в Ольхове. Осенью и весной - на пароходе, зимой ходил пешком. Много раз я вымерял эти 25 км.

Учиться нравилось: всё легко давалось, был первым, даже старостой класса: журнал посещений доверяли. Но "не высовывался". Странные были порядки: оценки - "уд" и "неуд". Равенство? Глупость?

Уроки не готовил. Заданий мало, всё успевал делать в классе. Даже сочинений дома не писали. Между прочим, учителя были дореволюционной выучки. Только правильно писать не научили - до сих пор ошибки делаю.

Было и слабое место - физкультура. Неловкий, стыдился, хотя сила была. Поэтому хитрил, даже сбегал с уроков. Петь тоже не мог: ни слуха ни голоса. Музыку не слушал, электричества и

радио у Александры Николаевны не было.

Любимый предмет - литература. Всё читал, всё знал, учительницы были умные.

Не помню, чтобы на переменах бесился, как полагалось мальчишке. Всё потому же: "рохля". В драках не участвовал, меня не били, потому что был сильный, сам не задирался. За всю жизнь ударили однажды - ещё в Ольхове.

Вне школы с ребятами не общался. Порядок такой: пришел из школы, пообедал, помыл посуду и читать.

Это и было, как говорят, "Одна, но пламенная страсть".

Книги. Состоял в трех библиотеках, детской, взрослой городской и школьной. Кроме того, в чулане у Александры Николаевны были "приложения к Ниве" за несколько лет - собрания Горького, Куприна, Андреева, Бунина, Сервантеса, Золя. Комплекты приносил и прочитывал "от и до". Гоголя и Пушкина уже раньше знал, в Ольхове. Еще читал всю новую литературу, что приходила в городскую библиотеку - в 20-х годах ещё свободно печатали "попутчиков". Конечно, был Есенин, кумир молодёжи. Но мне больше нравился ранний Маяковский: Строчки из "Облако в штанах" до сих пор помню. Вся моя "образованность" выросла из беллетристики, научных книг читал мало. Разве, что историю.

Общение. Первые четыре года домашних друзей совсем не было, только в школе. Пионеры не понравились, комсомола даже не попробовал. Однако культурные "мероприятия" были. Во-первых, театр. Для школьников по субботам билет последние ряды - 10 копеек. Выходной одежды не было, немного смущался, но превозмогал. Ещё ходил на публичные лекции. Ещё помню "чистки партии": здорово драили!

Историю как предмет, нам не преподавали, было "обществоведение". Я был "за революцию и социализм". Мама и Александра Николаевна - "в основном" тоже. Верили, что власть - для народа, и надеялись на будущее. О ЧК говорили шёпотом.

Вёл дневник. Неблаговидное о себе тоже писал, но по-немецки. Тетрадочку позднее взяла моя "любовь" и не вернула.

О любви. Конечно - влюблялся, и очень рано. Под домом ходил. Сирень в окна бросал. Но писем не писал, и слов не произнёс. Предметы: сначала Шура Венчинова, потом Валя Шобырева, особенно долго. Влюбленность чистая, в постели себя воображал с другими. Да, романтика была, мотивы в уме звучали.

Самое счастливое время - каникулы. От деревенских приятелей отошёл сразу, как попал в Череповец. Общался с сёстрами, они жили рядом. Пока вели хозяйство - была работа: сенокос, картошка, огород. Грибы, ягоды собирал в лесу. Всё

вместе - не очень много времени занимало. А в зимние каникулы даже этой работы не было. В 1928 году организовались колхозы и хозяйство ликвидировали - остался только огород. Всё свободное время лежал на диване и читал книги. Мама называла: "книжный червь" и грозилась продать диван.

3. 1928-29 гг."Страсти-мордасти": Воровство книг. Бог спас?

Где-то у Горького написано: "Придут страсти-мордасти, принесут с собой напасти".

Да, приходили и ко мне. Но как-то всю жизнь удавалось удерживать их "в пределах", не заносило. За исключением короткого периода в отрочестве.

Все было в 14 лет. Сначала - факты. Помню до мелочей.

Я воровал книги. Добрый десяток. Все помню - пять томов сочинений Маяковского, Англо-русский словарь, Курс фармакологии, "Медицинская терминология" - собирался стать медиком- теоретиком.

Был большой книжный магазин с открытыми прилавками. Я приходил с папкой, рассматривал книги, листал и незаметно прятал книжку между своих бумаг. Заведующего помню: интеллигентное лицо с бородкой, средних лет.

И вот, последний раз: только я спрятал Маяковского, заведующий подходит, берёт у меня папку, вынимает книжку, кладет на место и говорит, почти ласково:

- Не надо это делать, молодой человек:

И - всё. Я убежал, раздавленный стыдом и страхом.

Мне и сейчас жутко, через 70 лет: чтобы могло быть! Бог спас?

4. 1928-30 гг. Конец НЭП-а, процессы, колхозы. Разрыв с отцом. Любовь. Лесная практика. Клятва.

В восьмом классе, на границе 15-16-ти лет, я сам и жизнь изменились.

Даже и страна. НЭП кончился, началось движение в социализм.

В классе были "лишенцы" - дети, у которых родители относились к "нетрудовым элементам", лишенным избирательных прав. Это все "бывшие" - дворяне, купцы, кулаки, попы. Мы знали о таких детях, но "дискриминации" не подвергали - слишком абстрактно для мальчишек.

За съездами партии не следил, но был в курсе дела: планы индустриализации. Первая пятилетка. "Левый уклон" - Троцкий. Дальше - "правый уклон" - Зиновьев, Бухарин, Рыков. Но пока их только ругали, не судили. Знали слово "вредители": "Шахтинское дело", "Промпартия".

Пошло наступление на кулака - сначала налогами, а потом раскулачиванием. Образовались колхозы, сплошная коллективизация. Партия посылала читать мужикам "Головокружение от успехов", даже нас, восьмиклассников. Началось массовое бегство из деревни наиболее предприимчивых мужиков. В том числе, и на "стройки социализма". Уверен, что без коллективизации и арестов. Партия бы не построила пятилетки.

На рынке ломали ларьки и магазинчики частников. За год все товары исчезли. Ввели талоны, а потом и карточки.

Мама в колхоз не вступила, определилась как служащая и ликвидировала хозяйство. Это уже назревало - работать некому. Мы уже жили в новом домике - маминой личной собственности, хотя с долгам. Маруся кончила институт и поехала на врачебный участок за 20 км. Отказались от папиной помощи и даже купили мне ботинки вместо деревенских сапог.

Между тем идея социализма уже укоренилась в умах "малой интеллигенции" и не помню, чтобы мама и учительницы у Александры Николаевны роптали на коммунистов. Конечно, мама переживала за "баб", что плакали, отводя скотину в общественные дворы. Но это относили за счет "ошибок". ГПУ ещё так не свирепствовало, как в 37-м, богатеев в наших деревнях было мало, поэтому раскулачивание в Ольхово шло сравнительно легко.

Школьные дела тоже изменились: после 7-го класса многие

ученики отсеялись. Создали один класс из двух. В средних школах ввели специализацию - "уклоны". Нам достался "лесотехнический": инженеры из леспромхоза читали лекции. Было ново и интересно: "таксация", "геодезия", "лесоустройство". Зачётов не устраивали, но водили "в поле" - работать с приборами. Чего ещё лучше?

Любовь. Валя Шобырева из нашего класса. Каждое утро, как шел в школу глядел - не появится ли из-за угла чёрный берет с красным помпоном. Лицо, как сейчас вижу - очень красивое. Было "тихое воздыхание", никаких провожаний, встречаний и записок. Не скажу, что пользовался взаимностью, так - благосклонность. Был даже соперник - школьный поэт.

Странное это чувство - отроческая любовь без сексуальности. Кажется, так пели: "только сердце от чего-то сладко таяло в груди:" Притом, что грешные желания были - но к другим предметам, к взрослым женщинам.

На летнюю практику в лес мы поехали вчетвером: Валя, Шура Ванчинова, Коля Чернышов и я.

Маленький лесной поселок с конторой, с заводиком, службами. Встретили, как взрослых. Выдали продукты, отвели комнату в новом недостроенном доме - одну на всех. Мы, мужчины, устроились в углу за печкой, девочкам - лучшее место. Молодой техник - (ревновал!) два дня водил в лес и показывал как отводить лесные делянки и пересчитывать в них деревья.

Вечером девочки варили суп из мясных консервов. До этого о консервах только читал в романах.

Сплошной праздник жить в одной комнате с любимой! Через несколько дней отправились в "настоящий лес" ещё за 20 км. Дали нам в помощь двух лесников. Поселились в лесной избушке, с нарами, очагом в центе, маленьким оконцем без стекла: и тучами комаров. Спасались только дымом.

Работали с утра до вечера: мужчины измеряли, (инструмент: "мерная вилка") кричали цифры, девочки записывали на фанере. Уставали. Вечером лесники варили вкусный "кулеш" из консервов и крупы, чай в котелке, ещё - вяленая вобла. Спали на голых нарах из отёсанных жердей, подстелив одежду. Очень хотелось поцеловать Валю, приложиться, как к иконе, но не решился. Работу сделали за семь дней и вернулись на базу. Прошла одна из самых счастливых недель моей жизни.

Дальше всё было плохо.

Вернулись. Заявились в контору, к этим молодым и красивым техникам. Написали отчёт. Потом нас с Колькой отправили в лес, а девочек оставили.

Второй заход в лес был очень грустный. Совершенная глушь,

вырубки, пустуши. Болота, кочки, комары. Кукушки тоскливо кукуют. Ветрено, деревья скрипят. Дождики, крыша в землянке течёт. Мужики неприятные. Работа не продуктивная - измерять и самим записывать, лес редкий, кусты.

А там, в леспромхозе, осталась любовь в окружении мужчин.

Через неделю я люто затосковал. Поздним вечером сидел перед дымным очагом, смотрел на огонь и думал горькие ревнивые думы, сжавши зубы, чтобы не заплакать. А тут ещё забытый дневник. Что тут ждать хорошего?

Результат - я сбежал с практики. Симулировал болезнь и рванул на станцию прямо из леса, вещи на Колю оставил.

Приехал домой. Сочинил "легенду". Мама была рада. Не думаю, что она поверила, но напрямую не пристыдила. Просто пропустила мимо ушей. Зато Маруся как-то потом сказала: "Все ты выдумал!" Я - не упорствовал.

Написал письмо Вале на леспромхоз - с тем же враньем. Стыдно было признаться. И стал ждать ответ, с большим страхом.

Письмо пришло через месяц, уже из Череповца. Очень грустное: "Я всё прочла. Поняла, что сбежал. Очень жаль, что ты такой". Обидных эпитетов не было, признаний, что любила - тем более, но дело ясное - конец!

Всё у меня сжалось внутри.

- Что ж, заслужил - получил.

Я не помню, чтобы произносил клятву, но чувствовал без слов:

- Никогда больше не допущу.

Чего - "не допущу?" - позора перед людьми? Греха перед Богом? Ни то, ни другое. По-прежнему, считал себя главным судьёй своих поступков. Выше людей. И не верил в Бога. "Не допущу слабости". Что это было? Пробуждение совести? Ещё - нет. Была - "Гордыня".

Только много позднее сформировалось другой внутренний закон - уважение к чувствам других людей, не причинять им горя. Права не имею! Сам слаб и грешен.

5. 1930-32 гг. Аресты. Ленька - компания. Техникум. Работа на "прорыве". Практика в Ленинграде. Смерть отца. Машинист. Окончание учения.

Грустно закончилось то лето: лежал, читал. Куприн, Арцибашев:..

Перед 1-м сентября приехал в город, прибежал к Лёньке и узнал потрясающую новость:

- 9-го класса не будет. Учеников распределяют - кто хочет остаться дома - в механический техникум, другие - в Ленинград, в Ораниенбаум, учиться на лесника. Уже идет запись. Валя записалась. Ты как?

- А ты?

- Я, и почти все - остаёмся. Денег нет в Ленинград ехать.

И я остался, вроде бы по той же причине - знал, как тяжело досталась маме Маруся. Только-только вздохнула и, чтобы опять: Да и стыдно было перед Валей. К тому же одеть нечего, очень беден для Ленинграда.

Записался в техникум, вместе со всеми. Из нас, школьников, создали отдельный класс, зачислили на второй курс.

Техникум был основан ещё в прошлом веке: выпускали механиков. Назывался "Александровское техническое училище".

Теперь индустриализация страны вдохнула новую жизнь: готовить техников для лесной промышленности и электростанций.

"Школьников" стали ускоренно обучать, чтобы догнать основных студентов-"техников". Занимались по восемь часов: математика, физика, химия, механика, черчение. Потом пошли специальные предметы - паровые котлы, машины, турбины. Учили много, но плохо. Была эпоха "бригадного метода": пять человек вместе готовили уроки, отвечал один от всей бригады.

Зато дали стипендию - 30 рублей! Обедали в столовой, не дорого, но жидко и порции малы. Домашние обеды прекратились, всё давали по карточкам, хлеб чёрный, 400 гр., а вместо сахара - песок, который я тут же съедал. Не голодал, но и сытым не был. Наедался только у мамы: бюджет её поправился, когда у детей появились свои получки.

Жизнь менялась на глазах.

Рыночная площадь опустела, частная торговля исчезла. Город быстро расстраивался: мужики перевозили дома из деревень -

спасались от колхозов. Культура хирела: прекратились удешевлённые спектакли. Открылся торгсин - государство собирало золото и серебро на индустрию. Я в магазин не заходил.

В стране шла тотальная зачистка - арестовывали бывших офицеров, эсеров, меньшевиков, дворян, купцов. Не скажу, что нас, ребят, это сильно трогало - народ всё бедный, аресты коснулись лишь нескольких человек.

Моя жизнь значительно изменилась. Валя уехала в Ленинград. Я её не видел. Тоска осталась, но как-то притупилась. Отболело.

Зато мужская компания расцвела. У Леньки Тетюева открылся музыкальный талант - стал играть на гитаре, мандолине, на трубе в оркестре. Все мальчишки начали курить. Я - не поддался, но на "посиделки" ходил. Однако, к десяти часам всегда возвращался. Маме писал каждую неделю, но ездить стал реже.

В большом темпе мы проучились почти до нового - 1931-го года.

И тут пятилетка нас настигла: отправили на "ликвидацию прорыва" в лесопильные заводы на север, за Белое озеро. Там остро не хватало рабочих.

Шли пешком, расстояние около двухсот километров. Мороз 20-30 градусов, выдали фуфайки, ватные штаны и рукавицы. Валенки у всех свои.

На Кемском заводе я попробовал рутинную жизнь рабочего и понял классовую ненависть.

Работа была тяжела и однообразна - отвозить доски на вагонетках и складывать в стопы. К обеденному перерыву уже вымотан, а после ещё четыре часа тянуть. В общежитие сначала приходил чуть живой. Потом втянулся.

С ужасом представил: если бы так на всю жизнь? Понял, почему культурные рабочие шли в революцию - завидовали. И я бы пошёл.

Жизнь большой компании не тяготила. Народ подобрался хороший, не пьянствовали и не хулиганили. Вот только жестоко обовшивели - спали вповалку, мылись редко, дезкамер тогда не было. Без малого четыре месяца проработали, социализму помогли.

После прорыва мы все как-то повзрослели. Я чуть не через день ходил к Тетюевым, девушки приходили, разговоры вели. Ленька собрал струнный квартет. Танцевали. Но не я. Так и не выучился. Комплексовал.

Техника мне понравилась, читал по паровым турбинам, котлам, дизелям. Изобретал машину для укладки досок в стопы.

Делал чертежи.

Учились без каникул до июля и сразу же поехали на новую практику, на этот раз под Ленинград, на целюлозно-бумажный комбинат.

Там снова была тяжелая работа кочегаром в котельной.

Очень хотелось повидать Валю. Ораниенбаум - вот он, рядом, час езды от Ленинграда, только в другую сторону. Уже знал, что она вышла замуж, но всё равно, хотя бы взгляд. О моей любви, конечно, не знали, но повидать одноклассников согласились. Поехали компанией в воскресение.

Запомнился бескрайний парк, болтовня с приятелями об учебе - они будут лесничими, и короткое свидание при людях с замужней женщиной Валей.

- Все очень хорошо, муж - студент, любит, имеем комнатку в общежитии.

Вот так: "Все прошло как с белых яблонь дым..."

Нет, не сразу прошло, года два ещё болело, девушки не нравились.

После практики был месяц отпуска: мама, диван, книги ("книжный червь").

В сентябре умер отец. Мы работали на разгрузке дров с барж, близко от города: возили на тачках на крутой берег. В обед бригадир сказал:

- Батька у тебя умер. Поезжай хоронить.

Никаких чувств не пробудилось.

Сижу около гроба, смотрю на мёртвое лицо, думаю о его прожитой жизни.

Гроб до кладбища несли на плечах. Я тоже нёс, всю дорогу. На поминках не был, да и не помню, чтобы приглашали. Зато помню, (о подлая память!) как на пути с кладбища купил красный ломоть арбуза - первый в жизни. Помянул.

Ни разу могилу не посещал. Не много места в душе занимал отец, а теперь совсем вычеркнул. А мама плакала:

- Хороший был человек.

С осени меня одного из "школьников" перевели к "техникам": их предполагалось выпустить досрочно. Пятилетка требовала.

В новой группе я был самый бедный - у меня, единственного, не было пиджака, его заменял джемпер Маруси. Оглядываясь, скажу - лодырь. Мог бы подработать, сила и время были. Так нет, только книги и трёп с друзьями.

Уроки по-прежнему, не готовил. Но положение в новом классе завоевал. На девушек совсем не глядел, хотя любопытство (всё по Фрейду!) имел. Всю жизнь с ним прожил, с сексуальным любопытством.

Занятия кончились как-то внезапно - послали на практику на полгода, разбросали по лесопильным заводам. Я попал в село Луковец, 12 км от города.

Проходили практику "на рабочих местах". Я - машинистом на паровой машине. Это было интересно и не тяжело. Заработал на тужурку из шинельного сукна и, наконец! - купил полушерстяной чёрный пиджак, самый дешёвый.

Сразу после практики объявили, что "техникам" учение кончилось.

Мне и Севке Милославову выписали путёвку в Архангельск, на лесозавод имени Молотова. Прибыть 25 октября.

До отъезда был ещё отпуск: путешествие с мамой по Шексне и Волге в гости к Марусе. Обратно ехали поездом с заездом в город Арзамас к дяде Павлу, начальнику НКВД, и в Москву на два дня.

Последние недели сидел дома под окном, непрерывно лил дождь, а я читал "Братьев Карамазовых", потом всего Достоевского подряд. Настроение было соответствующее.

Юность закончилась. Счастливая? Пожалуй - да.

Глава третья. Архангельск. 1932-39 гг.

1. 1932-35 гг. Проводы. Дорога. Сменный механик. Общежитие. ИТР - столовая.

Поздно вечером мама провожала меня на пароход - окончил техникум, еду на работу в Архангельск. Дорога к реке через луг. Было удивительно тепло. Не помню точных слов, но мама говорила приблизительно так:

- Провожала твоего отца на войну, так же было тепло, конец сентября в девятьсот четырнадцатом. Счастья после этого уже не было. Вот теперь ты уезжаешь.

Дышала неровно - сдерживала, слезы. Не показал, что заметил. К чему углублять горе? Смутно было на душе. Ничего не ждал хорошего. Жалко своего места дома у окна, книг. Мама сдержалась и не зарыдала, когда обнимала меня перед сходнями.

"Кассир" медленно зашлепал плицами и отвалил. Под керосиновым фонарем на пристани растаяла во тьме женская фигура в платке. Тогда только представил, как она побредёт одна в темноте. Сжалось сердце.

Ехали с Севкой Милославовым, однокурсником.

Вещи: самодельный чемоданчик, обитый белой клеенкой. В нём Маяковский, пирог "помазень", бельишко, две простыни. Ещё узел - лоскутное одеяло, подшитые валенки, подушка - всё упаковано в матрацную наволочку. Её набить соломой или сеном и будет матрац. Одежда и обувь вся на мне - тужурка из шинельной ткани, брюки, перешитые из отцовских, пиджак. Старые ботинки и калоши. Бедность не порок, но узел раздражал своим полосатым видом.

Дорога: Череповец- Архангельск. В Вологде пересадка. Страшная давка на вокзале. Посадка - штурм, уборная - проблема, поспать - если захватишь третью полку, на второй сидят. Мат и вонь. Великое переселение народов: крестьяне едут на Север, спасаются от колхозов. Часа через три всё утряслось, место уже не займут. На остановке стоим с кружками у будки "Кипяток".

Архангельск. Станция на левом берегу, город напротив. Мрачный полдень, грязный, истоптанный талый снег, широченная пустая Двина. Всё деревянное - вокзал, перрон, склады, пристань. Пароход "Москва", почти морской, с высокими бортами. Длинная очередь на переправу в город.

Переплыли. Близко от пристани нашли "Дом крестьянина", оставили узлы в камере хранения. Расспросили дорогу. Долго-долго ехали трамваем вдоль города. Лозунг: "Даёшь пятилетку в четыре года! " Снова переправа - через Кузнечиху, рукав Двины, в

Соломбалу.

С трудом разузнали дорогу на наш завод "имени Молотова". Там электростанция куда нас распределили. Болото, на сваях эстакада из досок покрытых слоем грязи. Вдали маячит труба: "Вон ваш завод". Снег с дождём, темнеет. Измучились. "Не добраться!" Оставили чемоданы в крайнем домике. Нет, не боялись, что украдут. Вернулись в Дом крестьянина: койка, столовая, кипяток. "Правда" на стене под стеклом. Комфорт.

Утром легко добрались. Пешком, пять километров от города. Весь завод и поселок на щепе, слой два метра. Нигде ни кустика. Посёлок: деревянные одинаковые двухэтажные дома и дощатые бараки. Река, на берегу огромные штабеля брёвен, два низких деревянных корпуса лесозаводов, внутрь по желобам из бассейна ползут брёвна. Непрерывный металлический скрежет транспортеров. Этот звук над посёлком до сих пор стоит в памяти.

Электростанция даёт ток в общую сеть на город и лесозаводы. Их в окружности пятнадцать, пилят доски на экспорт: "валютный цех страны". Наш - самый молодой и большой, "стройка пятилетки".

Станция считается временной, поэтому у неё деревянный корпус в четыре этажа и железная труба. Транспортёры на столбах тянутся от корпусов завода, по ним плывёт щепа внутрь станции и дальше, на склад.

В поселке нашли контору. Директор (из рабочих) недоверчиво оглядел - мальчишки, мне восемнадцать, Севке девятнадцать. Но зачислил сменными техниками, иначе, сменный мастер, сменный механик. Можно назвать и совсем пышно - "начальник смены". До нас они все были из рабочих (вот были времена- начальник в 18 лет!).

Выдали пропуски, карточки, талоны на столовую: не шутите, для ИТР (Инженерно-Технических Работников) !, Тут же отсчитали подъёмные и дорожные - около двухсот рублей. Таких денег отродясь не видел. Зарплату назначили - 125 р. плюс "ночные". Маме 50 послал и ещё останется.

Проводили в общежитие, в дом на краю посёлка.

Комната на первом этаже, стены не штукатуренные, пять деревянных кроватей с досками. Стол под газетой, хлеб, кружки, тараканы. Ведро с водой, жестяной таз. Три табуретки, одежда на гвоздях в стене. Следы клопов. Печка, дрова. Уборная во дворе.

Уже живут трое механиков, как мы. Познакомились. Рассказали, где набить матрацы - есть только стружка. Соорудили постели - ватное одеяло из цветных лоскутков немного смущало. Ничего, народ простит.

Потом ходили в столовую. Отличная! Никогда в жизни так не ел.

2. 1932-35 гг. Станция. Смена. Обязанности. Авария. Работа.

Станция. Я вижу её до мелочей, даже с открытыми глазами. Маленькая дверь с улицы в машинный зал, через которую мы вошли в первый раз. Сразу окутал ровный гул турбогенераторов.

В машинном зале на высоких фундаментах две турбины - большая на 5000 киловатт и малая на 1600, куплены старыми. Здесь же распределительный щит. Тут царствовали щитовой монтёр и машинист. Они сидели за столиками и каждые полчаса записывали показания приборов.

В котельной на бетонном полу смонтированы четыре паровых котла. Высота в три этажа, с железными трапами и лесенками. Вверху у водомерных стёкол и манометра сидели водосмотры. Они регулировали поступление воды в котел. Они же давали гудки.

На втором этаже стоял кочегар. Он смотрел за топкой и регулировал подачу топлива. В самом низу, где вентиляторы и насосы, работали два подростка-зольщика, их обязанность - выгребать золу. Главным в котельной был старший кочегар.

Больше всего хлопот доставляла топливоподача. Станция работала на древесной щепе и опилках - отходах после распиловки бревен. Щепа подавалась на станцию к котлам и на склад по ленточным транспортёрам. Они тянулись через заводской двор на высоких столбах. Для работы на складе была команда из двенадцати девушек во главе с их "бригадиршей".

Сменный техник - командир над всей сменой.

Собственно, никаких специальных обязанностей у него не было -обеспечь выполнение графика нагрузок и всё. Топливо не экономили. Щепы - избыток, ею засыпали территорию посёлка. Вся беда в неритмичности. Если завод стоит, всё равно надо давать энергию в сеть. Вот и начинается аврал. Особенно в "часы пик", зимой - утром и вечером, - давай 6000 киловатт и никаких разговоров! Диспетчер из города не даст покоя сначала щитовому монтёру, потом сменному технику, потом и директору.

Всего одну неделю мы стажировались и заступили на свои смены. Не было особых трудностей. Помню только первую аварию ночью. Лампочки начали ярко светиться, машинист кричит:

- Сейчас вырубит!

Это значит, наш участок сети отключился от системы, нагрузка упала турбины идут вразнос и срабатывает автомат, пар закрыт - турбина отключилась. Тут начинается настоящий ад -

свет гаснет, предохранительные клапаны на котлах травят пар под крышу со страшным свистом, дымососы останавливаются, пар, дым и искры заполняют всю котельную. Молодые рабочие убегали от котлов на улицу. А ты - командир, за всё в ответе!

Конечно, у каждого рабочего на такой случай инструкция, но нужно, чтобы они не растерялись, сделали всё как положено. И, чтобы, Боже спаси, не загорелась деревянная коробка здания.

В первый раз я тоже испугался, толку с меня было мало, в полутьме заблудился на лестницах, но всё обошлось - ребята дело знали. Потом уже не боялся. Если сравнить с кровотечением при операции на сердце, которые испытал спустя четверть века, такая авария - детская забава.

Освоение профессии прошло успешно и довольно быстро. Через пару месяцев я уже мог заменить любого из рабочих, исключая щитового монтёра и машиниста - они не доверяли мне своих дел.

Кроме нас с Севкой были ещё два сменных техника. Оба они практики, теорий не знали. Дружбу с ними не водил.

Моложе меня на смене были только зольщики. Все звали Колей и на "ты", но уважали. Наверное, за работу, за простоту без панибратства. Не знаю, за что, спрашивать не приходилось.

Смена была хорошая. Старший кочегар Коля Михайлов, почти ровесник, сын эмигранта, поэтому Коля боялся, что чуть-что - арестуют. Щитовой монтёр, Захарин Григорий, забыл отчество, много старше меня. Биография интересная: в 1914 удрал от войны на иностранный корабль, плавал по всему миру. Надоело, обосновался в Штатах, переменил много профессий. Поддался на советскую пропаганду и приехал "строить социализм". Потом проклинал тот день и час, а уж коммунистов поносил: "от и до". Выглядел очень импозантно - лицо как у профессора, комбинезон светло голубой с массой карманов и застёжек, читал английские книжки.

Только один человек на смене меня полностью игнорировал - старик машинист. Еще при Цусиме был машинистом на корабле. Лишь через год мне удалось заслужить его минимальное уважение: я пустил турбину после аварии, когда сам старик спасовал и отказался.

Мне удалось сплотить смену примерно за полгода. Потом до конца не знал забот, мог спокойно заниматься в своей конторке. Для этого не нужно всех гладить по головке и сюсюкать о личных делах. Матерные слова я знал с детства, но практику прошёл на станции. Теперь без употребления лежат эти слова. Вернее, перешли во внутреннюю речь. Очень помогают при операциях и конфликтах.

Как гудок прогудит, смену сдали, все собираются в "красном уголке" на пятиминутку. Начальник скажет несколько слов о работе, разберет ЧП, если были, пожурит нерадивых, похвалит хороших.

Приятный момент на смене - еда. В полдень, а в вечерние смены часов в шесть-семь, заявлялся зольщик и спрашивал:

- Коля, небось, за обедом сходить?

Ему доставляло удовольствие поболтаться по поселку. Иногда что-то перепадало в столовой, наших зольщиков там знали. Рабочим пищу не носили, буфета или столовой не было. Перерыв не полагался, ели тут же, где работают, чаще черный хлеб с кипятком.

Времена года очень отзывались на станции. Летом не работа, а удовольствие. Нагрузки маленькие - светло всю ночь, освещение не включают. Топлива избыток. Склад полон. Ходишь, бывало, по транспортёрам, видно далеко, обдувает запахом древесины. На Севере тепло имеет особую прелесть, его все время ощущаешь как благодать. Но лето в Архангельске короткое - два месяца и снова пасмурно, тучи, дождь, холод. Зимой нам доставалось сполна - вечерний пик нагрузок и утренний пик. С трёх часов и до восьми, и утром - с семи утра до десяти - жмёт диспетчер: давай 6000 киловатт! Турбины работают почти на пределе.

Но турбины что им бы пар, а вот котельная в постоянной лихорадке. Требуется равномерная подача топлива и искусство ведения топки. Коля Михайлов дело знает, но топливом приходится обеспечивать мне: Вот и бегаешь вдоль пассов и транспортеров - от станции на завод:

- Почему ленты пустые?

- Видишь, простой, лесу нет.

Бежишь на склад:

- Девочки, давай, давай, пар садится!

Девочки уже платки размотали, телогрейки сняли, свежую щепу подобрали, приходится ковырять старую, она смерзлась в камень. Сам покопаешь для воодушевления и согреву, и снова на завод:

- Скоро топливо подадите?

- Да поди ты: тут план горит.

Я никогда не носил ватника, бегал в одной спецовке. Намёрзнешься, чуть живой, и на котлы к водосмотрам, в тепло. Постучишь по манометру, если стрелка идет кверху можно вздохнуть. Счастлив, когда смену дотянешь, с графика не сползешь.

3. 1932-35 гг. Быт. Именины. Сравнения.

В комнате жили дружно, хотя без особой теплоты. Костя Кваскоов - электрик, москвич, интеллектуал. Масса анекдотов, историй, немецкие журналы читает. В январе 1933 он первый просветил нас о Гитлере. Пашка Прокопьев - архангелогородец, модник, выпивоха. На третьей койке люди менялись - не помню. Еще был один приходящий - Володька Скрозников, старше нас, женатый, с завода. Добрый, прямой, картавый, низкорослый, матерщиник. Очень приятный.

Вечера и ночи - преферанс по четверть копейки с пивом. Пиво без карточек в главном магазине. Я играл без азарта, когда переходили на очко отказывался твёрдо.

В начале декабря вспомнили про мой день рождения (19 лет). Денег не было, Володька снял со своей книжки последние и купил вина. Первый раз в жизни попробовал - было противно, но пил и напился вдрызг. Не помнил, что было. Утром похмелье, рвота. Реакция осталась на тридцать лет - желудок не принимал. Этот рефлекс спас меня - у хирургов спирт всегда под рукой, спиться легко.

Вместо выпивок в моей жизни были отдушины - работа и чтение. Третья отдушина - любовь уступала первым.

Хочется сравнить "век нынешний и век минувший". Вот эти впечатления, выверенные и взвешенные. Отношение к труду было честное. Не воровали на производстве. Разводов было немного. Пили умеренно. Бедность - питались плохо, но не голодали. Одежду носили до износа. Жили в общежитиях и коммуналках. Преступность низкая.

Началась вторая пятилетка. Много было обещано, ничего не выполнено.

4. 1932-35 гг. Первая зима. Болезнь мамы. Любовь. Дядя Павел.

Когда начинал писать, казалось, все забыл. Потом пришло прояснение: последовательность событий, чувства, даже ключевые слова, по которым диалоги придумал.

Первый период, в той комнате на четверых, занял всю зиму. Это была адаптация к быту, освоение профессии, человеческих отношений. Настроение было неплохое. Тосковал по одиночеству, Редко удавалось одному подумать, кто-нибудь всегда в комнате разговаривал. Короткие письма писал маме каждую неделю, получал ответы.

Книги, конечно, читал. Библиотека на заводе была приличная. Приоделся. На базаре купил морской шлем (зюйдвестку?), шнурованные сапоги и: полушубок, а для выхода - желтые ботинки- экспортные - "Скороход"!. Соседка сшила рубашку с приставными воротничками. Первый галстук купил. Карточка сохранилась с той поры: смешной мальчик!

В первую же зиму мне нашли хорошее дело: заниматься с рабочими, готовить их к сдаче техминимума. Сначала учил кочегаров, потом машинистов. Народ пестрый, но больше молодые с тремя-четырьмя классами начальной школы. Семилетка среди рабочих тогда считалась "образованием". Учились с удовольствием, занятий не пропускали. Экзамены сдавали комиссии. Волновались, я тоже. От кочегаров началось мое преподавание и на всю жизнь.

Так и прошла бы первая зима 1932/33-го. если бы не случилось несчастье: заболела мама.

Маме не везло до конца. Она умерла в пятьдесят два года от рака желудка. На боли в животе жаловалась давно, ездила в Череповец на рентген. Подозревали язву, не нашли.

В марте 1933 года на станцию пришла телеграмма: "Амосову: срочно выезжай, мать больна". Отпросился, подменился сменами, поехал. Тревога.

В Череповец приехал утром. Сразу же отправился пешком в Ольхово. Солнечный день начала марта. Что-то меня ждет? Жива ли? Всякие мысли приходят на ум, когда идешь зимней дорогой.

Неожиданно встретил их на середине пути. Издали узнал тетку Евгению. Сердце сжалось. Побежал навстречу. Мама лежала в санях, закутанная в тот самый тулуп, в котором ездила на роды. Лицо бледное, глаза закрыты. Поцеловал, открыла глаза, оживилась. "Коленька, Коленька!"

Не плакал, слезы всегда были далеко.

Слабым голосом рассказала, что было желудочное кровотечение, потеряла много крови.

- Вот еду лечиться, да ты не бойся, не умру:

Даже тут она думала о моих страхах, а свои держала при себе. Поехали прямо в межрайонную больницу. Она стояла на окраине, на высоком берегу Шексны, недавно построенная.

Больную положили на носилки и внесли в вестибюль. Пришел хирург, посмотрел и велел отправить в палату. Я неумело помогал нести.

Три дня прожил в Череповце. Ходил на короткие свидания. Операцию не делали. Переливали кровь. Стало получше. Улыбалась: "Не бойся, Коленька: "

Уезжал из Череповца, не понимая опасности. Маму выписали, примерно через месяц. Процент гемоглобина повысился немного. Самочувствие улучшилось, дома пробовала даже работать, да не смогла. Однако почти каждый день ходила в медпункт. К этому времени открыли родильный дом на три кровати и была молодая акушерка. Сбылось то, о чем мечтала всю жизнь: принимать роды в больнице. Но уже не для нее:

Любовь. В 1933 году Весна в Архангельске началась поздно. В середине мая деревья стояли еще голые. Но день уже длинный, работать стало легко. К этому времени мы с Севкой остались в комнате вдвоем - уехал в Москву Костя, переехал в город механиком на спиртовой завод Пашка. Прошел ледоход по Двине. Ледокол ломал льды и несколько дней даже перевозил людей из Соломбалы. Такой себе небольшой ледокольчик.

К лету старая мужская компания распалась и сложилась новая: из Череповца приехали наши выпускники - Ленька Тетюев и Толя Смирнов. Оба друга работали сменными механиками на лесопильном заводе. Только работа у них была тяжелее. Как правило, ребята перерабатывали по три-четыре часа, пока ремонтировали механизмы после смены. Приходили домой в грязных ватниках, в опилках и валились от усталости. Жили они в том же доме, где была наша столовая, поэтому виделись ежедневно.

Еще: попробовал завести роман без любви, для секса. Девушка (из мелких служащих, забыл имя), малоразвитая. Но все оказалось не просто: не сумел. Переживал недолго, отступился. Но интерес к девушкам пробудился.

Севка уехал в Ленинград учиться в военную школу. Мне - на одного (!) - дали маленькую комнату в двухкомнатной квартире директора (!) станции: вот какие были времена! - Социализм.

В 32-м бараке жили девушки - бухгалтеры из ОРСа, Женя и

Галя. Потом к ним подселили вторую Женю. Комнатка была маленькая, но кроватки (наши заводские деревянные) покрыты белыми покрывалами. Днем на них садиться не полагалось. Не то что мы: все свободное время проводили лежа.

Девушек я приметил в столовой ИТР с первых дней, они приехали из Вологды после техникума. Помню, как Галя стояла у столика кассирши: в кожаной куртке с меховым воротником, ножка в туфельке и шерстяном носке этак "художественно" отставлена. Все мужики на нее поглядывали и разговаривали преувеличенно оживленно.

Я тоже смотрел на них месяцев девять. Не решался заговорить, комплексовал. Познакомил нас, кажется, Володька Скрозников..

Трудно писать о любви. Ни одно чувство так не изъезжено словами, как это. Не случайно: большая значимость.

Любовь идет от биологии: в генах заложена главная программа природы --размножение. Чтобы ее реализовать, нужно общение, выбор партнера, соответствующие действия. Для действий - стимулы. Стимулы - от потребностей. Потребности - в половых железах и подкорковых центрах мозга. Они выражаются чувствами. Воспитание тренирует или подавляет их. Еще больше - успех или неудачи в реализации. Такова простая арифметика людского поведения.

Вот цепочка: Восхищение, Идеал, Красота. Хочется смотреть и смотреть. Но надоедает: адаптация. Нужно знакомиться ближе. Разговаривать. Требуются обратные связи. Отвергнут - повздыхал, успокоился. Поддержали, поощрили, заметили - уже счастье. Сначала кажется - больше ничего не нужно. Но: опять адаптация. Нужны прикосновения. Потом ласки. Потом: все остальное. На каждой ступени возможны остановки. Короткие или длинные - от характера (общительный, спокойный), от воспитания. И от обратных связей. Если все правильно, то счастье все растет и растет, прелести каждой ступени остаются и живут с тобой. Любимая все время в тебе -"эффект присутствия". На все, что бы ни делал, прикидываешь- как оценит она?. Всё принадлежит ей, "предмету". Во всем субъективность оценок. Боже мой, какая пристрастность! Где твои глаза? Уши? Ум? Она - красивая? Несомненно. Если не античная красавица, то симпатичная. Природный ум. Не развита? Ничего, выучится! Добра? Конечно, добра! Если не все качества, какие ожидались от идеалов, то просто жизнь у нее была тяжелая- " среда". Теперь все изменится.

И так далее.

Степень и темп смены этапов: смотреть, разговаривать, касаться, ласкать, спать: И - не смотреть, не разговаривать, не

ласкать, не касаться, только секс. Все от типа и воспитания обоих, от обстоятельств.

Какая грубая картина! И ложная. Автор - злой старик, все забыл или не чувствовал.

Нет, любовь прекрасна. Даже ее грубые и животные ступени, против которых восстает наша идеальная романтика, обожествляющая человека. Но особенно хороша, когда все гармонично сочетается в обоих: красота, чувства, страсть, ум: Характер: Тогда любовь устоит против адаптации, которая безжалостно расправляется с преувеличениями.

Если идти от кибернетики, то любовь развивается по закону положительных обратных связей: сначала эффект усиливает первоначальное внешнее воздействие, но когда уже достигнут предел, то даже маленькое уменьшение эффекта рушит любовь. Поток начинает иссякать. Прозрение. Нет, хуже - переоценка с обратным знаком. Часто - несправедливая.

И у нас все было, как по писаному: "присутствие", "принадлежность". Вопросы внутренней речи по каждому поводу: "Что она сейчас делает? Как она к этому отнесется? "

Разумеется, я говорю о Гале. Развился классический вариант "чистой любви", почти как с было с Валей. Встречи в столовой, обмен книгами, кино, походы в городской театр. Катание на лыжах. Однажды был такой мороз и ветер, что я чуть не отморозил: самое главное, пока до дома добрались. Не скажешь ведь ей, что пропадаю!

Никаких поцелуев, изредка - под руку, только разговоры и разговоры. Мечтали поступить учиться. Я мечтал. Казалось, что она тоже. У женщин удивительная способность светиться отраженным светом.

Так прошло лето 1933 года

В августе я приезжал в отпуск в Ольхово. Было грустно, беспокоило состояние мамы, хотя опасности не понимал. Уехал, пожалуй - с облегчением. Любовь уже намечалась.

Возможно, платоническая канитель с Галей тянулась бы очень долго, если бы ревность не подтолкнула события. Приревновал к Володьке Скрозникову. У него уже два года была красавица жена Маша, но для разговоров она мало годилась. Поэтому он тянулся и сюда тоже. Таковы мужчины. Не знаю, далеко ли шли его намерения и ее "обратная связь", но Галя с ним вроде бы встречалась.

И вот наступило 7 февраля 1934 года. У меня ночная смена. Толька и Ленька позвонили мне около часа, что после чая Галя и Володька ушли прогуляться и их все еще нет.

Это была самая ревнивая ночь в моей жизни. Романов уже

было много прочитано, видел себя со стороны: "Дурак, какой же ты дурак! Не смеешь поцеловать, а тут: " Володька не стеснялся в высказываниях по поводу женского пола, включая и свою жену. "Нет, все кончить! Немедленно! " В два часа позвонили, что пришла. Смену доработал, дома спать не мог, в одиннадцать пошел завтракать в столовую. Подруги, как ни в чем не бывало, сели за мой стол. Наверное, Гале рассказали , как ночью на телефон ребята бегали.

После завтрака были объяснения, совсем их не помню, но вечером друзья перенесли ко мне кровать и пожитки Гали. Женитьба состоялась. Но решили испытать временем: зарегистрировались только через полгода.

Брак был счастливым поначалу. Все его атрибуты присутствовали, но нет особенных слов для описания. Хотя были трудности в некоторых аспектах супружеской жизни, по моей вине, как понял позднее, когда стал настоящим мужчиной. Подозрения в адрес Володьки не оправдались, О Гале и говорить нечего. Классика: вместе теряли девственность.

Так обстояли любовные дела. Если считать по среднему, то этот фронт уже тогда, и всю жизнь стоял на третьем месте, исключая острые моменты. Первым делом - работа, вторым была страсть к выдумыванию, конструированию. К науке? Я всегда стеснялся называть себя ученым. Но всю жизнь создавал модели, рисовал схемы, что бы понять суть системы.

Началось еще на первом курсе, на "прорыве". Там, в завшивленном общежитии уже выдумывал "автомат для укладки досок в стопы". . Потом за жизнь еще много было изобретений, малых и больших. Довел до практики только одно, но очень серьезное: АИК, Аппарат Искусственного Кровообращения, но это было через 20 лет. Такой вот горе-изобретатель.

Зиму 1933-34 мама прожила у своего брата, дяди Павла, начальника НКВД Чувашии, в Чебоксарах.

Местные врачи поставили диагноз: подозрение на рак. Оперировали: опухоль удалить невозможно. Скрывали от больной, но она все равно поняла, хотя виду не показывала.

Я приезжал в конце марта всего на несколько дней. Познакомился с бытом начальников: жили богато, по моим тогдашним стандартам, по современным - скромно: три комнаты, кухня, ванна. Прислуги не было. Дядя сам выносил во двор ведро с мусором. Не знаю - фасон или демократизм?

Изредка вели с ним разговоры: признал меня взрослым.

Я рассказал как меня вызывал следователь. Он спросил напрямую:

- Не предлагали сотрудничать? Не говорили: " Кругом враги,

нужно чекистам помогать".

- Нет. А что это значит?

Тогда я еще был стерильный по этой части.

Дядя объяснил. Назвал даже термин: " шкапной сексот" .

- Отказывайся наотрез. Ничего не сделают: а то попадешь к нам в лапы, так и будешь жить обосранный.

Обстановкой в стране был недоволен. Делал намеки в адрес Сталина, но не уточнял. Он первый зародил во мне антипатию к вождю.

К маме, конечно, относились хорошо, но все равно она чувствовала себя в гостях и тосковала. Сидела в своей комнатке за кухней, такая жалкая, исхудавшая. Плакала украдкой. Даже сейчас сердце сжимается, как вспоминаю.

Уехал с тяжелым сердцем. Нужно было работать, и, кроме того, ждала Галя. Женитьбу скрыл.

С приходом весны мама сильно затосковала по родным местам и Маруся привезла ее в Ольхово. Сама нашла работу в Череповце и приезжала по воскресеньям. За больной ухаживала тетка Евгения, "бабы" ее навещали, молодая акушерка приходила, рассказывала, советы спрашивала.

5. 1934 г. Заочный институт. Отпуск. Авантюра с университетом. Похороны мамы.

Очень хотелось учиться. По закону нужно отработать три года, чтобы поступить в вуз. Не было терпения ждать. Весной 1934-го выдержал контрольные испытания во ВЗИИ - Всесоюзный Заочный Индустриальный Институт в Москве. Энергетический факультет.

Но меня прельщала не инженерия, а теоретическая наука с уклоном в биологию. Изобретательство - только увлечение. Университет! Вот куда хотелось. Выбрали - Ленинградский.

Галя увлеклась идеей об институте и активно готовилась к экзаменам. Подали заявления на биофак.

Но были сложности. Мама тяжело больна, Я обязан ей помогать. Где взять деньги? Можно для начала продать книги, а потом буду подрабатывать.

По дороге в Ленинград мы с Галей заехали в Ольхово. Маме не сказали, что уже полгода женаты, будто "невеста". Она делала вид, что поверила. До сих пор стыдно за этот визит. Разве можно давать такую психическую нагрузку умирающей матери? Наверное, она все понимала. Черствый человек, Амосов.

В университет давал адрес Ольхова, а вызова на экзамены все нет и нет. Седьмого августа поехали, не дождавшись. Оказалось - недоразумение.Экзамены в разгаре. Допустили, но нужно в большом темпе наверстывать, и конкурс огромный, а служащих принимают в последнюю очередь. Самое главное -книги не покупают. Носился со своим списком по букинистам, магазинам - напрасно: "Своих много". Хоть плачь. Отправил обратно.

Все рассыпалось. Поступать в университет не решились. Галя поехала в Архангельск и сходу выдержала экзамены в мединститут, он открылся за два года перед этим.

После неудачи в Ленинграде я один вернулся в Ольхово, что бы побыть с мамой. Там и закончил свой отпуск, недели две прожил. Один разговор стоит в памяти:

- Если женишься, будь верным мужем. Знай, что женщина страдает неизмеримо больше, чем мужчина. Помни мою несчастную жизнь, удерживайся.

Этот завет мамы не исполнил - разошлись с Галей после шести лет брака. Правда, по взаимному согласию, без детей и обязательств.

Однако всегда помню мамины слова о женской доле

страданий при семейных неприятностях. Старался их уменьшить. Чем? Увы - нарушением заповеди - тайной.

Не знал, что прощаюсь навек: мама умерла через три недели.

А жизнь продолжилась, как и не было летней авантюры с Ленинградом. Принял смену и начал работать. Жена - студентка, стала каждый день ездить на занятия в этакую даль: трамвай, переправа, автобус. Бывало, вечером жду, жду:

Маруся прислала телеграмму: "Мама умерла". Ничего не добавила - обида тлела - ей пришлось ухаживать за мамой, не мне.

Путь не близкий, прибыл в день похорон.

День четко отпечатался в памяти: яркий, осенний, северный. Красные ягоды на наших рябинах: на одной как киноварь, на другой - слегка оранжевые. Было тепло, окна в доме открыты. Во дворе и в комнате полно женщин, многие с детьми. Подумалось: всех их она первая подержала в руках. Но разве кто-нибудь знает о той акушерке, что помогала нам появиться на свет? Увы, даже учителей забываем. (А иные - и родителей).

Слез не было. Обстановка тормозила чувства. Мама лежала в гробу, почти не узнать. Не фотографировали, помню только живой.

Скоро ее понесли на кладбище. Долгим показался этот путь через село. Мужчины всю дорогу несли гроб на плечах, женщины голосили. За четверть века каждая приносила к Кирилловне свои горести и беды, не говоря уж о болезнях.

Много было народа на кладбище, как на пасху.

Хоронили без священника, мама не обратилась к богу. Музыки в Ольхове тоже не было. Председатель сельсовета сказал несколько чувствительных неумелых фраз, и под плач женщин сосновый гроб опустили в могилу, рядом с бабушкой Марьей Сергеевной.

Венков в Ольхове не делали, цветов тоже не растили в палисадниках. Поминок не было.

Горе охватило, когда вернулись домой с кладбища. Домик пуст. Кровать убрали, чтобы поместить гроб. Но будто еще витает дух мамы в каждой вещи. Слезы полились, и долго не мог их унять.

Все! Будто исчезла некая страховочная веревочка, за которую уже не держишься, но всегда можно схватиться, если начнешь падать.

Переночевал одну ночь. Не смел прикоснуться к ее вещам, но утром наткнулся на старую клеенчатую тетрадку. Вижу, что- то вроде дневника. Мысль: "Нарочно оставила на виду? " Нет, хитрость ей не свойственна. Возможно, перечитывала перед

смертью, а спрятать уже не было сил.

Не стал читать, не смел касаться. Только взглянул мельком на короткие записи от времен войны. Резнули по сердцу. Горе, тоска по мужу, придирки свекрови , приставания мужчин, болезни Коленьки, долги, долги от жалования до жалования: "Нет, пусть полежит:" (И до сих пор не могу себе простить, что не взял с собой: дневники пропали.)

6. 1934-35 гг. Учеба в заочном институте. Увольнение. Мединститут.

Вернулся с похорон и начал усиленно заниматься в заочном институте. За один семестр прошел весь курс высшей математики и сдал ее в зимнюю сессию при учебном пункте в лесотехническом институте. Восемь часов длился экзамен - по разделам. Вышел чуть живой. Не скажу, что знал блестяще, но на "четыре" - честно. Шутка ли, всю математику зараз. Очные студенты учат полтора года.

В декабре 1934 г. убили Кирова. Помню, что услышал об этом из уличного репродуктора, когда шел на ночную смену. Трудящиеся - возмущались. Клялись. Тогда еще не знали - какие последуют гонения на интеллигенцию.

Но с января отменили карточки и на заводе появился белый хлеб. Мы - на севере - не пробовали его лет пять. Сначала стояли большие очереди.

Весной сдал физику, термодинамику и какую-то из общественных дисциплин. У Гали тоже были хорошие оценки. Она оказалась толковой.

Однако заочный институт меня не устраивал. Электростанции изучил, быть главным инженером не собирался. Нужно учиться по-настоящему, что бы для науки. Кроме того, было важное обстоятельство - призывной возраст, В армию люто не хотел.

Только университет! И не меньше.

На этот раз выбрал МГУ. Вызвали на экзамены, приехал, поговорил в приемной комиссии. Огорчили:

- Вы -служащий. Будут все пятерки - пройдете, нет - значит, нет.

Уверенности не было и армия маячила на горизонте. Забрал я, несчастный, документы и вернулся в Архангельск. Благо комната еще осталась пока за нами. Пришлось поступать в медицинский. Выдержал на пятерки, приняли.

Рассчитался в конторе. Простились хорошо. Предлагали возвращаться. . Сдал комнату и переехали в общежитие института. Галя - в женское, я - в мужское.

Так кончилась производственная работа. Впрочем, не совсем: весной и летом подрабатывал на старой должности в ночные смены, и делал чертежи.

Когда начинал вспоминать, думал, напишу чуть-чуть, самое важное, не для биографии (ординарная), для понимания людей,

жизни и себя. Получилось много. И еще не все.

"Дело о вредительстве" на заводе все - таки создали в 1937. Директор Леготин построил лесопильно-целлулозный гигант на голом болоте, довел его до толку и загремел на много лет. Из наших станционных арестовали главного механика Марченко, но, слава Богу, через полгода выпустили. Очень боялись ареста мои друзья - Ленька и Толька, они работали на скользких местах: механизмы ломаются, завод простаивает, ущерб экспорту - вредительство запросто можно придумать. Но: пронесло. Оба были членами партии, но это не спасало тогда, скорее наоборот.

7. 1935-36 гг. Мединститут. Экзамены. Общежитие. Борис. Финансы. Два курса за год

Что такое был тогда наш Архангельский институт? За два года до этого его создали на голом месте. Дали два старых двухэтажных здания. Прислали из Москвы кандидатов для заведования теоретическими кафедрами. Теперь оглядываюсь назад: хорошие получились профессора,. Ассистенты молодые, после года аспирантуры в столице, "неостепененные". Но зато полны энтузиазма. Оборудование кафедр? Понятное дело, электроники не было, так где она тогда была? Зато трупов для анатомички сколько хочешь: много беглых крестьян помирали, хоронить некому, только возьмите. Когда мы пришли учиться, был уже первоклассный анатомический музей: попался хороший профессор и отличный энтузиаст-препаратор, из сосланных интеллигентов.

Больницы, где учат студентов, тоже были не так уж плохи. Что больные часто лежали в коридорах, так и теперь их встретишь там же.

Вот с общежитиями было очень плохо - двухэтажный барак на улице Карла Маркса переполнен. Новое здание не достроено. Поэтому нас временно поместили в в большую комнату в помещении, примыкавшем к анатомичке. Ходили через коридор, где в пол врезаны огромные бетонные ванны, очень глубокие, в них плавали трупы. Тот самый служитель-препаратор - будто нарочно вытаскивал и перекладывал свое хозяйство. Лежали груды рук и ног. Запах формалина разъедал глаза.

В этом общежитии я встретил Бориса Коточигова, с которым дружили потом тридцать лет - до самой его смерти. Он был мой ровесник, и жизненный опыт похожий - девятилетка с педагогическим уклоном, учительство в начальной школе. Даже мать у него сельская акушерка. Борис тоже был " читаль", пожалуй, глубже образован и вообще был умнее меня, хотя ученая карьера его в последующем остановилась на доценте. Мы сошлись сразу, еще экзамены шли, а мы уже ходили вечером по набережной Двины и вели разговоры о литературе и о политике. Он мне многое рассказал. "Сродство душ", как раньше говорили.

Странную вещь поведал о себе. Он - таки побывал тем " шкапным". Его завербовали на идейной почве: был большим комсомольским активистом и очень убежден в коммунизме. Вот его и попросили помогать.

- Это ваш гражданский долг!

Нет, никаких врагов народа Борис не нашел, долг не исполнил, но очень скоро люто возненавидел НКВД и понял, что попал в сети. Он был резкий человек - Борис. Поссорился с хозяевами, не испугался угроз, дал расписку о молчании и уехал в Архангельск. Но опасается, что припомнят. Меня предупредил:

- Если что случится со мной - знай - "достали". Но ты не беспокойся.

Потом его доставали несколько раз: студентом из комсомола исключали, с партией ссорился на войне. Но не посадили. Был истинный борец за справедливость и идеи социализма.

Я не беспокоился, что продаст. Очень любил его и уважал. Царство ему небесное. Это - к слову.

Экзамены мы с Борисом выдержали, были зачислены в группу, его назначили старостой, меня выбрали профоргом.

Первые лекции не вызвали волнения - одну скуку. Помню, так хотелось спать, что соседа просил: "Толкни". Месяца два привыкал. Занятия казались легкими. Угнетала только зубрежка. Но ничего, освоил технологию.

Месяц прожили в той комнате, позади анатомки, потом открылось новое общежитие, и мы с Борисом попали в комнату на шесть человек - кровать к кровати. (Кровать с сеткой - первая в моей жизни, раньше на досках спал.) Компания в комнате попалась плохая. Вечер спят, ночь зубрят в голос, не уснуть. Уши затыкал хлебным мякишем. Все вернулось "к истокам", к общежитию на "прорыве". Только народ хуже.

Галя жила на улице Карла Маркса. Семейная жизнь в таких условиях - дело трудное и неприятное. Супружеские дела вершили в бане, там были отдельные номера и дешево. А что делать? Стыдно, банщики смотрят косо. Не будешь же свидетельство о браке показывать. Но любовь еще горела, поэтому - не жалел о холостой жизни.

Самолюбие задевало, что жена учится на курс выше, но она превосходство не показывала. У меня уже были полтора курса в Заочном институте. Гораздо хуже - дела денежные. Стипендия 80 р. обеды - в студенческой столовой, завтраки и ужины - "из тумбочки" - хлеб, кружка кипятку - титан всегда кипит. Без заварки, разумеется. Я-то педант. Все продукты были рассчитаны: сколько калорий на копейку, но и то отощал до 54 килограммов. На маргарин хватало, а на масло нет. Но Галя любила одеваться, что - то ей было нужно купить. Хорошо, что Маруся стала посылать по 50 рублей в месяц, пока я не начал прирабатывать.

Заниматься было легко. После заочного института вся эта медицинская зубрильная наука казалась пустяком.

Проучился два месяца и заскучал. В это время случилось событие: стахановцы появились. Выполнение двух или больше планов. Как раз для меня:

- Даешь два курса за год!

Тем более что учились в две смены, второй курс днем, первый вечером. Пошел по начальству: директор отказал, но заместитель, Седов - разрешил, если профессора второго курса согласятся. Всех обошел, похвалился зачеткой из Заочного института и они согласились. Тогда Седов благословил:

- Давай. Но условие: без троек, практические занятия не пропускать, на обоих курсах, а на лекции - как хочешь.

Разумный человек, спасибо ему.

Так начался мой эксперимент. Сильно вдохновился, занимался как проклятый, с утра до десяти вечера - институт и библиотека.

Отличная областная библиотека была в Архангельске. Несчетные часы там проведены.

На втором курсе пристроился в группу к Гале. Сначала косились на "выскочку", потом привыкли, вел себя скромно, не высовывался .

Первая задача в зимнюю сессию - сдать анатомию и гистологию со вторым курсом. Оставалось всего два месяца вместо полутора лет при нормальной учебе. Нужно вызубрить, и найти на трупе около 1500 анатомических "пунктов". Пришлось сильно жать.

Днем ходил на занятия второго курса - на физиологию, биологию, политэкономию. Слушал лекции, которые интересны, на скучных занимался своим делом, учил. Ассистентом по физиологии была Мария Григорьвна Седова. Она же и кружек вела, очень интересно. При том - красивая женщина: помню ее грустный взгляд и пепельные волосы. Анатомичка Серафима Ильинична тоже красивая, но хромала. Они обе болели за меня при экзаменах. На женщин поглядывал Амосов.

Дело с продовольствием неожиданно быстро улучшалось. Денег только не было. Подрядился обслуживать электричество в общежитии за 25р. Поздно вечером, после библиотеки чинил поломки, менял лампочки.

Сессию сдал отлично.

Второе полугодие было уже легче. Начал увлекаться физиологией, читать и думать о теориях мышления, о регулировании функций. В начале 1936 г. умер Иван Петрович Павлов - ученый герой моей юности. Весной того же года не стало Горького - тоже моего любимого. Газеты и радио трещали об отравителях, арестовали врачей Левина и Плетнева. Мы с

Борисом не верили ни одному слову - Сволочи!

Отношения с Галей периодически обострялись. Сказывалась раздельная жизнь и бедность.

Весной стал подрабатывать на станции - заменял отпускников. Приятно было вернуться в прежнюю стихию. Хороши июньские ночи, когда после вечерней смены в белую полночь возвращался домой в город.

Помню: заработал 250 рублей. Как раз для каникул.

Весенние экзамены хлопот не доставили - шли спокойные пятерки. По окончании года премировали именными часами. Они мне служили до середины войны. Когда был студентом, немножко баловался ремонтом часов. Еще сам сшил себе брюки, перелицевал костюм, по бедности и для интереса. Швейную машину Галя привезла в приданое.

8. 1937 г. Профессор Лашкарев. "Другая физика". Квартира.

В ту первую зиму я познакомился с Вадимом Евгеньевичем Лошкаревым. Его сослали в 1935 г. из Ленинграда, от академика Иоффе, будто бы за спиритизм. Возможно, так и было, "врага народа" упекли бы в лагерь. А тут - даже на кафедру, к молодому поколению, допустили. И две комнаты выделили.

Пошел к нему сдавать физику без подготовки и получил "четыре", стыдно для меня, просил о пересдаче. Тогда же начал мудрить с искусственным сердцем. Выдумка ерундовая, но идея логичная. Теперь на принципе такого насоса создали протезы сердца, некоторые работают уже по несколько месяцев, пока донора для пересадки подбирают. Чертеж показал Вадиму Евгеньевичу, он одобрил и пятерку в зачетку написал не спрашивая.

Сердца я не сделал, но знакомство состоялось. И след - на всю жизнь.

Летом его жена уехала, остался один ("невыезной"), скучал наверное и пригласил зайти, "попить чаю". Пришел, потом еще и еще. До утра просиживал.

ВЕ открыл мне мир "чудес": спиритизм, телепатия, телекинез, левитация, полтегрейт, йога. Советское воспитание и жестокая цензура скрыли от меня все эти вещи, давно известные культурным людям. Сам он участвовал во многих сеансах и верил абсолютно.

После ВЕ я интересуюсь этим всю жизнь. Но доказательств истинности так и не получил. Много раз в Отдел кибернетики приглашали "экстрасенсов"- ни разу они не показали того , чего обещали. Но и совсем отвергнуть не могу: очень уж много свидетелей и публикаций. Понять тоже не могу. ВЕ называл это "другая физика". В Киеве мы с ним встречались снова, но прежней близости уже не было. Во все эти "феномены" он продолжал верить.

Итак, пошел второй год учения, сразу на третьем курсе.

Каникулы прожили вместе, понравилось. Поэтому нашли квартиру в деревне, по дороге на завод, за три километра, платили 50 р. Хорошая комната, с мебелью, с видом на реку Кузнечиху. Только далеко и дорого.

На саночках по первому льду перевезли вещички и зажили по-новому. Пищу готовили по очереди. Концентрат "Суп-пюре гороховый" и немного мяса, кастрюля на три дня. Обедали

вечером.

На третьем курсе началась настоящая медицина: клиники, больные. Нагрузка совсем пустяковая. Ходил в дирекцию, просился еще раз перепрыгнуть через курс, не стали слушать:

- Нужно видеть много больных.

Может быть и логично, но тогда жалел.

9. 1937-38 г. Проект. Процессы. Арест дяди Павла. Сталинская конституция. Выборы.

Заскучал от недогрузки. И сделал ложный шаг: восстановился в заочном институте. (Годом раньше был исключен за невыполнение заданий.) Не стоило этого делать, увлекло совсем в сторону, потребовало массу времени. Лучше бы занялся наукой у ВЕ.

Моя техническая специальность называлась "паросиловые установки для электростанций". Дело знакомое. Мог бы институт кончить без большого труда. Но: увлекла новая идея: спроектировать огромный аэроплан с паровым котлом и турбиной. Он забрал больше времени, чем сам институт или, к примеру - диссертация.

Теперь все время отдавалось технике, а точнее - проекту. Медицина изучалась между делом. Я нормально посещал занятия, но на лекциях считал на линейке свои проекты, слушая одним ухом. Сессию сдавал досрочно, потом ехал в Москву, в заочный. Кроме того, подрабатывал преподаванием в фельдшерской школе. Научился говорить, в будущем помогло.

Но самая беда - это "проект". Сколько пришлось перечитать, передумать, сколько сделать ложных расчетов. Понадобилось учить не только теплотехнику, но и аэродинамику. Теперь, когда вспоминаю, удивляюсь, как потерял чувство реальности. Я же всерьез рассчитывал спроектировать самолет, "который полетит". А ведь был уже неудачный опыт с машиной для укладки досок. Но не будем жалеть тех трудов. Они дали хорошую тренировку для мозга.

Весной 37-го года нам с Галей дали комнату в общежитии на улице Карла Маркса. Там и прожили до самого развода в 1940 году.

Еще на третьем курсе семейная жизнь дала первую трещину. Сначала я приревновал без должных оснований, потом сам стал захаживать к нашей старосте, Лёле Гром. И тоже - вполне невинно.

Внешне мы жили очень мирно. За все время брака была одна большая ссора. Как всегда в таких случаях - винят партнера. Не помню даже повода для громких слов, Галя замахнулась утюгом и тогда произошло ужасное: я ее ударил. ладонью, по спине. Одумался моментально. "Что ты сделал!" Стыдное ощущение в ладони чувствую даже теперь. Оно и уберегло от повторения на всю жизнь

События того времени: процессы врагов народа (Бухарин, Рыков) и выборы в Верховный Совет.

О как возмущали эти судебные спектакли на кремлевской сцене! Что бы пасть так низко героям революционерам! Тем и другим - обвинителям - то есть Сталину, и жертвам бичующим себя. Мы с Борисом не верили ни одному слову. Только спрашивали - как это возможно? Пытки? Но процессы - публичные - объяви, пожалуйся! Лион Фейхтвангер, ("Москва 1937") свидетельствовал: "отлично выглядели, никаких следов избиений". Вера в коммунистов окончательно рухнула. Всю жизнь носил в душе эту занозу антипатии и презрения. Нет, Амосов - будем точны: кроме короткого периода 42-го года вовремя разгрома немцев под Москвой .Но даже тогда не славословил Сталину и коммунистам. Ничего не подписывал когда клеймили академиков и писателей, не выступал на собраниях.

Но ведь молчал, Амосов? Против - только на кухнях. К диссидентам - не примкнул. Так, что - давай не будем.

Нет, не будем. Объяснение? Рассудочность: рано научился оценивать человеческую природу, рассчитывать "за и против", шансы на успех движений, сомнительность идей.

Впрочем, не стану оправдываться:

"- Трусоват был Ваня бедный!"

Не настолько что бы предавать, но достаточно что бы не бросаться в драку. Всегда жалко было потерять любимую работу. Полезность ее для людей не вызывала сомнений. Впрочем , и эти слова - не для героев.

Закроем эту тему. Пока закроем.

В том же 37-м, в июне во время экзаменов в Москве получил телеграмму из Горького, от Маруси: "Приезжай немедленно". Тут же поехал, в полном неведении.

Приезжаю и узнаю: дядю Павла арестовали. Два дня назад.

Вот оно: настигло и нас. Прожил в Горьком два дня. Хорошая квартира, беспорядок, следы обыска.

Жалко дядю, жалко тетку, сын у них Сережа 15 лет, балованный.

И тут же мысль на задворках сознания:" За все нужно платить: То сам арестовывал, теперь - тебя": Мне всегда казалось, что дядя - чекист гуманный, но умом-то знаю - не бывало таких! Поэтому и острой жалости не было. Или - от черствости?

Тетку, слава Богу, не тронули. Она переехала в Ярославль, к сестре и там дожила до смерти. Дядю расстреляли, а после - реабилитировали

Надо заметить, что Архангельск тогда дешево отделался, если сравнивать, например, с Украиной и Москвой.

Интеллигенцию не тронули, посадили партийную верхушку, директоров заводов.

Чуть пораньше, будто в насмешку, родилась социалистическая демократия: "царь дал манифест" - Сталинскую конституцию. В декабре 1937 были выборы в Верховный Совет. Я даже был в театре на выдвижении кандидатов. (Борис меня свел, он был в комсомольском активе).

То еще было зрелище!

Первым кандидатом везде называли товарища Сталина. Хлопали стоя -15 минут, ей Богу не вру, замечал по часам. Ура кричали без счета раз.

Резервным кандидатом, от "союза коммунистов и беспартийных", выдвигали первого секретаря крайком Конторина. Аплодировали недолго, "Ура" не кричали, соблюдали дистанцию.

Выбрать его не успели. Три дня спустя я видел его жену заплаканной, она была нашей студенткой. Шепоток шел в массах: "Арестовали Конторина. Враг народа".

Каюсь: большой жалости к партийным вождям не ощущал.

"Носить бы вас не переносить!". Другое дело - интеллигенция, свое - родное. Попадали, как кур во щи, в чужую кашу.

Странно, но моя ненависть к партийным боссам сочеталась с верой в социализм. В то время европейские интеллектуалы тоже попадались на эту удочку: умел втирать очки Сталин. Достаточно было прочитать выступления Анри Барбюса, Бернара Шоу и Лиона Фейхтвангера, Ромен Ролана.

Бешеная пропаганда была перед первыми выборами. Из студентов создали бригады, что бы ходить по домам. Даже я не сумел увильнуть, дали мне двухэтажный дом, набитый жильцами под завязку (тогда всюду так было). Приказано было познакомиться с каждым избирателем, прочитать с ними "обращение": Б: р: р: ! В день выборов проследить лично, чтобы каждый пошел. Не может - принести ящик домой.

Все же я наплевал на них. Один раз зашел в домовой комитет, проверил список и больше не являлся. Бригадиру врал, что хожу. Ругался.

- Ну вас туда - сюда: (как на станции говаривал. Но - увы! - теперь только шепотом.)

В день выборов, помню, 12 декабря, с самого утра уехал на завод и только вечером заявился проголосовать. Общественные начальники на меня накинулись:

- Где ты шлялся, такой - сякой, за тебя пришлось работать.!

- Вот ужо - нажалуемся, со стипендии снимем!

Нет, не сняли. Последствий не было.

Много раз я потом ходил на "всенародное голосование",

сначала честно отпускал бюллетени, боялся НКВД, потом осмелел и вычеркивал, благо в кабину рекомендовали заходить.

Не будем преувеличивать: "Дуля в кармане".

Еще запомнился эпизод из более позднего времени, когда уже Ежова арестовали. Шел какой то пленум ЦК и был доклад Кагановича, его тогда в Киев назначили. Он назвал потрясшую меня цифру: 80% членов партии киевской организации написали доносы в НКВД. Подумать только, что сделали коммунисты с народом! Надо же было так его изнасиловать. При том что всегда считал рядовых коммунистов, в массе своей, честнее нас, беспартийных.

В августе 1938-го были события на озере Хасан. Гитлер с японцами заключили союз. "Запахло жареным".

10. 1939 г. Вербовка в моряки. Институт окончен. Аспирантура. Пакт с Гитлером. Война.

Солдатская шинель меня чуть было не догнала. В последний год учения прибыл военврач первого ранга, моряк. Собрали мужчин двух курсов и объявили:

- В Ленинграде создается военно-морская медицинская академия. Вы архангелогородцы - моряки, вам и стать на рубежи родины!

Далее пояснил: Нужно набрать слушателей на старшие курсы, срочно нужны врачи во флот. Ждать пока подоспеют первокурсники некогда. В общем - набор: всем мужчинам пройти комиссию и потом, добровольно-принудительно, одеть шинели. Год доучимся здесь, а на выпуск - в Ленинград. Стипендия - 200 р., обмундирование, бесплатный проезд и т.д.

Я чуть не плакал. Допекли таки! Прощай наука и свобода! Но другой наш народ был доволен: чем в глушь, на сельский участок - лучше в госпиталь или на корабль. Форма шикарная. Даже кортик! Назначен день медкомиссии. Хожу в унынии.

И тут меня Партия спасла. Секретарь Партбюро института Гребенникова была нашей студенткой, женщина уже в возрасте, мы ее уважали. Подошла ко мне и сказала.

- Коля, не хочешь, небось?

- Да уж, куда как рвусь!

- А ты не ходи на комиссию: Ничего не будет, ты один такой, переживут.

Я и не пошел. И пропустили. Все ребята, и мой Борис тоже, через месяц уже ходили в шикарных черных кителях и сорили деньгами. А я спасся.

С деньгами стало получше: выкраивал немного времени от проекта для преподавания и Галя поступила на работу. Противную, но выгодную, ее устроила подруга: в медсанчасть тюрьмы. Я-то возражал, но что мог предложить?

Не можешь одеть жену - молчи. Не бойся, не продам тебя.

Правда, этого я и не боялся. Только противно.

Галя с подругой Шуркой Жигиной по очереди вели приемы заключенных. Мильтон приводил и присутствовал: разговоры не допускал.

Нет, не могу сказать, что ужасы рассказывала. К избитым не вызывали. Так, обычная работа. Мне не нравилось.

- Не кривись. Медик и в тюрьме может оставаться человеком.

Все свое время я тратил на "проект". Чертежная доска не снималась со стола. Получался огромный самолетище, почти такой, как современный Ил-86, но мощности моей машины были меньше. И вообще глупости - ставить паровой котел и турбину на самолет. Досадно даже вспоминать, что так залетел.

Практическая медицина не увлекала. Ходил на занятия, хорошо учился, но без удовольствия. К примеру, видел только одни роды. Пару раз держал крючки при простых операциях. К экзаменам готовился за 2-3 дня.

Два раза в год ездил в Москву на зачеты по технике. Тоже - без труда.

Перед окончанием института директор Раппопорт (из военных врачей) предложил аспирантуру по военно-полевой хирургии на своей кафедре. Место было единственное - согласился. Так прозаически попал в хирургию.

Институт окончен. Четыре года прошли в труде и увлечениях. Получил диплом с отличием. У Гали тоже был красный диплом: ее оставили работать в городе. Отношения постепенно охлаждались. Даже не знаю - почему? Любовь прошла. Купили старенький диванчик: спим отдельно.

Лёля Гром вышла замуж. Не довел я дело до конца!

В августе 39-го года началась моя "военно - полевая хирургия", а по существу травматология. Чистая, культурная клиника директора, тридцать коек. Больные с переломами, лежат долго. Работы мало - треп в ординаторской. За четыре месяца я научился лечить травмы. Так я считал.

В один из последних дней августа был в бане. Одеваюсь и слышу радио: "приезжал Рабинтроп. С Германией заключен Пакт о ненападении". С него началась Вторая Мировая война. О секретном договоре "Молотов- Рибентроп", которым Европу поделили, мы узнали только при перестройке.

Меня как обухом по голове. Ну не сволочи ли наши вожди? Трепались, трепались про фашистов, а теперь повернули на 180 градусов. Да разве же можно верить Гитлеру?

Перед тем несколько недель велись вялые переговоры с Англией и Францией, чтобы заключить союз. Они будто бы упирались и не хотели пропускать наши войска через Польшу. И вообще - саботировали, пытались столкнуть нас с Германией чтобы ослабли, а потом прихлопнуть обеих: "хитрые империалисты". Сначала японцев напустили в Монголии, на Халхин-голе, не получилось, так пусть, дескать, с Гитлером подерутся.

Все это выглядело похожим на правду, советские граждане верили газетам и даже я поддался. И вдруг - такая бомба!

Обсуждать события было не с кем: Бориса и всех моряков отправили в Ленинград, Ленька Тетюев уже год как служил в армии. Осталась Галя, но она политикой мало интересовалась.

1-го сентября 1939 года немцы напали на Польшу. Будто бы в ответ на их провокацию. Наши подавали это с серьезным видом. Еще через несколько дней вступили в войну мы: "Воссоединение братских народов".

Каждый день печатались реляции: " Украинцы и белорусы радостно приветствуют Красную армию освобождающую народ от польского ига".

Так вот: была Польша - и нет. Позади уже Чехословакия, Венгрия, Австрия. Силен Гитлер! Или - нахален?

Англия и Франция объявили немцам войну, но воевать не спешили, сидели за линией Мажино. Называлось: "странная война". Много польских войск были интернированы в Союзе, Их судьбы будет долго обсуждаться пока окончательно прояснится: наши гебешники расстреляли офицеров в Хатыни. Из оставшихся во время войны создали польский легион.

Масса евреев устремились из Польши на восток, к нам. Пресса об этом помалкивала, но народ говорил. Будто - бы немцы сгоняют евреев в гетто.

Вообще чудные дела совершались: месяц назад - были фашисты, творили всякие безобразия: сажали, выселяли, конфисковали. Устраивали "хрустальную ночь". И вдруг, за один день все изменилось: вполне добропорядочные немцы.

Что оставалось советским гражданам?

Приветствовать правительство, "снявшее угрозу войны". Впрочем, хватило ума не устраивать митинги с нашим обычным "Одобрям!". Понимали, что трудно переварить дружбу с фашистами.

Несчастная Россия! Был царь, теперь Сталин.

11. 1939-40 гг. Война с финнами. Защита диплома. Клиники Алферова, Цимхеса.

В конце 1939 года началась война с Финляндией. Конечно, устроили представление: "Финны обстреляли пограничников": Мы - ультиматум -"отодвиньте границу". Всё врут: сами напали, хотели обезопасить Ленинград, а может быть и присоединить финнов к Союзу. Иначе - зачем было объявлять о правительстве во главе с коммунистом Куусином? Но - поторопились!

Позор был, а не война. Двести миллионов против трех. Эшелон раненых, три четверти - обмороженных. Сам видел - привезли в Архангельск даже к нам в клинику попали.

Но продукты из магазинов враз исчезли и больше уже не появлялись.

В ноябре подошло время кончать заочный институт. Пришла бумага - ехать в Москву. Попросил отпуск на три месяца и отбыл. В качестве дипломного проекта разрешили взять мой самолет. Но консультантов предложить не могли. Специалистов по паровым установкам для авиации не существовало. "Делай на свой риск". Какой мне риск? Проект дороже. Думал -"воплотить", чудак. Поехал в Москву.

Холод в ту зиму был адский. Шла финская война. Боялся, что не успею защитить диплом, вот-вот опять догонит армия, призовут.

Общежитие института было в Реутово, тогда ездили на электричке. В комнате жили втроем, ребята хорошие, только тихоходы. Работали целыми днями. В Москве тогда было голодно - за кусочком масла в 200 гр. нужно было становиться с 6 утра.

К середине января 1940 г. проект был готов. Вместо восьми листов чертежей, что требовалось, сделано двадцать. Текст - том. Можно защищать.

И тут застопорилось. Нужны подписи консультантов, а никто не смотрел чертежи. Да я и не просил, самоуверенный. Теперь к защите не допускают.

Спасибо декану факультета, нашел все-таки. Очень крупный инженер, членколлегии Наркомтяжпрома, согласился взглянуть. С трепетом понес ему чертежи.Встретил - седой, высокий, "породистый". Квартира богатая.

- Если плохо, верну без рецензии. Позвоните через неделю.

Томительно ждал. Через неделю позвонил и я явился. Встретил теплее, значит, понравилось. Чаем напоил. Покритиковал: и то плохо и это никуда, но в целом решение

оригинальное и уж "инженер вы настоящий". Расспросил о планах. Сказал, что если задумаю стать конструктором, он поможет. Я был весьма польщен, весьма.

После этого защита прошла отлично. Чертежами завесил всю стену. Дали лишние двадцать минут на доклад, оценили "отлично" и присудили диплом с отличием. Из дома мне уже написали, что военкомат интересуется.

Снес проект в Министерство авиапромышленности, правда уже не питая особых надежд. Через полгода справился: "Не пригоден". Забрал.

Вернулся домой, жду повестку. Но в начале марта война с финнами закончилась. Обкакались, больше некуда. Одеть солдат и то не смогли.

Пока был в Москве, ушел на пенсию прежний директор, и отделение травматологии вернулось в состав клиники профессора Алферова М.В.

Трудный был шеф. Мрачный, вечно всем недовольный, держал в страхе весь персонал. Но хирург отличный - еще из земских. Оперировал все.

Помню его в большом стрессе: при травме области таза промывал мочевой пузырь через катетер раствором ртутного антисептика. Пузырь оказался порванным, яд попал в кровь, наступило отравление, почки отказали, и больной умирал на глазах всей клиники. На профессора было страшно смотреть в эти дни. Это было мое первое знакомство с роковыми хирургическими ошибками.

Выдержал в этой клинике только месяц. Ассистировал всего несколько раз, боялся, что обругает. Никогда меня не ругали за работу.

В начале апреля выпросил перевод в клинику факультетской хирургии, к профессору Д.Л.Цимхесу . Здесь была совсем другая жизнь. Больших операций мало, оперировали медленно. Резекция желудка тянулась по четыре часа, бывало, профессор от напряжения всю маску изжует. Ассистировал ему часто и даже сделал две аппендэктомии, с помощью старших, разумеется.

Но и здесь мне не нравилось. Не лежала душа к хирургии. Решил дотянуть до летних каникул и просить в Москве о переводе на физиологию.

В мире дела снова осложнялись: наши войска вошли в Прибалтику. Объяснили: дескать "нас народ хочет". Понимай - от немцев спастись. Как раз! Эстонцы и латыши спят и видят немцев, еще со времен Петра.

12. 1940-41гг. Расставание. Череповец, хирургия. Стасов. Операции. Смольская Л.Я. Наука.

Семейные дела шли плохо. Взаимное охлаждение. Не скандалили, но разговаривали все меньше. Супружескую верность не нарушил, но хотелось. Созрело решение: разъехаться, пожить отдельно. Посмотреть: как оно? вернуть? Долгов за собой не чувствовал: Галя повзрослела и стала умнее. Найдет мужа.

1 июля я уехал из Архангельска в отпуск, но с намерением не возвращаться. Странное было чувство, когда провожала на вокзале: и воспоминания щемят и даль манит. Все мои пожитки вошли в один чемодан. Взял десяток книг по хирургии и Павлова, другие оставил Гале.

Отныне моей базой стал Ярославль: там жила тетя Наташа - жена дяди Павла с сыном Сережей, и Марусей. Пожил у них неделю и поехал в Москву - попытаться в Минздраве устроить перевод на физиологию. Четыре дня ходил по начальникам - не разрешили.

Надумал попытать счастья в родном Череповце.

Не был в городе три года, он мало изменился. Правда, значительно прибыла вода в Шексне - плотина Рыбинского моря уже давала себя знать. Рассказали: все деревни, мимо которых когда-то ездил на пароходе, были выселены, и некоторые скрылись под водой. Включая и Ольхово. Бригады плотников разобрали дома, свезли на берег, собрали в плоты, погрузили на них скарб, живность, жителей, : и - Вниз по Волге-реке! Места для расселения определили в Ярославской области. Туда поехал и наш дом, и все имущество. По дороге тетка Евгения потопила половину скарба и все книги - будто бы был шторм. От мамы не осталось ни одной вещицы. Больше всего жаль дневник.

В Череповце у меня были две базы: Александра Николаевна, и Леня Тетюев. Он как раз вернулся из армии. Но по пути заехал в Архангельск и женился на "второй Жене" из то самой комнаты. На первой Жене уже был женат Толя Смирнов. Думалось тогда: дай Бог, чтобы их браки удержались. (Они таки да - удержались. Виделся в шестидесятых годах.)

А мне ну никак не хотелось возвращаться к Гале!

Денек у Леньки погостил и пошел устраиваться.

Череповецкая Межрайонная больница. Построена в 1930 году, два этажа: терапия, хирургия, акушерство, гинекология, рентген, лаборатория, 150 коек.

Вхожу в приемную и вспоминаю тот день семь лет назад, когда сюда занесли из саней маму. Тут ничего не изменилось.

Главный врач больницы, терапевт Стожков, предложил временно заменить уходящего в отпуск заведующего отделением и единственного хирурга Бориса Дмитриевича Стасова.

Наверное, я приукрасил себя, когда разговаривал со Стожковым. Когда вспоминаю, становится не по себе. Но была полная уверенность, что справлюсь.

Меня поселили в комнате при пищеблоке - он занимал отдельный домик. Хорошая комната, кровать с сеткой, постельное белье.

Тут же пошел знакомиться с заведующим отделения.

Не могу сказать, что он меня выучил хирургии, но несомненно - позволил выучиться самому. Именно он, а не профессора из института.

Итак: Борис Дмитриевич Стасов. Племянник того самого бородатого Владимира Васильевича Стасова. Интеллигента высшей марки. Критика, друга великих писателей. Это - раз. Два: родной брат: коммунистки Стасовой, личного секретаря ВИ Ленина. Вот какая славная родословная.

Впрочем, это ему ничего не давало. Любви начальства не замечал.

Б.Д. был хорошим земским хирургом. Лет ему тогда было 65. Когда -то поработал в клинике Федорова, участвовал в Русско-Японской войне, сменил несколько провинциальных больниц. В Череповце работал 6-7 лет.

Так и вижу его сейчас: высокий, сутулый, немного кривобокий старик с седым ежиком и маленькими усиками. Очень пунктуальный! Мои истории болезни проверял и ошибки правил. Типичные старые слова употреблял, вроде "батенька", как у Чехова. Между прочим - того же Чехова, а так же Бунина, Куприна, Андреева, Горького, Б.Д. встречал у дяди. когда был гимназистом и студентом.

Вот такой мне попался шеф. Но сейчас он торопился уезжать, супруга была его моложе лет на двадцать и давила: "Ехать! " Для такого случая я был просто находкой. Иначе - не отпустили бы. Я не стал хвастать, рассказал все что имел за душей по части хирургии. Едва ли ему понравилось, что сменил три клиники и удрал из аспирантуры. Но он, только смотрел с сомнением и просил ни в коем случае не проявлять излишней активности.

- В крайнем случае вызывайте из Вологды санавиацию и отправляйте!

Хорошо, что про свою инженерию и самолет не сказал, иначе счел бы за авантюриста.

Больных в отделении было мало, лежали прооперированные, и несколько хроников. Среди них два солдата с финской войны, с инфекцией и незаживающими культями бедер. Когда вышли из палаты, БД шепнул:

- Вы им давайте морфий: Они уже привыкли, еще до нас, в военном госпитале. Безнадежные.

Познакомил с сестрами. Операционная Катенька, красивая девушка, только высоковата. В палатах дежурила старуха из "бывших".

Отличная операционная. Немецкое оборудование: автоклавы, стерилизация, дистиллятор воды. Но ничего уже не работало. Обходились переносным автоклавом и стерилизатором на примусах.

Так я стал уже не Колей, как на электростанции, а Николаем Михайловичем, заведующим хирургическим отделением на 50 коек.

Потекла новая жизнь: холостой, самостоятельный молодой мужчина. Будто бы, даже интересный. Несомненно - образованный. По тем меркам.

На первом месте стояла хирургия. Впервые учебники приобрели зримый смысл. Много читал и проверял соответствие на больных.

К сожалению, больные не шли, не доверяли молодому, образованному. Подозревал, что коллеги в поликлинике отговаривали. Там работали два старых врача, устоявшиеся на амбулаторной работе.

- Ничего, пробьемся. От экстренной хирургии не скроешься.

К счастью, никаких драматических случаев не произошло, вроде заворота кишок или прободной язвы желудка. Мог бы оскандалиться. А может и нет, все таки видал кое что в клинике и уж точно - знал теорию. Соперировал несколько острых аппендицитов, одну ущемленную грыжу, накладывал гипсы на переломы лодыжек и костей предплечий. Даже приняли больного с переломом бедра, и я вполне культурно наладил скелетное вытяжение. А какую вскрыл флегмону! До сих пор помню. У пожилой крестьянки гной распространялся от подмышки, через грудь и живот аж до колена: отошло литра два. Поправилась.

Но сестры после этой тетки в меня поверили.

Еще одно запомнилось: про тех двух раненых - морфинистов. Они в буквальном смысле погибали: истощены, не ходят, раны и культи гноятся: сепсис. Ничтоже сумняшися, я запретил давать им уколы морфия и велел поднимать на костыли.

Сколько было стонов и криков! Как меня упрашивали сестры! Не поддался, жесток был. Один не выдержал, через две недели

умер, а второй пошел на поправку и встречал БД на ногах и с нормальной температурой. Месяца через три выписался уже с протезом. Такие были подвиги.

Мена приняли временно, пока отпуск в аспирантуре. Права не имели держать дольше, есть законы. Но - не уволил главврач. Ординатор давно был нужен, даже два, не могли найти, а тут сам пришел. Пренебрег Стожков законами. Впрочем, институт и министерство меня не искали.

По части быта все было- "О-кей", полный порядок. Сестра хозяйка и кухня меня подкармливали, я не злоупотреблял. Регулярно в гости к Леньке ходил. Тут же нашлись дружки по техникуму. Интерес к девушкам был, объекты - тоже были, из числа врачей больницы. Молодые и неженатые или разведенные. Ухаживал чуть-чуть, к настойчивости не способен, податливости не проявляли. После экстренных ночных операций - (всего лишь аппендициты!)- провожал операционную Катеньку через весь город. Нравилась, но уж очень была: как бы сказать -"чистенькая". Только для влюбления. К этому желания не было - точно. Казалось, я уже навлюблялся на всю жизнь. Остались только телесные потребности, интеллектуальные интересы и требования по части минимума морали. Да-да, оглядываюсь назад - так и было.

Гале написал пару писем. Не спрашивал: довольна- ли холостой жизнью? Вдруг напишет, что "Нет", "возвращайся!"? Я -то точно знал: не хочу. Она отвечала спокойными письмами. Но тоска в них проскальзывала, я делал вид, что намеки не понимаю, не уточнял.

Борис Дмитриевич приехал из отпуска в начале сентября. Сделал обход, я все рассказал, отчитался, подробно-почтительно, не высовываясь со своими успехами. Покачал головой, когда встретил в коридоре того калеку-морфиниста. Но - промолчал.

Стожков решил меня оставить: "Если не затребуют". Поэтому нашлись новое дало: преподавание в фельдшерской школе. Хирургия была уже занята БД, но анатомия и физиология - свободны. Я их взял с удовольствием. Во-первых - нравится учить, во-вторых - приработок. Часов оказалось очень много - почти каждый день по 4-6, начало - с 12 или с 2-х. Директор - бывший хирург Угрюмов, принял хорошо и дал комнату в здании школы, на первом этаже, с отдельным входом. Тоже - удобство, в некотором смысле. Для холостого.

Ученики, а больше - ученицы меня полюбили. Другие преподаватели, все старики, читали скучно. У меня всего было в меру: строгости и приятности. Однако - без панибратства. Дистанция.

При техникуме была столовая: проблема обедов решилась.

Еще событие с дальними последствиями: приехала новая ординатор к нам в отделение - Лидия Яковлевна - Лида, ЛЯ. Она только что кончила институт в Ленинграде, незамужняя, моложе меня на год. Ей отдали мою комнату при кухне. Не скажу, что очень нравилась, но язычок имела острый. Знакомство, во всяком случае, состоялось и потом долго еще продолжалось, проходя через разные фазы "от и до". Однако, скажу авансом: с уважением, но без влюбленности. Чего не было, того не было.

Хирургия развивалась успешно. С приездом БД пошли больные на плановые операции. БД оперировал хуже, чем Алферов, но лучше Цимхеса. Во всяком случае, живот и урология были представлены во всех типовых операциях. В травматологии я понимал лучше, он мне ее и передоверил полностью. Головы, кроме травм, не касались, отправляли в Вологду или в Ленинград. Я ассистировал на всех операциях БД, пока Лида не отняла свою долю. Постепенно грыжи и аппендициты отошли ко мне, шефу они были не интересны. Потом пришлось поделиться с Лидой, а я перешел уже на более сложное: экстренные лапаротомии при "остром животе", однако - при обязательном надзоре БД. Не доверял. И правильно делал. Ответственное отношение к жизни у меня было - от мамы, а вот знаний - маловато.

БД к смертям пациентов относился спокойно. Меня это возмущало: было желание бороться до последнего. Впрочем "незаконных", смертей от прямых ошибок не было, а погрешности в лечении осложнений после экстренных операций встречались.

Из моих больных за год работы в Череповце не умер ни один. Не потому, что я был очень умный, просто БД всех трудных брал на себя. Еще - хорошее знание анатомии. Оно спасало от того, что бы не перерезать, чего не следует.

Еще дело: наука. Разработал (?!) "Теорию регулирующих систем организма". Не много и не мало! Тетрадки сохранились. \Между прочим, из этих тетрадок через двадцать лет, в Отделе биокибернетики родилась настоящая наука, с экспериментами, статьями, книгой и диссертациями.

Вот самая суть. " Внизу"- клетки, своя специфика. Над ними - регуляторы. Четыре системы: Первая "химическая" - химия крови, действует на все клетки. Вторая - эндокринная система, гормоны, их много -универсальные и избирательные. Действует главным образом на внутренние органы. Третья - вегетативная нервная система - симпатическая и парасимпатическая. Тоже регулируют внутренние органы , но более избирательно. Четвертая - кора мозга, чувствительная и двигательная - сферы --обеспечивают

связь с внешним миром. Все системы соединены прямыми и обратными связями. Рисовал схемы.

13. 1940-41 гг. Комиссия от военкомата. Симуляция - белый билет. Поездка в Киев

В октябре военкомат забрал меня членом комиссии, чтобы пересматривать военнообязанных из запаса: готовились к войне. Целый месяц ездили по сельсоветам. С утра и до вечера осматривали всех мужчин до 50 лет. Много прошло через меня "великого русского народа". Свидетельствую: не симулировали.

Еще одно пикантное и позорное дело было в ту зиму: я симулировал, чтобы освободиться от призыва. Это уж точно было мое последнее прегрешение по части морали. Опишу, как на духу, прошло почти шестьдесят лет.

Стожков был председателем окружной комиссии. Он меня и вызвал:

- Коля, жалко тебя отпускать, но деться некуда - раскопали твое личное дело по приписке, из Архангельска. Придется пройти комиссию и служить. Полгода - солдатом, а потом - как приглянешься, может возьмут в санчасть и даже в кадры.

Смолчал: чего скажешь? Только завыл, про себя:

- "У... у... у, б::и ,- достали-таки..."

Не было уважения к власти, к родине, которая ее терпит, не видел высшего смысла, чтобы доктор уборную чистил, топтался на плацу и честь отдавал старшине. Дурацкий порядок, почему я должен ему подчиняться? Война, что ли?

Спустя день Стожков вызвал снова.

- Давай я тебя к себе в отделение положу, обследуем, может найдем какую-нибудь зацепку.

Знал, что здоров, но чем черт не шутит? А у самого комбинаторика закрутилась: симулировать? При благожелательном отношении комиссии...

Положили в терапию, надели больничный костюм, завели историю болезни. На рентген: "Все чисто". Взяли кровь - хорошо. Собрать мочу: Во! Если туда добавить глюкозы: То потянет к диабету!

Так и сделал. Лида принесла порошок, доверился ей, подсыпал в баночку с мочой. Стыдно было. Но - пересилил. По расчетам должен быть приличный процент сахара, не чрезмерный, но достаточный.

Сдал баночку. Жду результат.

Что вы думаете? Чуть не погорел: лаборатория работала плохо. В анализе нашли лишь "следы сахара".

Впрочем, Стожкову этого было достаточно - ему нужен лишь

предлог, что бы меня оставить. Выписали мне белый билет: "Не годен к воинской службе"

Радости не испытал, было стыдно. Родину обманул, даже плохую.

Однако и моралистов успокою: когда через полгода началась война, в первый же день пришел в военкомат, сдал билет и просил направить на фронт.

- Я выздоровел. Могу служить.

Военком не уточнял, билет велел забрать, негодность ликвидировать. За всю военную карьеру история с белым билетом не возникала. Позорная, темнить не буду. Даже четыре ордена за войну ее не закрывают, если для себя.

Больше ничего выдающегося в тот год не было.

Была работа: учился оперировать. Сделал две резекции желудка, прооперировал язву и рак. БД сам предложил. Но - стоял надо мной и потребовал, чтобы оперировал по его методике. Я знал, что есть и лучшие, отрабатывал их на трупах, но конечно, вылезать с этими идеями не стал.

Какой был замечательный человек, это БД ! Приглашал нас с ЛЯ в гости. Жена (забыл имя!) угощала, чем могла, мы ее недолюбливали. Была она у него второй, из медсестер, Очень беспокоилась, что бы муж не умер, боялась остаться одной и в бедности. Еще было два взрослых сына от первого брака, инженеры, на хороших должностях. Гордился ими. В углу комнаты стоял дорогой радиоприемник, не пожалел старик денег, любил музыку. Пытался нас приохотить - но что мы? Рабоче-крестьянские или из мещан. Но о литературе я мог говорить вполне на равных, а может и выше. Только произношение некоторых слов БД поправлял: я же их не на слух, а с букв усваивал. Сам чувствовал недостаток культуры, но комплекса не было. Знал, что научусь.

БД слушал западные радио по французски, владел свободно. Кое - что рассказывал, как позорят нас западные державы за союз с Германией. Говорят, что все равно Гитлер надует Сталина.

Другие мелкие события. ЛЯ в январе ездила в Ленинград и вышла там замуж. Очень хвалила мужа, но как-то без убежденности. Наши отношения не изменились.

Приехали на практику студентки четвертого курса из Ленинграда: "столичные штучки". С одной из них, очень красивой еврейкой, закрутил роман. Нет - романчик, очень приземленный.

Весна 41-го года была холодная. Войну ожидали: без конца шли комиссии запасных, многих специалистов брали в армию. Слышно было, что строили укрепления на новой западной границе.

В Череповце жили скудно, но не голодали. Впрочем, не мне судить, не избалован. Город жил ожиданием большой стройки: заложен гигантский металлургический комбинат. Пока это выразилось огромным лагерем заключенных.

Ленька отгулял демобилизацию и устраивался на завод - создавать лесопильное производство.

Что еще? В Киев к Лашкареву ездил на денек, специально показать свои Регулирующие системы (одобрил) и "теорию мышления" - забраковал. Сказал, что " это механицизм". Что все гораздо сложнее. Принял хорошо.

В театр ходили: своя труппа выглядела жалко, в зале холодно, народа мало, ходят в валенках. Не то, что было при НЭПе! На несколько дней приезжал балет из Ленинграда и праздник снова мелькнул. Я даже с дежурства сбегал (и получил выговор).

Это - все. Дальше пойдет - война.

Глава четвертая. Война.

1. 1941 г. Начало.

У меня достаточно материала о войне: был ведущим хирургом Полевого Подвижного Госпиталя-2266 от начала до конца. Мне полагалось вести "Книгу записей хирурга" в которой отмечалась вся работа за каждый активный день: операции, смерти, поступления, эвакуации. К ним - примечания. Я использовал их как дневник. Толстая книга около 600 страниц хранится до сих пор. Именно по ней в 1974 году я написал повесть "ППГ-2266" или "Записки военного хирурга". Все что там написано - правда. События, люди, раненые - все было, как было. Конечно, всего вместить невозможно, но основное есть. Диалоги - придуманы, а мысли и "ключевые слова" были или записаны или помнились.

Писать воспоминания заново мне не хотелось: будут хуже, после первой книжки прошло еще 23 года. Поэтому я только сделал сокращения и вставил то, что выбросила цензура. Такого оказалось порядочно. Все равно получилось длинно, но когда перечитываю - жалко выбрасывать.

... ...

Через темные сени я вхожу в большую комнату, совсем пустую. Жалкая мебель, комод с фотографиями, над ним на стене рупор.

Конец фразы диктора:

- ...Молотов...

И дальше - речь: "Граждане и гражданки Советского Союза ! Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы: "

Война: Война!

Я пришел в этот дом, чтобы навести справки о своих сводных братьях. Долго собирался - и так неудачно.

Тихо в городе. Домики дремлют под липами. По деревянным тротуарам изредка простучат каблуки девчонки. Иногда из окон слышится радио - музыка.

"Была ли речь-то?" - Была.

Обманчивая тишина. Те, кто слышал Молотова, уже горько думают. Но не все ещё и знают.

Мысли по инерции бегут по старым дорожкам, но натыкаются на острое. О больных: Вчера прооперировал старика с ущемленной грыжей. Нужно пойти посмотреть. Возможен перитонит.

"Хирургии теперь будет - сколько угодно! "

Пошел в больницу. За полчаса город уже изменился. Суета, тревога. Женщины спешат с кошёлками. У магазинов - очереди. Мужчин не видно. Наверное, дома - последние часы. По радио всё ещё музыка. Но вот-вот местный диктор объявит:

Приказ: "Явиться через два часа после объявления всеобщей мобилизации по адресу..."

В вестибюле много посетителей. Обычно в воскресенье здесь довольно приятно. Выздоравливающие выходят к родственникам, радостно улыбаются, что-то говорят и, тут же, на скамейках закусывают. Сегодня только плачут.

Девушка-санитарка даёт мне халат и сообщает:

- Вас вызывают в военкомат.

У военкомата, на углу Советской и Энгельса, оживлённо. Толпится разный народ, мужчины военные и в гражданском. Часовой. Свежий приказ на двери. Чернеют слова: "Всеобщая мобилизация".

Майор распорядился:

- Пойдете во вторую школу на призывной пункт хирургом в комиссию. Сейчас.

2-я школа новая, четырёхэтажная - украшение Череповца. Пока здесь относительно тихо. Врачи уже в сборе. Я знаю их всех: терапевт, глазник, отоларинголог, невропатолог и я - хирург. Начальник пункта, толстый подполковник, предупредил:

Товарищи врачи, судите строго и ответственно. Я знаю ваши штучки - направлять на консультацию, обследования. Этого не нужно. Времени нет. За два дня мы должны отмобилизовать наши контингенты.

Мы рассаживаемся в двух кабинетах. С четырёх часов пошли мобилизованные. Регистратура выдавала нам их карточки. Солдат вызывают из коридора по фамилиям, секретарь проверяет, когда проходил медкомиссию. Если давно - посылает к врачам, если недавно - спрашивает:

- Здоров? Служить можешь?

- Могу.

Штамп - и конец. Принят.

Вот они идут передо мной - защитники Отечества. От 20 до 35. Колхозники из пригородных деревень. Рабочие наших заводов. Мелкие служащие. Плохо одетые, но не запущенные, в чистых рубахах. В большинстве - худые. Хмурые. Слов не говорят. Собрались на тяжкую работу. Нужно.

Они раздеваются у входа в класс, в загородке из скамеек и подходят к доктору, прикрывая ладонями стыдные места.

Голый человек совсем беззащитен.

Он даже соврать боится, если, конечно, опыта не имеет.

- Ну, так что болит?

- Да так, ничего, к погоде плечо грызёт, перелом был.

Ему 35 лет, трое ребят. Руки от работы будто покрыты дубовой корой. Он робко говорит свои жалобы, чуть-чуть надеется, что доктор найдет какой-нибудь огрех в его теле и отпустит домой.

Я смотрю на его руку, проверяю силу и объем движений в суставах. Потом слушаю его грудь. Слушаю больше для порядка: он здоров.

Всё у вас хорошо. Нужно служить.

Служить так служить...

Следующим идет молодой парень, с чубом, с улыбкой всеми зубами.

- Не, не служил. Порок сердца признавали, отсрочивали. Да я здоров, доктор, здоров! На лесопильном работаю. На фронт надо, фашистов бить.

Послушал сердце и написал: "Годен к строевой службе".

Попадаются и такие, что симулируют. Наивно, большей частью без особых надежд на успех.

Часам к семи вечера народ пошёл густо. Очередь шумела в коридоре. Выпившие попадались всё чаще и чаще. Совсем пьяных отсеивали в регистратуре- складывали в один класс, вповалку, чтобы проспались. Без особых придирок.Тех, кто уже прошёл комиссию, собирали в другой класс, а как накопится взвод - строили на дворе и - на вокзал.

Из открытых окон видно, как вокруг разрастается целый лагерь. На телегахи на земле сидят бабы, дети и мужики компаниями, беседуют, едят, выпивают. Это из колхозов приехали, кто подальше. Изредка песни слышатся.

Когда из задних дверей школы выводят очередной взвод, весь лагерь подхватывается и люди кидаются к школе: посмотреть своих и провожать - совсем, на войну. Женщины бросаются прямо в ряды, всё мешается. Старшины, что отводят новобранцев, кричат охрипшими голосами, оттаскивают особо мешающих.

Взвод отправляется вдоль Советского проспекта. Мужчины держат за руки детей, жены виснут у них на плечах, другие - скромные - идут поодаль. Шум, возгласы, рыдания.

Потом женщины будут возвращаться домой, одинокие, растерянные - к новой жизни - Солдатки.

Работали без перерыва, вечер и в ночь. Окна завесили одеялами. От самолётов.

Отец мой пошёл на войну в августе 1914 года. Мама рассказывала, как провожала его из деревни в Череповец, и, наверное, также стояла около пункта и плакала. А потом

возвращалась на пароходе в семью своей жадной свекрови.

К двум часам рассвело и сняли одеяла с окон, но работа остановилась. Людской поток иссяк. Вот и кончился наш первый день войны.

А что там, на фронте?

2. 1941 г. ППГ. Едем на фронт.

Сегодня мы едем на фронт! Нужно, нужно ехать, активно действовать.

Какими тягостными были эти дни... Утром 23-го на призывном пункте я слушал первую сводку: "Противнику удалось занять Кальвотин, Стоянут..."

Днём сходил в военкомат, сдал начальнику свой белый билет. Сказал, что хочу служить.

Он не расспрашивал. Затребовал личное дело и сделал пометки.

А вчера утром всё изменилось. Вызвали из больницы в военкомат...

- Пойдете на улицу Коммунистов, 5. Там формируется полевой госпиталь. Поговорите с начальником Хаминовым.

Пришёл, представился...

- Я врач, Амосов.

Вижу - разочарование: я молод, худ, невысок. Усадил и начал расспрашивать. Всё рассказал честно. Выглядело, наверное, слабо.

Начальник неплох. Хаминов Борис Прокопьевич, военный врач 3-го ранга. Одна шпала. Физиономия внушительная - второй подбородок, но на воротнике лежит жестковато. И животик при высоком росте и осанке тоже кажется жёстким.Посмотрим. Глаза у Хаминова карие, навыкате. Большая бородавка на щеке.

- Беру вас начальником хирургического отделения. Не скрою, хотелось бы большего, но нет и негде взять. Должен был из Ленинграда отличный хирург приехать, но нет его. Видимо, перехватили.

Так я попал в ППГ 22-66.

Хаминов взял и второго нашего ординатора, Лидию Яковлевну. Мы с ней близко дружили. Любовь? Нет, любви не было. Не знаю, для войны хорошо это или плохо? Но лучше бы она осталась дома!

Выдали обмундирование: гимнастерку, брюки "х-б", офицерские фуражки царского образца, с блестящим козырьком. Шинель. Обувь: портянки, обмотки, ботинки. Я их не взял, купил на базаре хромовые сапоги.

Прошёл ещё день в сборах и прощаниях, и вот уже на вокзале - первый раз все вместе - толпа уродливо одетых военных. Знакомимся, грузимся. Комиссар Медведев, политрук Шишкин, начальник АХЧ Тихомиров, начпрод Хрусталев, операционная сестра Зоя. Все мобилизованные в Белозёрске. Оттуда же санитары и лошади. Колхозные. Врачи - хирург Чернов и двое

терапевтов, рентгенолог и аптекарша из Ленинградской области. Другие, медсёстры череповецкие. Тамара и Татьяна Ивановна - операционные из нашей больницы, из гинекологии, знакомые.

Потом потянулись десять дней в воинском эшелоне, в товарных вагонах, на голом полу. По несколько суток стоим на станциях, загаженных фекалиями: много эшелонов прошло. Извелись бездельем и неизвестностью.

Война идёт, а мы не работаем. Хуже - у нас даже имущества медицинского нет. Где-то ещё должны выдать. Все это убивает. Но особенно тягостны сводки.

Речь Сталина слушали на вокзале в Ярославле. Скорбная речь: будто даже зубы о стакан стучат. "Братья и сестры": Подумал злорадно: "Ишь, испугался:". Не люблю Сталина.

9 июля кто-то наверху наконец определил нам место. Быстро провезли через Москву, повернули на Киев и выгрузили на лугу около станции Зикеево, не доезжая Брянска.

Тут же вечером - бомбёжка. Паника страшная, все в соседний лес убежали, только к утру очухались. Так мы получили, выражаясь высоким стилем, боевое крещение. Да, две бомбы, несомненно, были. Никого не задели, но моральный дух, к сожалению, оказался невысок. Что поделаешь - нестроевые и необстрелянные. Тем более женщины. Я, по-честному, не ощутил страха.

Начальник потребовал в "штаб". Это всего лишь кусты. Сидит Хаминов и рядом с ним незнакомый военный. Представился, как инспектор Санотдела Армии.

И дальше - деловой разговор. Ко мне:

- Я привёз вам очень важную книжечку: "Указания по военно-полевой хирургии". В ней изложена единая доктрина.

- Следующее: назначаетесь ведущим хирургом ППГ. У вас вся полнота власти в решении хирургических вопросов и расстановке медицинских кадров.

Вижу, что Хаминову это не нравится.

- А что же тогда начальнику остается?

- Общее руководство и организация.

Я вежливо молчу. Хаминов был гинекологом и главврачем в городе Великий Устюг. Привык оперировать, руководить, а тут - мальчишка будет главным по хирургии. Отыгрался - приказал:

- Вы свободны товарищ военврач.

Займемся вплотную "Указаниями". С сознанием всей полноты ответственности("Все-таки это здорово звучит - ведущий хирург!").

- Эй-й, товарищи! Грузиться!

Оказывается переезжаем. "Передислокация". Это военврач дал

указания перебазироваться (тоже новое слово) в пустующую сельскохозяйственную школу,что в лесу с другой стороны станции Зикеево.

Разместили в классах, как в вагонах: командиров, женщин. И отдельно - "рядовой состав".

Я забрался за дом, на брёвна, и изучаю "Указания". Сказали: завтра будем проводить учения.

Очень интересное понятие "Единая доктрина военнополевой хирургии". Это значит: все хирурги на всех фронтах должны лечить раненых одинаково, по этим самым "Указаниям". И тут регламентация! Где инициатива?

Нет. Дальше читаю разумное объяснение. Оказывается, регламентация нужна потому, что в большую войну хирургией занимаются, в основном, не хирурги, знаний у них нет, и от инициативы - одни потери. Да. Может быть.

"Указания" изучал несколько дней.

Самая суть. Четыре "кита": сортировка, хирургия, госпитализация, эвакуация. Обработка ран: рассечение не зашивать, при переломах - шины, гипс - в тылу. Живот и грудь оперировать в первые часы.

После этого был ещё один переезд - в г.Жиздру, где мы получили палатки и медицинское имущество. Теперь мы настоящий полевой госпиталь: штаты, оснащение, транспорт. Всё - кроме опыта.

Да, наш транспорт: 22 пароконные подводы, лошади и повозочные мобилизованы из колхозов Белозерского района. Были - тощие, но за десять дней в вагонах, при полных нормах овса - отъелись. Только очень пугливые - от встречных машин утыканных ветками длямаскировки, бросаются в стороны от дороги не разбирая канав.

... ...

А где-то шла большая война, грустные сводки - бомбардировки Москвы.

3. 1941 г. Дорога к фронту.

4-го августа мы вплотную подходим к фронту.

Вечереет. Впереди нас то ли туча, то ли сплошной густой дым - мрачно. Непрерывный гул артиллерийской стрельбы. Уже целые сутки мы его слышим.

ППГ-2266 шагает на запад. Приказ: "4-го августа к 18.00 развернуться в районе г.Рославль и принять раненых от МСБ".

Обоз уже двигается шестой день. Спешим - опаздываем.

Штабная подвода впереди, рядом с нею шагает Хаминов в крагах. Я знаю, что у него расширенные вены и он страдает, но впереди стрельба, и он должен идти первым. Комиссар сзади подстегивает, чтобы не растягивались.

Мы идём пешком. Лишь несколько женщин, которые стёрли ноги, стыдливо примостились на повозках. У некоторых туфли порвались, идут босиком - маленьких сапог так и не получили.

Моя база - телега операционной. Здесь же приписаны Лидия Яковлевна, Татьяна, Тамара, Зоя. Храбрый народ в нашей компании - боятся, но молчат.

Всю дорогу мы едем просёлками - избегаем бомбёжек и, чтобы машины нам не мешали. Радио у нас нет, сводки узнаём от встречных командиров.

Уже привыкли к походу. Спим на земле, с вечера валимся, как подкошенные, а ночью просыпаемся от холода - чертовски холодные ночи на Смоленщине. Но шинель хороша! И тёплые портянки тоже пригодились - на ночь я разуваюсь и ноги в них завёртываю.

В Жиздре кипятильник получили, поэтому кипяток есть два раза в день, а вечером - еще суп, если сон не сморит, пока повар Чеплюк варит.

Но сейчас не до желудка и не до ног. Впереди дым, стрельба явно усиливается. Ропот на Хаминова:

- Куда он нас ведёт? Сусанин нашелся! Прямо в пекло!

Мы уже выехали на шоссе, выстроили обоз на обочине. Стоим в нерешительности.

Военные машины и тракторы идут непрерывно к Рославлю.

Наконец к нам подъехал какой-то важный чин и скомандовал двигаться по шоссе обратно от Рославля. Начальник и комиссар сомневались

- А как же приказ?

- Я вам приказываю. Полковник Тихонов из тыла армии. Можете сослаться в санотделе. Ясно? Выполняйте!

- Слушаюсь.

Хаминов дал команду и сел в первую повозку.

- Ну, поехали!

И мы поехали. Да как! По асфальту легко, все забрались на телеги, повозочные взмахнули вожжами и бегом, рысью, а где и в галоп!

Отмахали километров двадцать. Ни разу не остановились, лошади не пугались и не хромали, колеса не ломались, возы не развязывались.

Наконец, переехав реку Остёр, мы свалились вправо от шоссе в реденький лесок. Не греем кипятильник, не раздаём даже хлеб и сахар - прямо спать.

Войска отступают. Всё дальше и дальше на восток. Сегодняшняя сводка: оставили Смоленск: Бои, надо думать, под Киевом, Умань и Белая Церковь уже упоминались.

Мы, ППГ-2266, тоже отступаем со всеми. Рославль, уже у немцев.

4. 1941 г. Сухиничи. ГЛР. Раненые.

Мы отступили в Сухиничи. Имеем приказ санотдела армии: развернуться. Даже машину дали для переезда. Едем вдоль железной дороги мимо станции, нефтебазы, обсаженной тополями, и поднимаемся в гору. Там бараки. Начальник вылез из кабины.

- Посмотри, Николай Михайлович, неплохое место для нас.

И вдруг: з-з-з-: Б-бах! И сразу еще, ближе: з-з-з-з-з: Б-бах!

Все ссыпались с машины, попадали, притаились. Пропал интерес к осмотру места.

Начальник вытащил свою карту, и мы рассматриваем окрестности. Километрах в трёх оказалась деревня Алнеры. Поехали.

И вот, мы здесь. Посмотрели и решили - быть госпиталю!

Наша деревня - это широкая балка с зелёным лугом, речкой, два ряда домиков по обоим косогорам. Просторно, вольно:

На холме - начальная школа в яблоневом саду, низенький дом.

Школа пуста - каникулы. Четыре классные комнаты, учительская. Трогательные маленькие парты для первоклассников.

Распланировали: регистрация - коридор, для тяжёлых раненых- классы, легких - в палатки под яблонями. Там же перевязочную. Баню, кухню - на улице. Штаб - в домике рядом. Персонал разместим в деревне.

Разгрузили машину. Ожидаем обоз. Палатки поставим сейчас же.

… … …

Итак, мы приняли раненых. Мы работаем, мы воюем. Боже, как это, оказывается, трудно! А что мы? Всего лишь госпиталь для легкораненых - ГЛР. Виноват я. Хаминов сказал: "Молод ты, начхир! Не доверили". Мы вошли в ПЭП - Полевой Эвакопункт армии. Состав: ЭП -Эвакоприемник и три ППГ. Все в Сухиничах. Раненых привозят из дивизии на поездах - санлетучках, разгружает ЭП, сортирует. Тяжёлых, главным образом, нетранспортабельных, развозят по госпиталям, где лечат и готовят к эвакуации.

Ну, а нам особая роль - ГЛР, госпиталь для легко раненых.

До войны ГЛР не было в штатах. Детище первых месяцев. Потери очень большие, а солдаты с пустяковыми ранениями отправляются на Урал в общем потоке эвакуации и неразберихи. Вот и придумали ГЛР.

"Категорически запрещается эвакуировать легкораненых за пределы армии". "Лечить в условиях, максимально приближённых к полевым". "Проводить военное обучение."

Пока у нас только приказ: "Развернуть ППГ-2266 на 1000 легкораненых". Основная база здесь, в деревне Алнёры. Выздоравливающих - в те самые бараки на косогоре.

Начальство нас инспектировало. Приехал начальник ПЭПа и инспектор - хирург, очень штатский доктор. Мы уже матрацы набили соломой, застелили простынями как в лучших домах. Но начальник распорядился по-своему:

- Не баловать солдат! Солому! Но вшей чтобы не было - ответите!

С утра сидим в ординаторской - ждём. Вот-вот приедут. Врывается сестра:

- Привезли!

Три санитарные полуторки с красными крестами на зелёном брезенте полным - полны, раненые сидят на скамейках. Документы - "карточки передового района", - у сопровождающего. Команда военфельдшера Рябова из приёмного отделения помогает вылезать, ведут в школу, рассаживают.

Вот они солдаты, уже попробовавшие огня. Прежде всего - уставшие. Щёки ввалились, небритые, грязные, большинство - в одних гимнастерках, шинелей нет. Некоторые - с противогазными сумками, но без противогазов. Разрезанные рукава, штанины. Повязки у большинства свежие, потому что в ЭПе смотрели раны, чтобы не заслать к нам "непрофильных".

Многие тут же засыпают, отвалившись к стене или прямо на полу. Хмурые, недовольные. Объясняем:

- Здесь будете долечиваться.

- Какое же тут лечение? Под самым фронтом:

- Самолёты, небось, бомбят? Отправляйте!

… … …

В углу коридора стол для регистрации. Много с ней мороки: вызвать по фамилии на карточке, в книгу записать, история болезни в ППГ положена - заполнить нужно её паспортную часть.

Набирается десяток - ведут в баню, в овраг. Иду и я посмотреть, что там делается, в овраге.

Банька маловата, но воды много - горячей, холодной. Рябов молодец. Мочалок только не хватает.

Тут настроение уже получше. Улыбки и даже шуточки.

- Спасибо, товарищ военврач, за баньку! С запасного полка не мылся: Все причендалы опарил.

С камерой, к сожалению, заминка - очередь на дезинфекцию.

В столовой, под навесом, солдаты сидят уже другие - весёлые,

в свежем белье.

- Как в субботу, после покоса. Спиртику бы поднесли, медицина!

Но водка не положена.

… … …

Раненые поступили обработанные, но всё же перевязочная работает вовсю. У кого повязки кровью промокли, у кого замочили в бане, кто сам попросит. Все сидя перевязываются. Истории болезней тут же записываем.

Такие все простые ранения. Какая уж тут хирургия! Подождать, не трогать - и заживет. Но я впервые видел раненых, и поэтому интересно.

Наш профиль - сквозные и касательные пулевые и мелкоосколочные ранения мягких тканей конечностей, груди и живота. Пишут в "указаниях": мелкие осколки до пяти миллиметров не нужно торопиться доставать. Если размер больше - лучше удалить или рану рассечь.

Сделал первую операцию - удалил осколок. Долго не могли усыпить: было сильное возбуждение - раненый чуть со стола не убежал. Оскандалились.

5. 1941 г. Бомбежка.

Конец сентября. Мы уже больше месяца работаем в Сухиничах.

Наш фронт остановился. Даже больше - взяли Ельню. Маленькая станция и поселок Ельня, но это символ: "Наши тоже могут". Две недели почти постояннобыла слышна канонада, и все раненые прибывали оттуда. В день штурма и взятия они поступили такие возбуждённые, довольные - совсем не те люди, когда бежали. Что значит победа.

... ...

Немцы подошли к Киеву. Пришлось и его отдать. Все переживали утрату. Казалось, остановили! Но нет, пока нет. Обороняется Одесса. Ленинград, видимо, окружен, но крепко держится. Может быть, здесь остановят? Намечается союз с Англией и даже Америкой.

Мы живём с начальником в чистеньком домике. Он хороший человек Хаминов.Доктор хороший. Только власть любит, подхалимаж. Но всё - в меру.

Мы сильно разрослись. Сегодня на пятиминутке доложили-1150 раненых! Правда, здесь в Алнёрах, - 420, остальные в тех самых бараках, выздоравливающих.

Вчера приезжал генерал. Ругал порядки - приказал ликвидировать Алнёры и организовать весь госпиталь в бараках при станции.

... ...

Итак, мы почти переехали. Многих выписали в часть, и в Алнёрах осталось человек сто раненых - только в школе и в клубе. На матрацах, на простынях, в стираных штанах и гимнастёрках.

Госпиталь будет как игрушка. Бараки построены два года назад для ФЗО. Есть баня и прачечная, столовая. ГЛР на тысячу человек и даже больше. Разумеется - перевязочная, операционная. Сейчас у нас семьсот пятьдесят.

Едем с начальником на двуколке. Он правит.

- У меня такая же таратайка в Устюге была.

Обсуждаем сводку: "Бои по всему фронту". Примеры героических подвигов. В газетах - декларация СССР, США, Англии о координации усилий. Очень важно - не одни.

Заехали на хоздвор, Хаминов отдал лошадь, занялся хозяйством. Я иду в перевязочный барак. Нужно посмотреть, как Канский, санинструктор, автоклав устанавливает.

Вдруг - крики:

- Самолеты! Самолеты!

Замер: слышен мощный гул, такого ещё не было. Двор уже полон народа - солдаты, сестры и санитары. Доктор терапевт истошно кричит:

- Уйдите, уйдите в халатах! В щели!

Вот оно, настоящее. С запада в правильном строю движется на нас целая эскадрилья самолетов. Хорошо, что щели отрыты и бараки стоят не густо.

- Врачи, сестры! Не прятаться, пока раненые не укрыты! Вывести всех из бараков!

Впрочем, едва ли кто меня слушает. Самолеты почти подходят к краю нашего поселка. За ним стоят зенитки.

Вот они ударили - залп сразу из всех трёх орудий. Белые облачка разрывов ещё не достигли самолетов.

Приближаются. Зенитки медленно поднимают стволы, стреляют навстречу почти непрерывно. Три передних самолета странно повернулись на крыло, застыли на долю секунды и вдруг ринулись вниз - прямо на батарею.

- Пикируют!

Три высоких хвоста земли взвились и закрыли зенитчиков. И одновременно ударили звуки - визг пикировщиков, визг бомб, грохот взрывов:

Фонтаны земли осели. Храбрые ребята эти зенитчики. Задрали свои зенитки почти вертикально и стреляют прямо навстречу следующей тройке пикировщиков. Опять визг, грохот.

Уже не пикируют, к нам подходят - путь к станции через нас. Сейчас дадут! Взглянул - двор как вымело. С крыльца видно в щелях лежат друг на друге, лицами вниз. Сам хочу спрятаться, исчезнуть. Но стесняюсь - санинструктор Коля Канский глядит на меня: испугаюсь ли?

Смотрим: "Пронесло?" Но вот снова отделились бомбы.

З-з-з-з-з-з: Б-б-а-х!

Нет, не на нас. Мы не интересны. Станция.

Уже не опасно - последние самолеты над нами, значит, бомбы лягут впереди.Но сердце всё-таки бьется. Держать фасон, Амосов.

Посёлок пустой. Окна выбиты. Пыль ещё чувствуется в воздухе. Воронок невидно, наверное, за следующим бараком. Но всё тихо, не кричат.

Обходим ближние щели. Они ещё заполнены, но уже слышны разговоры, некоторые стоят в рост. Даже смех слышен, но неестественный. Бодрятся. Спрашиваю нарочито бодро:

- Как, солдаты? Получили гостинцы? Есть потери?

Замечаю взгляды - одобряют. Нарочно халат не снимал.

Троих все-таки ранили, не тяжело. Отправил в перевязочную.

Вдруг снова ударили зенитки. Крики:

- Возвращаются! Они возвращаются!

- П-о-о щ-е-л-я-м!

И так четыре раза.

После второго захода началась паника. Раненые побежали в сторону Алнёр, и остановить их не удалось.

После третьего мы начали судорожно свёртываться, грузить узлы на телеги и гнать в деревню. За три часа управились - что значит страх!

Сейчас наш сад в Алнёрах гудит, как пчелиный рой. Разговоры вертятся около немцев и окружения. Если верить солдатам, то ноги нужно уносить. Я не верю. Приказ был бы.

Однако в пять часов на грузовике приехал незнакомый капитан и привёз приказ эвакуироваться на Козельск, Перемышль, Калугу - немцы прорвали фронт в районе Кирова и уже перерезали дорогу. "Из раненых сформировать пешие команды. Тех, кто не может идти, - везти на подводах. Никого не оставлять: "

… … …

Вечером и ночью пережили эпизод настоящей войны: недалеко от Алнёр немцы разбомбили санитарный поезд. Раненых развезли по госпиталям в Сухиничи, но и нам досталось 40-50, из которых с десяток были со свежими ранениями от бомбежки. Пришлось развертывать перевязочную, обрабатывать раны и даже сделать ампутацию плеча - была перебита кость и артерия. Первый калека "моего производства". Боялся изрядно. Лежачие раненые усложнили эвакуацию.

… … …

Выхожу на крыльцо посмотреть на отправку ходячих. Ночь тёплая и довольно светлая. Вся площадка перед школой шевелится, как муравейник. Разговоры негромки. Изредка блеснёт огонек и сразу крики: - Эй ты! Погаси! - Жизнь надоела?

У выхода из школьного двора - пять подвод, нагруженных мешками и ящиками. На первой - сестра Нина с двумя санитарными сумками, сидит, дремлет. Устала. Чернов о чём-то хлопочет. Ему нелегкая миссия выпала - этакая орава: А если немцы налетят? Проверяю, взяли ли носилки, запасной материал, костыли, санитаров. Всё как будто предусмотрел Чернов. А случись что, обязательно окажемся не готовы.

Начальник вышел на крыльцо.

- К-о-м-а-н-д-а! Строиться! По четыре! Общее командование возлагаю на политрука Шишкина!

Серая масса зашевелилась. Странная это процессия. Разношёрстные, в шинелях, фуфайках, в гимнастёрках с разрезанными рукавами, с палками, с костылями, с повязками на

руках, на голове, некоторые - в опорках, если ботинок не лезет. Построенные по четыре. Пока построенные.

Пешим порядком отправилось около шестисот человек. Больно было смотретьна них. Далеко до Козельска, а посадят ли их там в поезд? Как они дойдут -хромые, слабые? Сколько их дойдет? А что делать?

Начинаем укладываться. Так или иначе, надо уезжать. Раненые, что не могут идти, смотрят на наши хлопоты с опаской: не оставим ли их?

Нет, не оставим. У нас машина и ещё шестнадцать подвод. Если имущество бросить, можно всех взять.

Смотрю, как девушки свертываются, пакуют ящики.

Хорошо пакуйте. Где и когда ещё будем развертываться? Немцы бросали листовки: "Сдавайтесь, через неделю Москва будет взята! Война проиграна!"

В семь часов комиссар привёл подводы. Много мужиков приехало, около полсотни телег. Лошадёнки, правда, слабые.

Началась сутолока погрузки. Я смотрю оперированных - как-будто все в порядке. Никто не жалуется. У кого, может быть, и болит, но терпят. Боятся, чтобы не оставили.

Накладываем сена в телеги. Лежачих - по двое, к ним ещё по двое сидячих. Мужики ворчат - тяжело. Ничего, не галопом поедете.

На свои крепкие, проверенные телеги грузим имущество. Страшно много имущества появилось. Одеял, белья, подушек, продуктов. Обросли. Готовились зимовать на 1000 коек. Физиотерапию, ванны готовили. Все это к черту теперь.

В девять часов обоз тронулся.

6. 1941 г. Отступление за Москву.

Уехали. Ещё слышен скрип телег и говорок. Мы немного задерживаемся. У нас машина, мы ещё должны подождать подводы, чтобы погрузить остатки имущества.

Сидим с начальником в саду под яблоней. Падают жёлтые листья. Пора тоски. Странная пустота в голове. Будто окончилось что-то в жизни.

… … …

Восемь немецких бомбардировщиков летят на восток. Не быстро, не высоко, спокойно. Безразлично летят - просто долбить станции, дороги, может быть, и санитарные поезда. Не боясь никого.

И тут - наш, родной "ястребок", И-16. Он один, и мчится прямо на этих. Один! Стреляет - видны трассирующие пули. Пролетел между ними. Задымился бы хоть один фашист, упал:

Нет, летят. "Ястребок" повернулся, сделал петлю. Слышна стрельба.

- Ну, улетай, что ты сделаешь один, улетай!

Это мы кричим, как будто он может услышать.

Но лётчик снова делает заход и прямо сверху пикирует на немцев. Снова короткая сильная стрельба - все они стреляют в него, в одного.

- Он просто ищет смерти!

Истребитель не вышел из пике. Загорелся, черный дым и падает где-то за холмами. Парашют не появился.

Стоим, растерянные, потрясённые, слезы в глазах и даже, кажется, текут.

… … …

Они пролетели над нами, как утюги, не нарушив строя. Будьте вы прокляты!

Нет, никто не поднимал кулаков и не сказал этих слов, мы все не любим слов. Но каждый подумал, уверен. В голове вертится: "Безумству храбрых поём мы песню. "А может, это не храбрость, а отчаяние?

… … …

Уезжаем, когда уже стемнело.

К Козельску подъехали часов в одиннадцать. Тёмный, тихий городок, одноэтажные домишки.

Вокзал вяло дымится, под ногами обломки кирпича, щепки.

Всё призрачно, замерло.

Разыскали коменданта. Совершенно измученный человек, чёрный, охрипший, еле отвечает на наши расспросы.

- Всё. Наработались. Два часа назад отправили последний эшелон. Нет, всех не погрузили: Пошли пешком.

… … …

Обоз догнали в большом селе Каменке. Он остановился на ночёвку, съехал с дороги, и мы чуть не промахнули дальше.

… … …

Утро 6 октября. Погода испортилась. Выхожу на двор - снег везде. Вот тебе - на! Вчера ещё было сухо и довольно тепло.

По деревне движение - выдают сухой паек, кухня сготовила баланду. Поэтому все тянутся с котелками, с кружками к большому двору, где посередине возвышается походная кухня. Над ней, ещё выше, Чеплюк с длинным половником.

Часов в десять по улице прокричали посыльные:

- Выезжать! По коням!

Легкораненых собрали впереди. О строе уже не поминали, могут и "послать", все злые и усталые. И считать не стали.

Обоз растянулся на полкилометра. Подводы перегружены, медицина идёт пешком. Даже толстая аптекарша.

Только вечером подъехали к Калуге, сдали раненых в городе. Двести двадцать человек. Из Козельска отправили человек сто. Выходит, что около трёхсот растаяли по дороге. Где они?

Сбежали: кто пошли вперед мелкими группами, но те, кто уже под немцами - домой подались.

… … …

Третий день движемся по старой Калужской дороге - к Москве. Екатерининский тракт, обсаженный березами. Мощные деревья сильно состарились, но ещё держатся. Листья не все опали, солнце подсвечивает.

Ночевали в деревнях всей операционной компанией. Спали вповалку - очень уставали за день пешей ходьбы. Иная хозяйка соломы принесет, рядном застелет. Но лучше бы мы на земле спали. Только бы не слышать тяжелых упрёков:

- Неужто, немцы придут? Как же это вы допустили?

В первую же ночь после Калуги было происшествие, очень странного и страшноватого свойства - арестовали Татьяну Ивановну, нашу старшую операционную сестру, Она была из Череповца, работала в гинекологии.

Хаминов комментировал скупо:

- За язык.

Так и было - много разговоров вели во время переездов, Татьяна высказывалась резко, порочила Сталина, НКВД. Мне это импонировало, но помнил о дяде Павле и сам осторожничал. И вот, пожалуйста. Теперь обнаружилось, что представитель "Особого отдела" периодически появляется в госпитале. А я-то

думал отступились на время войны, дадут вздохнуть. Оказалось даже за нами следят. Кто-то Татьяну продал.

Да, забыл написать, ещё в августе зачитывали приказ Сталина о предателях из штаба какой-то армии, включая и командующего: всех расстрелять.

… … …

Утром 16 октября через Калужскую заставу въезжаем в Москву.

При входе в город встретили батальон ополчения, идущий защищать столицу, длинная колонна пожилых мужчин, в новых, ещё не обмятых шинелях. Идут не в ногу. В последнем ряду шагают сестрички.

Это был самый страшный день для Москвы. Накануне разнесся слух: город сдают. Началась паника - закрылись заводы, учреждения, прекратилась торговля. Все кто мог, стали собираться бежать от немцев, а многие уже и побежали. Магазины закрыты. Жалюзи опущены на витрины. Народ суетится около домов. Связываются пожитки, укладываются на тачки, на детские коляски. Кое-где грузятся машины, выносят из квартир даже мебель. Около стоят женщины и смотрят с завистью: "Небось начальники бегут".

В одиннадцать часов изо всех рупоров раздались позывные и было объявлено о речи секретаря ЦК и МГК партии А.С.Щербакова. Мы выслушали её на ходу.

Щербаков объяснил сложность обстановки на подступах к Москве. Опроверг ложные слухи: ": за Москву будем драться упорно, ожесточённо, до последней капли крови". "Прекратить панику, начинать работать, открыть магазины. Паникеров привлекать к суровой: " и т. д.

Мы вздохнули с облегчением. Значит ещё не всё потеряно.

Проехали краешком Москвы на Рязанское шоссе и потянулись на восток, на Люберцы. Там будем ночевать. А куда потом? Не знаем.

Газета "Правда" за 16 октября: "Враг угрожает Москве." "Положение на Западном направлении ухудшилось:"Враг продолжает наступать - все силы на отпор врагу!"

С Хаминовым решили - за Урал не пойдем. Дезертируем в Устюг.

7. 1941 г. Егорьевск. Гипсы.

Мы остановились в Егорьевске, почти сто километров за Москву. Объявилось начальство. Оказывается мы, ППГ-2266, вышли из отступления с честью, имущество почти всё вывезли, раненых эвакуировали. Что много разбежалось, об этом не упоминаем.

ПЭП перешёл во фронтовое подчинение, потому что наша 28-я армия перестала существовать. Где санотдел, пока неизвестно.

Учитывая наши заслуги, нас повысили - будем выполнять функции госпиталя для раненых средней тяжести.

Здание эвакогоспиталя, что мы получили, было рассчитано на 300 коек, в трехэтажной школе. Всё сделано по высшему классу.

… … …

В "Книге хирурга" есть пропуск. Помню, что приняли около двухсот раненых из-под Москвы, с саналетучки. Что были они очень тепло одеты (мороз - под 30!) - Финляндия значит не повторится.

… … …

Дальше идут записи.

Бочаров обучал нас глухому ("Юдинскому") гипсу. Это очень смущало - как так, гипс прямо на обнаженную рану? Оказывается, писали в хирургическихжурналах после финской о глухом гипсе. История у него давняя и источники русские. От Пирогова, с Кавказской войны.

Преимущества для лечения переломов: обломки не могут сместиться, правильно и быстро срастаются, раненый может ходить, наступая на ногу, нет атрофии мышц. Но для раны сомнительно. Не верю, что микробы погибают в гное, который медленно просыхает через гипс, а наблюдать за раной невозможно - вдруг флегмона, гнойные затеки, газовая, сепсис?

Техника гипсовой повязки очень важна. Юдинцы применяли строго стандартизованную методу, её легко освоить.

Мы уже обучились накладывать повязки на голень, предплечье и плечо. Первым гипсую я сам, потом - Канский, потом сестры.

Из резерва прислали группу медиков - все они вышли из окружения. Нам дали операционную сестру, и она сразу заболела. Подумалось: "То-то будет работник".

Это Лида Денисенко. Высокая, худая, белокурая: довольно красивая. Очень скромная. Стыдно ей, что голова кружится и ходить не может.

Студентка третьего курса пединститута в Смоленске. Кончила курсы медсестёр во время финской, но тогда на войну не успела, а сейчас - пошла добровольно.

Вот её история: Медсанбат. Лес. Подвижная оборона. Больше ездили, но несколько раз оперировали сутками, раненые умирали. Знаменитая Соловьева переправа через Днепр. Потеряли все машины, погибли люди. Дали новое имущество, дивизию пополнили. Снова работа. В октябре - прорыв немцев на Вязьму. Окружение. Приказали: "Выходить мелкими группами". Оказалась в лесу с подругой, немцы рядом, слышна речь. Их подобрали наши солдаты, с ними и выходили тридцать дней. Страх, голод, холод. Немцы, обстрелы, предатели в деревнях. Потеряли двух человек. Обносились, обессилели. Наконец, попали к партизанам, и те перевели через фронт. Эмоции.

Спросил Лиду, кем у неё отец работал. Она засмеялась, потом сказала: - Первым секретарем обкома. Пока на курсы не послали перед войной. Теперь даже не знаю где. Сказали, на Ленинградском фронте.

… … …

Вчера "В последний час": наши взяли Ростов! Однако сегодня оставили Тихвин - к Череповцу близко. Но почему-то нет ощущения тревоги.

У нас что-то вроде хирургического праздника: обработали и загипсовали "бедро", то есть огнестрельный перелом бедра. Принесли ЦУГ-аппарат и Бочаров всё сделал в лучшем виде. Гипс от сосков до пальцев стопы.

… … …

Под Москвой идут тяжёлые бои. Больше отступать некуда. Радио и газеты: Жуков назначен командующим Западным фронтом. Дерутся на дорогах к Москве. Городов не называют, но уже сданы Можайск, Калинин и Волоколамск. На юге фашисты наступают на Донбасс, на Крым.

… … …

Прошли Октябрьские праздники.

Сталин речь произнес, провёл парад. "Враг не так силен, как его изображают."Всё это так здорово, что и сказать нельзя. Даже я потеплел к нему.

13 декабря.

Ура! Ура! Ура!

"В последний час": "Поражение немецких войск на подступах к Москве!"

Наши остановили врага, и перешли в контрнаступление. Освободили Солнечногорск, Истру, десятки других населённых пунктов. Уничтожено массу техники, разбито много дивизий.

Выстояли все-таки, выстояли, не отдали Москву, а теперь гонят немцев! И как гонят!

Скоро прибудут раненые - уже "наступающие". Возможно, их будет много.

А на дворе - 27 градусов! Но нашим солдатам мороз не страшен. Ещё не видел ни одного обмороженного. Одеты хорошо.

С утра хожу по палатам и поздравляю раненых. Они уже знают, и тоже ликуют. И их кровь влита в эту победу.

- По сто грамм надо, товарищ военврач!

Надо бы, верно: Но есть строгие приказы. Может, дать вина для тяжелых? Нет, нельзя - для других обида.

Япония напала на Соединенные Штаты, разгромила военную базу на острове Пирл-Харбор. Потери у американцев большие. Рузвельт объявил войну. Говорят, что это выгодно для нас, что теперь мы будем союзниками.

… … …

Кретин и дурак я. И не мне руководить хирургией в госпитале.

"Плохо, Николай Михайлович, очень плохо". Так сказал Бочаров, больше ничего не прибавил.

Только что пришел со вскрытия: умер раненый в голень от газовой гангрены. Просмотрели, не оценили тяжести. Делали разрезы, ждали, а нужно было ампутировать бедро. Возможно, был бы жив.

8. 1942 г. Наступление. Подольск.

Опять пропуск в "Книге записей".

По памяти: Егорьевск закончили благополучно, если не считать той смерти. В самый канун нового года дали машины и повезли через Москву, аж до Подольска. В Подольске развернулись вместе с ЭП в школьном здании. К нам пришел хирург Залкинд в ранге заведующего отделением. Работали с ним посменно. Поступления большие. Гипсовать не успевали. Двое свежих раненых с бомбежки умерли - "живот" и "бедро". Опять ошибки - оперировали, а надо было выжидать, пока сможем повысить кровяное давление. Впрочем, это могло и не удаться, ждали три часа. Так трудно даётся опыт. Удивительно, но газовой нет. Холод страшный, а обмороженых не было.

9. 1942 г. Калуга. Кошмар.

23 января после полудня принесли приказ: немедленно переезжать в Калугу. ПЭП прислал машины - два автобуса и полуторку.

С начальником в последнюю неделю случилась беда: он запил. С утра трезвый, смущённый, в обед - весёлый, а вечером - пьяный. Противно. Поэтому собирались без него. Комиссар и Тихомиров командовали погрузкой.

Автобусы большие, но на тяжёлый груз не рассчитаны. В первую очередь взяли хозяйство операционной. Кажется, ещё погрузили белье, одеяла. Чеплюк и часть кухни - на грузовик. Всё остальное - в обоз. Продукты обещали в Калуге дать. Развертываться в зданиях, как в Подольске. Город уже три недели наш, небось, всё есть. Так мы рассуждали в автобусе.

Приехали в Калугу утром 24-го, совершенно замёрзшие.

Длинная вокзальная улица, каменные дома сожжены или взорваны. Людей мало. В стороне от проезжей части - немецкая техника.

Трупы ещё не все убраны - видели несколько, валяются в подворотне, в легких френчах, очень белые лица, и волосы развеваются на ветру. Вот они, "белокурые бестии". Домаршировались! Ищу внутри себя чувства - нет, не жалко.

В центре много целых, но замороженных домов без стекол.

Нам понравился Педагогический институт. Начали ремонтировать, пытались отогреть.

Мы, четверо врачей, обосновались недалеко, в деревянном домике. Чудные русские люди попались. Первые пережившие немцев. Старый учитель естествознания. "В Дерпте вместе с Бурденко кончал". Его жена - помоложе, тоже учительница. Приняли нас, как родных. Вскипятили чай, принесли картофельных лепешек.

Но следующим утром (26 января) приехал начальник ПЭП-а, сказал, что дом мал. Приказал сейчас же принять помещение ЭПа вместе с ранеными.

Мрачное трехэтажное здание бывшей духовной семинарии. Высокие полукруглые окна заделаны фанерой и досками, во многих торчат трубы, из которых валит дым. Солидный подъезд, большие двери и ряд машин с ранеными. Разгружают. Знакомая по Подольску картина: носилки, торчащие из-под шинелей шины Дитерихса, согнутые сидячие фигуры с разрезанными рукавами шинелей и белыми бинтами. Стоны, чертыханья, просьбы.

Заходим. Вестибюль со сводчатым потолком. Темно. Едкий

дым, влажный туман. Чуть виднеется свет нескольких коптилок из снарядных гильз. В четыре ряда на полу стоят носилки с ранеными, посредине проход, едва можно разойтись. Холодно. В центре стоит бочка, в которой тлеют сырые дрова, и дым валит через дыру. По обе стороны коридора - классы. Окна в них забиты почти полностью. В каждом - бочка, труба торчит в окно. В некоторых стоят кровати без матрацев, на них носилки. В других - носилки прямо на полу. В третьих - голый пол.

Мечутся фигуры в белых халатах поверх шинелей, в шапках.

- Санитар! Дай каску!

Каску... Немецкие каски вместо подкладных суден. Вон несет санитар сразу две - к двери на улицу - вылить у крыльца.

Разыскали перевязочную. Очень большая комната. Такой же дым, туман, холод. Посредине стоит бочка, труба тянется далеко в окно. Вокруг печки кучи дров, две скамейки. Сидят раненые. Три стола, на них перевязывают одетых. Две сестры устало передвигаются, халаты поверх шинелей, в шапках. Врач в такой же одежде сидит за столиком и заполняет карточки. Тут же стоит автоклав, отгороженный вешалками, на них висят шинели.

Санпропускник есть, но заложен ранеными. Воды нет. Пить разносят в консервных банках.

Второй этаж еще почти пуст. Окна заделаны, бочки поставлены, кое-где топятся. На третьем этаже потолки ниже, печек нет, окна заделывают солдаты из саперного батальона.

Теперь всё ясно. Пошли искать начальство ЭПа. Нашли начмеда. Пожилой, измученный, небритый доктор.

- Мне приказано к 12.00 передать раненых. После полудня начинаем работать на новом месте. Начальник уже там.

Передача состоялась. Доктор просто сказал, что в здании лежит около двухсот раненых, ежедневно они, ЭП - будут давать нам ещё примерно сто.

Эвакуации пока нет, потому что возят на Алексин, а мост взорван и раненых переводят по льду. Дрова можно брать где-то около лесопилки, а воду нужно возить в бочках из реки.

- Засим будьте здоровы! Раненые говорят, что бои тяжелые.

Упрашиваю:

- Вы хотя бы сегодня нам не направляйте новых. Только сегодня.

- Не обещаю. Там у нас, наверное, ещё хуже. Так что... сами понимаете.

Через час они свернули перевязочную и уехали.

Что делать? Ответ ясен: Убирать кал и мочу. Напоить. Согреть. Накормить. Только потом - предусмотреть кровотечение, заметить газовую, чтобы ампутировать, выловить шоковых и

попытаться помочь. В последнюю очередь - перевязки и обработка ран для профилактики инфекции и заживления.

Начальник не приехал. Комиссар не знает, не может.

Пришлось мне командовать. Вызвал хозяйственников, старших сестер и аптекаршу.

Оказалось ещё хуже, чем думал. Простыни есть, а подушек нет. Миски есть, ложек нет. Крупы тоже нет. Аптека, не приехала. ("Никогда больше не доверюсь начальству. Никогда! ")

Начпроду приказал накормить. Рябову - организовать приём.

После этого началась работа. То есть ничего радикального и быстрого не совершилось, но дружинниц из соседних домов навербовали, привели, поставили на каждую палату по два человека и обязали обслуживать круглые сутки. Обещали кормить.

Такими мерами освободили мужчин для заготовки дров, чтобы воду подвезти, за продуктами съездить, чтобы новые палаты осваивать - раненые не переставали прибывать. Котёл в прачечной затопили, начали варить гречневый суп. Пришлось идти по дворам просить посуду - ведра, ложки.

Самое трудное было наладить отопление. Дрова сырые, тяга в бочках плохая, дым просто жить не даёт. Промерзшие стены сразу покрылись влагой и дали туман. Разломали пару сараев в соседних домах.

Наконец, осталось моё собственное дело - хирургия.

С Залкиндом договорились сохранить старые бригады, как в Подольске, и он уже выйдет на ночь.

10. 1942 г. "Челюстник": кровотечение.

Перевязочную развернули пока в той же комнате, где была. Только дрова подобрали посуше. Расставили сразу семь столов - это важно для лежачих раненых.

К трём часам начали работать.

Я пошёл с беглым обходом. Тягостная картина. Да, это пока даже не Подольск. Почти неделю лежачих раненых собирали в ППГ и МСБ в Сухиничах, Мосальске, Мещерске. До того лежали по хатам в деревнях. Только три дня назад их начали перевозить в Калугу. Большинство раненых были не обработаны - много дней их не перевязывали, повязки промокли. Кроме того, они были очень измучены. Полтора месяца идёт изнурительное наступление по морозу, обозы отстают, питание плохое - больше на сухарях. Горячее редко. Селения сожжены, спать негде - замерзнешь. Мороз затрудняет любое наступление и наше тоже. Немцы теперь в более выгодном положении - у них опорные пункты, цепляются за каждую деревню, контратакуют.

С виду все раненые кажутся старыми, заросли бородами: госпиталям не до парикмахеров. Но и по документам - сорок, даже сорок пять лет. Молодежи мало Их уже выбили в первые месяцы. Лежат, укрыты шинелями, под головами ватники, разрезанные ватные брюки.

Мне нужно среди них "выловить" срочных и выбрать первоочередных. ЭП перевязал не больше десятой части - тех, чьи раны кровоточили. Нужно собрать раненых в голову, которые без сознания. Выделить челюстно-лицевые ранения. Я впервые увидел этих несчастных. Они, кроме всего прочего, ещё и голодны: их нужно специально кормить и поить - этого никто не умеет.

Самые тяжёлые раненые не те, что кричат. Они тихо лежат, потому что уже нет сил, им все как будто безразлично. В дальнем углу коридора обнаружили такого солдата. Лицо бледно и безучастно, губы сухие, потрескались. Шина Дитерихса, стопа замотана грязной портянкой, повязка вся промокла от сукровицы. Пульс нитевидный. В карточке указано: "Осколочное ранение правого бедра с повреждением кости". Ранен 21-го, еще не оперирован.

- Болит нога, солдат?

- Н-н-е-т... уже не болит... отболела. Пить хотя бы дали... перед смертью напиться... квасу бы...

- В перевязочную.

Газовая. И, наверное, уже поздно. Иду дальше, смотрю, раскладываю марки для срочных и первоочередных перевязок.

Увы - их набирается несколько десятков, а я не прошёл ещё и половины нижнего этажа. "Брать только срочных".

Позвали в перевязочную: "Уже развязан, идите".

Смотрю: да, газовая настоящая, классическая, с гангреной.

Сделали высокую ампутацию бедра. Живой пока. Может, чудо? Бывают же чудеса. Нет, не бывает чудес.

На столах в перевязочной уже лежат обработанные раненые с талонами. Вещи их складывают на скамейку, шинели - на вешалку. Асептика - ниже всякой критики. А что делать? Раздевать до белья? Холодно и долго.

Обхожу ещё одну, другую, третью палату. Выбираю уже только срочных, "первую очередь" даю редко. Всё равно сегодня уже не успеть. Как шина Дитерихса, так на час стол занят. А если рассечение ран - то и на два.

С трудом пробираюсь между носилками, чтобы пощупать пульс, посмотреть ногу - нет ли газа.

Что делать? Что делать? Наши силы так ничтожно малы.

Но вот опять бегут из перевязочной:

- Николай Михайлович! Кровотечение, скорее!

Кровотечение! Именно этого я боялся все полгода войны. К этому готовился,читал про сосуды в книгах. Но еще в жизни не перевязал ни одной большой артерии - рисунки с ними молниеносно мелькают в голове.

Посреди перевязочной на столе сидит раненый, его держит под мышки, как ребенка, санитар Иван Иванович Игумнов. Вся голова в уродливой повязке, виден только один глаз, бинты грязные, промокли слюной и кровью, что течет из отверстия, где раньше был рот. Из-под бинтов по щеке стекает яркая алая кровь, почти струйкой, и капает частыми каплями на пол. Вокруг столпились сестры и врачи.

- Клади его, чего держишь!

- Не может лежать, захлебывается:

"Что я буду делать? Как подступиться?"

- Срезай повязки!

Тамара разрезает ножницами слипшиеся бинты, а я думаю, что делать. Дваспособа: зажать кровоточащий сосуд в ране или перевязать магистральную артерию вне раны, через особый разрез. Первый лучше, но - говорят авторитеты- трудно выполним. Второй - как на рисунке.

Повязка спала: Ужасно! На месте правой щеки сплошная грязная рана - от глаза до шеи. Видны кости - верхняя челюсть, отломок нижней, глубина раны заполнена кровавыми сгустками, из которых пробивается струйка артериальной крови. Правый глаз не закрывается, нижнее веко опущено, не имеет костной

опоры. Левый глаз заплыл отеком. Страшен, непереносим взгляд этого правого не закрывающегося глаза. Отчаяние, и мольба, и безнадежность уже. Стараюсь не смотреть в него. Что-то бормочу.

- Сейчас, дорогой, сейчас...

Где там найти артерию в ране, в этой каше из сгустков, костей, мышц. Нет, только на протяжении: на шее, наружную сонную артерию. Скорее! Сняли повязку и потекло сильнее. Надо положить, иначе я не справлюсь.

Положили на левый бок, голову еще повернули влево, так, чтобы кровь стекала, не заливалась в дыхательные пути.

- Йод! Перчатки! Новокаин! Бельё! Будет больно, ты, парень, потерпи. Сейчас всё сделаем.

Верхнее веко страшного глаза благодарно замигало, Обложился стерильной простыней, чтобы соблюсти минимальную чистоту. Темно, лампа светит тускло, дым. "За что мне такое наказание? Лучше бы воевать."

- Светите лучше! Добудьте ещё лампу! Скорее, черти, течёт...

Боюсь, что в любой момент может хлынуть, и тут же наступит конец.

Нащупал пульс на шее - на участке шеи, оставшемся от раны. Новокаин, разрез. Зажимы. Нужно, чтобы сухо, анатомично: не спешить: только не спешить. Как темно! Вот фасция: кивательная мышца: отодвинуть кнаружи: или вовнутрь? Так, кажется, на рисунке было? Да, вот сосудистый пучок. Ура! Тут рядом бьется артерия. Рассечь оболочки. Вот они лежат - артерия, вена, еще нерв позади должен быть.

Я уже почти успокоился, руки не дрожат больше. Подвёл лигатуру под наружную сонную артерию. Теперь можно переждать, посмотрим, что будет. Наложил мягкий зажим.

Тамара, убирай осторожно сгустки из раны.

Это тоже не просто, но убрали, промыли кипяченой водой. Обнажилась страшная зияющая рана. Дефект нижней челюсти, остатки зубов, пораненный язык, щеки нет совсем, верхняя челюсть разбита. Все это покрыто грязным налетом - инфекция. Но кровотечения нет. Перевязал артерию.

- Операция окончена. Не бойся, солдат, кровь больше не потечет.

Взгляд страшного глаза потеплел. Да, о глазе этом нужно подумать - наложить наводящий шов на угол раны, чтобы он закрывался, иначе высохнет роговица, потемнеет. Теперь напоить и накормить его.

Ввели через рану резиновый зонд в пищевод и через воронку налили гречневого супа с маслом, потом - почти литр чаю сладкого. Накормили парня - по завязку! На завтра отложили

шинирование - очень уж темно с лампами.

В одиннадцать часов вечера пришла вторая бригада, и мы продолжали работать вместе до двух ночи. Очень устали, но пришлось тащиться "домой", потому что в госпитале негде было приткнуться, во всех отапливаемых местах лежали раненые.

Так кончился наш первый день работы в Калуге. Мужик с ампутированной ногой был жив пока. Но очень слабая надежда.

11. 1942 г. Прогресс. Глухой гипс.

27 января мы сменили ночную бригаду в семь утра. Завтрака, конечно, ещё не было. Но Чеплюк энергично действовал и обещал накормить раненых к девяти. За ночь привезли еще сорок человек лежачих. Тихомиров сумел отопить ещё два класса второго этажа, и их туда сгрузили.

В десять утра в перевязочную явился Хаминов. Мне даже смотреть на него противно, не то чтобы говорить. Вид виноватый, обещал всё сделать.

Снова работали до двух часов ночи. Нет, не работали, а барахтались, пытались что-то организовать, пересортировать, но новые машины с замерзшими стонущими ранеными всё сметали:

Примитивно шинировал своего "челюстника". Снова накормили. Научил сестру Шуру Маташкову вводить зонд через рану.

Вечером пришёл обоз со всем имуществом. Аптеку ещё утром Хаминов привёз на машине: "Я из-за неё задержался." Вот подлец, пытался оправдываться!

За два дня удалось всех раненых поднять с пола - достали кровати, набили соломой матрацы, выдали подушки, одеяла, простыни. Однако раздеть не смогли - холодно. Очень жаль, потому что сразу завшивели постели. Теперь придется всё прожаривать, когда разденем.

Активизировались работы по отоплению. Все-таки начальник умеет руководить. Дал зарок не пить.

Кормим уже три раза в день, хотя блюдо одно. Со снабжением плохо - все тылы отстали. Начали восстанавливать кухню.

1 февраля включили отопление. Батареи чуть тёпленькие, но всё же "домны" погасли, дым исчез.

В сводках - сведения о взятых населённых пунктах. Раненые говорят: каждый дом приходится брать с боем.

Аркадий Алексеевич Бочаров пришел первый раз только 30-го.

- Нужно думать о гипсах. Лечить нужно, а не только возить.

Всё верно, но до гипсов ли, если у нас ещё есть раненые, ни разу не перевязанные с момента, как мы их приняли?

Идёт интенсивный ремонт операционной и перевязочной на втором этаже. Красят масляной краской и остекляют все рамы. Там будут серьезные операции на мозге. Для этого нам придали специалистов: невропатолога, глазника, ларинголога. И рентген. Я немножко завидую Залкинду.

4 февраля произошло "великое переселение народов" - полная пересортировка раненых по отделениям. "Наших" (с ранеными конечностями) снесли вниз, "грудь, живот и голова" - на второй и третий этажи. Не знаю, где будет легче: "Черепники" лежат без сознания или буйствуют - припадки, судороги, ругань. Впрочем, все ругаются, наши тоже. Удивляюсь, ещё мало ругаются.

5 февраля. Залкинд торжественно пригласил меня на открытие своей операционной и перевязочной. За старшую - Лида Денисенко.

6 февраля железнодорожники наладили прямое сообщение и в очередную летучку взяли лежачих раненых. Это очень хорошо, у нас ведь совсем забито - свыше семисот человек лежачих раненых!

Великий был аврал! На улице холод, нужно всех одеть, закутать, натянуть брюки на шины Дитерихса, подрезая штанины. У многих не оказалось тёплых вещей, их где-то добывали на складах - правда, "б-у", не новые.

7-го наложили первый глухой гипс на голень.

8 февраля дали электрический ток.

- Теперь с вас будет полный спрос! Водопровод, канализация, отопление, электричество, завтра-послезавтра передвижной рентген получите. Это Аркадий Алексеевич сказал, когда увидел наши лампочки.

Спрос спросом, а работа идёт по-прежнему тяжело. С восьми утра и до двух часов ночи мы непрерывно перевязываем, оперируем, теперь ещё и гипсуем - пока немного.

И эффект от всего этого небольшой. У каждого второго с "бедром" или "коленом" - высокая температура, и их уже нельзя отправлять. Их надо лечить.

Инфекция нас погубит. Раненые ослабленные и замученные, никакой сопротивляемости нет.

Газовой инфекции не очень много (если в процентах), но для нас - вполне достаточно. Каждый день привозят три-четыре случая. Ампутации уже не консультируем с Бочаровым - не хватило бы времени ни у него, ни у нас. Половина ампутантов умирают. И это ужасно.

12. 1942 г. ЦУГ- аппарат. Награда.

Три недели работаем, как проклятые. Каждый день с восьми утра до двух ночи. Если бы раньше сказали, не поверил бы, что можно выдержать. Сёстры - те вообще не знаю, спят ли? Ещё создали челюстное отделение. Теперь нам всем легче. Кстати, того парня, прооперированного в первый день, они шинировали по настоящему и он уже сам научился себе зонд вставлять. Отек спал, левый глаз открылся, он даже пытается что-то говорить, только понять трудно. Одна Шура Маташкова его понимает.

18 февраля испытывали новый ЦУГ- аппарат и наложили первый гипс на бедро. Ивана Ивановича придется целиком перевести на гипсование.

В нашем отделении около ста тяжелейших нетранспортабельных с переломами бедра, ранениями коленного сустава.

Уж эти коленные суставы: Бочаров (да и сам Юдин) утверждают, что глухой гипс с ними делает чудеса. Мол, если началось гнойное воспаление - артрит - достаточно вскрыть полость сустава, наложить гипс, и все будет в порядке. Мы уже сделали десяток таких операций, загипсовали, но желанных результатов пока не достигли.

23 февраля. День Красной Армии - наш военный праздник. Сводка хорошая, поздравления, приказы.

С утра наложили два высоких гипса. Иван Иванович уже сам накладывает, я только помогаю.

В одиннадцать часов в перевязочную заявилось начальство - комиссар ПЭП-а Хаминов, Медведев. Я в фартуке, руки в гипсе.

- Что-нибудь случилось?

- Товарищ военврач третьего ранга! Командование ПЭПа награждает вас именными часами за отличную работу во время зимнего наступления.

Вот уж никак не ожидал! Да за что? Что половина газовых умирает, что лежали иногда по три дня не перевязанные?

Я сказал: "Спасибо". Комиссар поправил, шутя:

- Служу Советскому Союзу, нужно говорить. Ну, мы пошли, работайте.

После этого все разглядывали новые часы.

Приятно. Если бы ещё раненые не умирали, да фронт двигался, совсем бы жить можно.

13. 1942 г. Попытка самоубийства.

В двенадцать в перевязочную привезли высокого парня, белокурого, широколицего, курносого. Фанерная шина на левом предплечье. Усадили. Развязали. Он морщился от боли и упрашивал делать осторожно.

- Насилу дождался госпиталя. Так болит, так болит...

Смотрю. Есть причина болеть. Слепое, осколочное ранение предплечья, с повреждением кости. Газовая. Несомненно. Но процесс ещё не пошел выше локтя. Значит, это пока не очень опасно. Разрезы должны помочь, а уж ампутация - наверняка спасет.

Расспросили: ветеринарный фельдшер, ранен два дня назад, обработку раны не сделали из-за перегрузки медсанбата. Потом эвакуация подвернулась, упросил. Надеялся - в госпитале свободнее. Но ехали почти сутки из-за заносов.

Подумалось: "Хороший парень". Температура на карточке - 39,7°!

- Сейчас сделаем тебе операцию. Не бойся - пока разрезы, не ампутацию. Тамара! Наркоз.

- Тамара за кровью уехала на станцию, сейчас Аня освободится.

Аня не очень опытна. Здесь нужно хорошо разделить мышцы предплечья. А что, если сделать проводниковую анестезию - новокаин в нервы плечевого сплетения? Полное обезболивание на час или больше, и никаких осложнений. Пробовал эту анестезию в Череповце пару раз. Хорошо получалось. Нужно её осваивать на войне.

- Зоя, будет проводниковая анестезия. Набери двухпроцентного новокаина в десятиграммовый шприц.

Усадил его, как полагается по методике, с оттянутой вниз и кзади рукой, повернул голову вправо и попросил санитара постоять около, зафиксировать положение. Шприц готов. Перчатки, йод, длинную иглу. Вколол её в надключичной ямке. Немножко новокаина, иглу глубже, дотянул поршень обратно - нет ни воздуха, ни крови: значит, ни в сосуд, ни в легкое не попал. Все три наши врача стоят вокруг, смотрят, как я это делаю - интересно - новая методика.

Ввожу два кубика, ещё раз проверяем на воздух и кровь. Подождал секунд двадцать.

- Ещё три кубика... нужно осторожно...

И вдруг вижу, парень начинает валиться. "Обморок, вот какой слабый..."

- Держите его!

Вынул иголку, подхватил уже совсем расслабленного. Лида - руку на пульс.

- Пульса нет!

- Кладите на стол скорее! Санитар!

Иван Иванович подбежал, схватит, как маленького, и положил на стол. Я тоже за пульс - нет! Дыхание - редкие отдельные вздохи.

- Кофеин! Искусственное дыхание! Да я сам:

Начал делать искусственное дыхание - руки за голову, на живот, снова за голову, на живот.

- Обнажайте вену в паховой области. Скорее, Лида, без асептики. Скорее, он же умирает!!

На секунду приник ухом к груди. Не слышу, ничего не слышу: Умер! А может просто такие слабые сокращения, что от волнения не слышу. Может?

В этот момент вошёл Бочаров. С ходу включился, быстро обнажил артерию на бедре, начали нагнетать кровь, одну ампулу, другую: Потом Бочаров послушал трубкой сердце и выпрямился.

- Прекратите. Он мёртв.

Все замерли. Стало совершенно тихо. Бочаров пошёл к двери, бросил на ходу:

- Потом расскажете: не сейчас.

Вот и всё. Лежит мертвый человек на столе, руки вяло свесились. Уже не нужно операции, не нужно анестезии.

Убил человека.

Но я же: хотел спасти. "Мало ли что, хотел. Под другим наркозом - был бы жив". Да, если бы не умер от газовой. "От такой ограниченной - не умер бы, ты знаешь". Знаю. "И вообще - каков твой актив? Раны заживают сами собой. Природа. А ты только суетишься около. Многих ли ты реально спас?"

- Я, наверное, выйду, пройдусь. Вы продолжайте перевязки.

"Нужно с этим кончать. Нельзя убивать людей. Защитников... нет, вообще людей".

Около стола - большая коробка с ампулами морфия. Она открыта, потому что часто используем. И шприцы в антисептическом растворе тут же. Заслонился спиной от всех, взял горсть ампул, сунул в карман, взял шприц. Боюсь, что кто-нибудь заметил. Хотя они все отводят от меня глаза, им неловко на меня смотреть, как на преступника.

Вышел в коридор, переобулся в валенки. Лида вышла за мной.

- Только не утешать!

- Ты что-то взял. Покажи!

- Ничего не брал. Отстань от меня.

Перепрятать ампулы. Суну их в валенок, там портянки, не провалятся. И шприц. Надеть шинель.

Вот она, оказывается, какая улица днём! Я, кажется, её не видел очень давно. На работу - темно, с работы - ночь, обедать - спустился в подвал, там окна заделаны фанерой выше роста.

Хватит умиляться!

Да, хватит! Зашёл в ближайший двор. Пусто. Снял валенок.

Всё-таки часть ампул провалилась за портянки и разбилась. Вытряхнуть стекла. Осталось: раз, два, три... всего восемь... Мало! Вернуться? Взять ещё? Боюсь, что уже и так Лида сейчас у начальника. Задержат. Введу эти: "Мало, не умрешь. Струсил! " Жалобно оправдываюсь: нет, - не струсил, но, видишь, невозможно больше достать. А откладывать - не смогу. "Вводи! " По крайней мере, хоть усну... Высплюсь.

Отламываю кончики у ампул одну за другой, набираю через иголку в шприц. Семь с половиной кубиков. Нет, не умру. "Обрадовался, жалкий трус!"

Укол. Ввел под кожу, желвак растер. Теперь скорее бежать домой, пока морфий не успел подействовать. Свалюсь дорогой... А так, дома - спит, мол, устал.

Вот наш дом. Хозяйка открыла, удивилась:

- Что-нибудь случилось, Николай Михайлович?

- Нет, ничего.

Действительно, ничего. Ничего пока не чувствую. Даже спать не хочется. Та же картина крутится перед глазами.

Снимаю валенки и ложусь, не раздеваясь.

Закрываю глаза. Снова крутится этот фильм. Ага, начинает мешаться... Уснуть, просто уснуть, не надо снов. Хватит мне всего этого, хватит!

А может, он не умер? Приснилось всё?

Нет. Всё правда. Умер. Спать, всё равно спать: Куда-то проваливаюсь.

Просыпаюсь - уже тёмные окна. В соседней комнате горит слабый свет. На кровати кто-то сидит.

Кто это?

- Это я, успокойся, я, Бочаров.

- А мне показалось... Простите.

- Молод ты, Никола, горяч. Это хорошо. Нет, не рассказывай, не говори. Всё уже рассказали. Не знаю, отчего умер. Только одно - бывает поразительная непереносимость новокаина. И смерти такие вот: ужасные: бывают у каждого хирурга. Ты должен быть готов к этому. И ещё будет, не спастись.

Он говорил тихо, как убаюкивал. Голова была тяжелая, но всё

ясно воспринималось. И так-то равнодушно, как чужое. Он рассказывал о всяких ужасных случаях. И у него были. Ни в одной профессии не бывает такой очевидной виноватости врача в смерти пациента, как у хирургов. Иногда - подряд несколько. Юдин говорил: "Не полосит" и уезжал на охоту.

- А мне сплошь "не полосит": Куда же деться?

- Ничего. Ты хорошо работаешь, поверь, я знаю. Просто ты вымотался. Нервы сдали. Нужно немножко побольше спать. На часок хотя бы.

Меня стало тошнить. Что-то обеспокоило Аркадия Алексеевича.

- Поедем ко мне: у меня переночуешь.

И увез к себе. На дрожках, они у крыльца ожидали. Зачем- то промывал мне желудок. Я давился от толстого зонда, не мог проглотить.

И я уснул на его кровати. Спокойно уснул, как праведник.

На следующее утро мы пошли с Бочаровым на вскрытие. Патологоанатом Туров был серьезен и аккуратен.

- На сосудах - артерии и вене - нет следов прокола, в кровь не попало. Плевра тоже цела. Значит, только повышенная чувствительность к новокаину. Но слишком уж быстро умер.

14. 1942 г. "Черепа". Резекция сустава.

Залкинд заболел, и я временно руковожу обоими отделениями. Приходится заниматься нейрохирургией, с которой был совершенно незнаком. Аркадий Алексеевич приходит каждый день, смотрит больных и даже оперирует. Я ассистировал ему три раза и теперь тоже "делаю черепа". Все раненые проходят рентген, их смотрит глазник и невропатолог. Здесь тоже есть свои проблемы, но мне они кажутся намного проще наших "бедер" и "коленок". Взгляд на "черепников" другой - повреждение мозга, человек без сознания, умер - значит, такое было тяжелое ранение, можно списать на войну. А у нас: подумаешь, в ногу ранен - почему бы ему умирать?

Военная нейрохирургия несложна. Однако трепанация черепа - это операция,делаем ее в операционной, со всеми правилам асептики. Помогает Лида Денисенко - отличная сестра. Она старшая здесь.

... ...

А в нашем отделении умирают.

Идет март месяц.

Да, у нас электричество и водопровод бесперебойно, да, рентген, да, лаборатория, лечебная гимнастика, физиотерапия. Вши - уже ЧП. Кормят отлично. Истории болезни с дневниками и эпикризом.

Всё это есть. А кризис нарастает. Поток раненых не только не ослаб, усилился. Хотя фронт, кажется, стоит.

Мы работаем планомерно и упорно.

"Коленки", инфекция коленного сустава - вот что мучает нас неимоверно. Установка юдинцев - при появлении гноя вскрыть сустав, наложить гипс - и порядок!

Черта с два! Раненый продолжает лихорадить, худеет, истощается, развивается тяжелейший сепсис через две-четыре недели. Если ногу не успеть ампутировать - смерть.

- Разве так можно, Аркадий Алексеевич?! Где же хваленый эффект? Нет этого эффекта. Миф!

Он молчит. Конечно, раненые тяжёлые, измученные холодами и бессонными ночами: Но нельзя же так, чтобы только третий ходил на своей раненой ноге!

Сказал ему, что буду искать свой метод. Он промолчал, он - мой авторитет, ничего не может предложить. Но в отделение к нам перестал ходить. Обиделся.

Надеяться не на кого.

Думаю, неотступно думаю о "коленках". Результат - я

придумал новую операцию - вариант экономной резекции коленного сустава с сохранением связок. Чтобы оставить надежду на сгибание. Пошёл к Турову в морг и прорепетировал на трупе.

22 марта сделал эту операцию.

Парень Саша Билибин, ранен в колено, развился гнойный артрит. Артротомия, глухой гипс, - никакого толку: сепсис угрожает жизни. Можно ещё ампутировать и спасти. Не хочет. Предложил попробовать новую операцию. "Надеюсь, но не уверен". "Да, давайте, Николай Михайлович! - Вдруг поможет, а? Очень жалко ногу."

Если этот Сашка умрёт, уйду из госпиталя. Куда угодно. Уйду в медсанбат или в полк.

Аркадий Алексеевич пришёл через два дня после операции. Сашка явно не умирает от операции, но температура высокая, радоваться рано. Конечно, я рассказал Аркаше все, что было за время его отсутствия. Он был смущён.

Потом сказал:

Ну, что же: Продолжайте.

Кончился март.

Сашка ещё продолжает температурить, гипс сильно промок, но состояние - "тьфу-тьфу" - вполне удовлетворительное. Ест хорошо - это главное.

Сделал ещё девять таких резекций. При одной из них стоял Бочаров - и всё одобрил.

Я уже торжествовал - проблема колена решена! Но вот, пожалуйста: смерть. Прооперировали очень слабого, и он умер в первую ночь. Не перенес. Значит, для таких - тяжело. Только ампутация может спасти.

А над старыми, загипсованными ранеными с "бедрами" и "коленками" сепсис висит страшной угрозой. Все лихорадят на грани сепсиса, а о том, чтобы ходили, как в кино Юдин показывал, не может быть и речи.

Ранения голени и плеча в глухом гипсе - дело другое, но они, возможно, и другими методами лечились бы хорошо.

Бесконечно спорим с Аркадием Алексеевичем на эту тему.

15. 1942 г. Смена власти. Диссертация.

Мы остановились на отдых. Пришел приказ эвакуировать всех транспортабельных и не загружать госпиталь. Думаем, что будет наступление.

За несколько дней отправили почти всю свою старую гвардию. У нас есть успехи - выздоравливающие после резекций суставов. Иные уже ходят в гипсах, а другие хоть ещё лихорадят, но невысоко. Вполне "надёжные" ребята.

"Бёдра"- переломы - хуже. Уверенности в них нет. Не поручусь, что останутся с ногами, если в тылу не найдутся более умные доктора, чем мы.

Ампутантов провожали из газовой палаты и других - после сепсиса. Многие уже ходят на костылях. Оделись в своё обмундирование, но штанины - подколоты булавками. Такие незнакомые стали.

Вывели вечером раненых в эвакоотделение - там они должны ожидать машины в полной готовности, на постелях, но уже одетые. И тихого мужчину, Семена С., двадцати девяти лет, с ампутированной из-за сепсиса ногой тоже вынесли. Он говорил сестре в палате: "Не поминай меня плохо, Люда". С врачом простился, благодарил за операцию. Только странно как-то прощался, как потом вспоминали. Вечером поздно, когда потушили свет, закрылся одеялом и полоснул себя ножом по горлу. Соседи по кровати услышали странное клокотание, не поняли сначала. Пока свет зажгли, пока кричали, вызывали врача - в перевязочную уже бесполезно было нести.

Письмо нашли от жены: ": Прости меня, не могу с безногим..."

Это мы виноваты, я виноват в такой смерти. Неужели нельзя спасти конечности раненым в бедро и колено, кроме тех, что с газовой?

Просто мы не умеем. И не нужно прятаться за авторитеты, нужно думать самому.

... ...

"В последний час": "Три дня назад наши войска прорвали оборону в районе Волчанска и Краснограда. Продвинулись от 20 до 50 километров. Действуют массы танков, большие трофеи."

... ...

Подвел итоги зимней боевой операции.

18 июня была научная конференция врачей ПЭПа, и мне поручили доклад о лечении ранений коленного сустава. Программный доклад! Первый научный доклад в моей жизни, если не считать Череповца. Были представлены все данные -

статистика, графики, рентгенограммы, рисунки моей операции. Говорил два часа, горячо говорил, и... не уложился. Но выдержали все, не разбежались. Потом были прения, и мне изрядно всыпали. Больше всего попало за незнание авторитетов.

А Бочаров сказал:

- Надо мне было с вами прорепетировать. А то уж очень долго, едва с трибуны стянул.

... ...

Дополнение: дело о вступлении в партию.

В повести о ППГ это вычеркнули. Да-да, я сделал попытку вступить в "ряды ВКП(б)". Когда зимой погнали немцев и даже забрезжила победа, я зауважал партию. Это-таки сила, если из такого положения сумела повернуть вспять. Даже и Сталину можно простить. Кто не грешен?

Комиссар Медведев с восторгом принял мою инициативу и быстро провел через ячейку. После этого раза два меня приглашали на собрания. Потом, слышу, объявлено, а мне - не говорят. Я - жду... Так и прошло несколько месяцев. Сижу, не напоминаю - зачем проявлять нетерпение? Если они - Партия - передумали, значит, и я без них обойдусь.

Но в мае месяце Медведев пригласил. Объяснил задержку - не утвердили в высших инстанциях, потому что поручители должны знать новенького шесть месяцев, если часть стоит в тылу, как мы стоим с осени. Теперь время уже пришло. Мне следовало снова подать заявление.

Я отказался: "Передумал". Действительно, так и было. Восторг от победы прошёл, фронт остановился. Плюс к этому узнал, что Особый отдел шпионит за ранеными. Снова вспомнил грехи коммунистов и вождя. "Пошли вы к черту". И даже, дальше.

Так и остался в беспартийных на всю жизнь.

... ...

ППГ-2266 лихорадит. Комиссара и Тихомирова снимают, отправляют в резерв фронта. Начальника отдали под суд. Перед отъездом Медведев зашёл ко мне.

Ну, будь здоров, Николай Михайлович! Если что не так было, извини. Только о деле беспокоился. Выполню свой долг перед родиной.

Я твердо знаю - выполнит.

Начальника судили военным судом, хотя не арестовывали. Обвинили в растрате, вспомнили и пьянство во время переезда в Калугу. Приговор был суровый - десять лет. Но потом заменили отправкой в полк.

Заходил к нему незадолго до суда. Единственный раз был на квартире. Связь ослабела ещё после переезда в Егорьевск, а в

Калуге совсем порвалась

Хаминов уезжал на вокзал вечером. Пьяный, со слезами лез ко всем целоваться. С трудом забрался в пролётку, а там вдруг выпрямился и снова стал важным и значительным, каким мы его знали в походе.

Лиза и Тамара уехали в Череповец, домой. Комиссовали по болезни. Зоя выходит замуж за какого-то командира и уезжает к нему в часть. Интенданты сменились. Повозочные - раньше всех. Скоро останемся только Чеплюк, Канский, я, Лидия Яковлевна, да, пожалуй, Белозерские лошади.

В начале марта к нам пришло пополнение - много новых сестёр из Москвы, сразу после курсов. Особенно отличились Катя Яковлева, Аня Сучкова, Тася Тарасенко.

И аптекарша новая - Фурсова, Зиночка. Москвичка, нам нравится.

И, самое главное, начальство новое. Комиссар, майор Казаков. Высокий, плотный, лет сорока пяти. Раньше был политруком. Будет налегать на дисциплину, на занятия и всякую военную формалистику.

С новым начальником дело проще: мягкий, интеллигентный. Военврач 2-го ранга Леонов - прекрасный глазник, москвич. Должностью тяготится.

Ещё у нас новый начальник АХЧ - вместо Тихомирова. Молодой техник-строитель Мокеев.

Итак, ППГ-2266 вступил во второй год войны в новом составе.

… … …

Я чувствую, что вчерне мы сладили с коленными суставами. На очереди - "бедро". Ампутация среди тех, кого мы лечили гипсами зимой и весной, - двенадцать процентов, смертность - восемь процентов.

По этому поводу и состоялся разговор с Бочаровым. Сказал ему:

- Гипс - это миф. Годится только для транспорта. Нужно лечить вытяжением, как в мирное время, если раненый всё равно нетранспортабелен.

Бочаров сердился. Ссылался на Юдина. Долго спорили, но я получил разрешение попробовать лечить переломы бедра вытяжением.

Приготовились - достали шины, спицы, дрели, скобы. Я знаю, как лечить, был пару месяцев в травматологии. Механика эта нехитрая - вытяжения. Случай представился скоро.

В июле привезли несколько человек с высокими переломами бедра, очень тяжёлые. По старым представлениям не миновать ампутации, а то и умереть можно. Мы наладили пятерым

скелетное вытяжение.

Через пять-семь дней раненые были неузнаваемы. Температура снизилась, самочувствие стало просто хорошим, хотя раны гноились.

Аркадий Алексеевич все внимательно просмотрел и сказал:

- Да. Убедительно. Но пока - мало. Продолжайте.

Я торжествовал. Нет, я ликовал!

Не потому, что я придумал новое. Всё это давно известно.

Просто я почувствовал, что теперь можем лечить "бёдра", раненые не будут больше умирать.

Наконец, пришла зрелость в лечении ранений конечностей. Теперь мы готовы к наступлению.

Но наступления не было Хуже того, на юге наши войска отступали. Немцы подошли к Воронежу, форсировали Дон и двигались к Волге и на Кавказ.

Комиссар приказал собрать всех командиров: читали приказ Сталина. Приказ № 227.

Ничего подобного мы не слышали. Текст забыл, но суть вот в чем: "Ни шагу назад!" Введены штрафные батальоны и заградительные отряды.

Всё правильно, так и надо.

... ...

18 августа начался поток раненых.

У нас было всё готово. Мы не боялись никакой работы.

В сводках что-то скупо сообщалось о сражениях под Ржевом.

Раненых - масса. 19 августа в Калугу пришло девятнадцать летучек, свыше четырех тысяч раненых, к нам в госпиталь - больше четырёхсот.

Но мы работали, как часы. Всех раненых мыли, переодевали в чистое, все лежали на матрацах с простынями, три раза в день горячая пища. Всех перевязывали и оперировали в день поступления. И работали только до полуночи. Примерно половину раненых эвакуировали в гипсах.

Народ не тот, что зимой. Солдаты отдохнули, медсанбаты и ППГ подучились, транспорта прибавилось. Заносов не было, машины ходили быстро, летучки подавали регулярно.

Так продолжалось дней десять. А о продвижении фронта - ничего.

К концу массового наступления раненых в отделении было почти триста человек: на вытяжении, в высоких гипсовых повязках, человек пятнадцать ампутантов. Всех кого могли - отправили. Осталось человек сто раненых. Мы знаем, как их лечить. Для "коленок"- резекции, для "бедер" - вытяжение, потом гипс.

... ...

В Москве проходила фронтовая конференция хирургов, Бочаров взял и меня с собой. Доклады не интересные, но зато мы побывали в институте Склифосовского и даже дома у самого Сергея Сергеевича Юдина! Попили чаю, он подарил мне книгу и написал: "Доктору Н. М. Амосову, с приветом. Юдин".

Видел целый ряд раненых в бедро, все в гипсах. Внушительно, но не убедили, потому что все раненые подолгу лихорадили.

Аркадия Алексеевича назначили главным хирургом 5-й армии.

- Хочу поработать в войсковом районе, Никола. От них, от медсанбата зависит всё дальнейшее.

- Меня возьмите...

- Уже пробовал - не удаётся.

Очень жаль. Я люблю его, как старшего брата, который всегда готов подумать вместе, погоревать и порадоваться, дать совет. Разумеется, он передал нам опыт института Склифосовского, Юдина. Главное - он разрешал дерзать. Зачем анализировать? Просто жалко расставаться.

Решил написать диссертацию. Чем я хуже других? Не стал бы об этом думать, если бы немцев не остановили. Но, похоже, они накрепко завязли в Сталинграде и не могут перелезть за Волгу. "Теперь подходит наша очередь". Так говорят ребята в комсоставской палате.

Вот только не знаю, как писать. Ни одной диссертации не видел и некого теперь спросить. Тема: "коленки", то есть "Хирургическое лечение эмпием коленного сустава после ранений". Есть своя методика операции. Нашел переплетенную конторскую книгу страниц на двести. Писал в перевязочной каждый день, всё свободное время.

23 ноября.

Победа! Грандиозное наступление наших под Сталинградом. Ударили с севера и юга, прорвали оборону, гонят немцев, соединились, окружили. Такого ещё не было: окружено свыше 300 тысяч немцев.

16. 1943 г. На фронт.

Пришел приказ - свернуть ППГ-2266, ввести в штатные нормативы и приготовить к отправке на фронт.

Снова новый начальник. Военврач 3-го ранга Сафонов. Вот он - высок, толст, лицо бесформенное. Кадровый, но ни малейшего военного лоска.

Зато у нас есть майор, наш комиссар.

Канский - с нами. И Быкова, Любовь Владимировна, и Лида Денисенко, и Маша Полетова и Зиночка.

Дали машину - ЗИС-5. Конную тягу тоже сохранили, 22 повозки.

Наши войска на юге наступают, настроение у всех отличное!

Встретили Новый год. Третий военный год. Устроили вечеринку с патефоном для медицинского и командного состава.

Ездил в Москву, сдал кандидатские экзамены и представил диссертацию к защите. Звучит... а? "Представил к защите!" Да, да, в 1-й Московский Медицинский Институт, не куда-нибудь. Секретарь поморщилась, увидев мою конторскую книгу, исписанную фиолетовыми чернилами. "Я ещё не видела такой диссертации. Неужели нельзя на машинке? " Упросил: "С фронта!" В Москве слышал по радио - наши прорвали блокаду Ленинграда.

... ...

ППГ-2266 снова едет на фронт в воинском эшелоне. Назначение неизвестно. Сутками стоим на разрушенных замерзших станциях, с взорванными водонапорными башнями и сожжёнными вокзалами. Где-нибудь в землянке или в старом вагоне сидит небритый телеграфист, к которому бегаем узнавать сводку.

Только сводки и радуют душу!

О завершении Сталинградской битвы мы узнали морозным утром, когда остановились в поле перед Ельцом. Рядом по шоссейной дороге ехали машины. Одна остановилась, из кабины выглянул молоденький командир и прокричал:

- Под Сталинградом порядок! Немцы разгромлены! Паулюс в плену!

Все закричали:

- Ура! Ура!

Утром 6 февраля, наконец, остановились. Станция Русский Брод.

- Выгружаться!

Мороз двадцать градусов. Прямо на земле вдоль путей разложено добро - ящики со снарядами, бочки с селедкой и

солониной, насыпанные горы пшеницы.Население эвакуировано перед боями. В отдалении видно зенитки.

С полчаса толкали наши вагоны, пока нашли местечко, где выгрузиться. Прибежал комендант.

- Сбрасывайте, сбрасывайте как попало! Потом разберётесь, пути нужны!

Все дружно взялись и быстро выгрузились.

На санитарной машине подъехал командир в белом полушубке, представился:

- Начальник армейского ПЭПа Хитеев. Наступление началось. Потери большие. Слушайте приказ: Сегодня же развернуться в селе Покровское и принять раненых. Сегодня же! Всё. Выполняйте. Сел в кабину и уехал.

Скоро приехали из санотдела четыре санитарные полуторки с капитаном.

Складывайте всё быстро! Я повезу вас в только что освобожденную деревню, надо сменить медсанбат.

Бросали в машины, что поближе лежало, забрались наверх сестры и врачи, поехали. Капитан успокоил:

- Всего восемнадцать километров. Мигом домчим - и обратно. Всё заберем.

Мигом не домчались, потому что дороги товарищ не знал. Начало смеркаться, когда подъехали к назначенному пункту - в село Покровское.

Тут мы увидели передовую. Нет, тыл, конечно, но - дивизии. Передовая для солдата - это его окопчик. Для госпиталя - пятнадцать километров от него. Такова психология.

Пулеметные очереди слышны отчетливо, но дело не в этом. Покровское полностью сожжено немцами, остались полуразрушенная церковь и школа. В них ютился медсанбат, мы видели, как подходят машины с ранеными, их выгружают и ставят носилки прямо на снег.

Затурканный начальник медсанбата сказал, что километрах в трёх есть деревня Угольная, сплошь забитая ранеными их дивизии, и что они лежат там совсем без помощи. Указал нам дорогу.

Да, вот она - настоящая медицинская война!

17. 1943 г. Угольная - начало.

Подъезжаем к Угольной уже при луне. Видны домишки между голых огромных деревьев. Много разрушенных, остались лишь печки, припорошенные снегом, и чёрные трубы. Окоченели совершенно - целый день на таком морозе. Одеты обычно, как в Калуге: гимнастерка и шинель.

Машины стали у крайних домов. Холодно, накурено и тесно. На полу, на лавках, на печке лежат раненые в следующих домах - то же самое. Вся деревня забита ранеными, свезенными сюда прямо из полков.

Около полупустой хаты выгрузились. Улеглись прямо на полу, без еды. Было одиннадцать часов вечера.

... ...

Встал, когда чуть обозначилось серое окно. Растолкал начальника АХЧ, и пошли на разведку.

В деревне домов сто, разбросанных в радиусе полутора-двух километров. Третья часть разрушены, или сожжены. Между домами - окопы, наполовину засыпанные снегом - передний край нашей обороны. В центре деревни есть школа, но от неё остались только стены и крыша.

Почти все надворные постройки в домах уже разобраны на топливо. Домов пригодных для жилья, нет. Большая часть занята ранеными.

Но новых раненых нужно принимать, и наше первое дело - развернуть перевязочную. Наконец нашли избу: довольно большая комната и рядом, за печкой, закуток. Канский установил в сенцах автоклав, и часам к трём перевязочная на два стола была готова.

К полудню уже приняли раненых. Приняли - это значит, что старшие и младшие сестры обошли "свои" территории и сосчитали "по головам". Триста двадцать человек в двадцати восьми хатах. Прежде всего, их нужно кормить. Чеплюк установил котёл, разобрал сарай и сварил кашу, но как её раздать? Посуда была ещё на станции. Начали разносить в котелках, вёдрах.

Как здесь не хватало людей! В Калуге мы мобилизовали дружинниц, а здесьнаселение было эвакуировано. Санитаров у нас всего восемнадцать - половинаещё не пришли с обозом, другие заняты на заготовке дров.

К полудню поднялась метель и замела просёлок, который сворачивал к Угольной с наезженного большака. Машина уже не прошла, только лошади. Обозники долго искали дорогу и подошли только ночью.

До темноты я сумел заглянуть в соседние с перевязочной дома - картина была невесёлая. Многих раненых нужно было оперировать - они лежали в первичных повязках, с полковых пунктов.

В первый день мы оперировали четверых. Мне попался раненый в грудь. Рана слева на груди, обширная - снесено пять ребер, зияют серые дышащие легкие. Пришлось произвести операцию ушивания пневмоторакса. Наложили тугую повязку, отнесли в соседнюю хату, положили на печку. Надежды почти никакой.

У других трёх раненых были повреждения сосудов с омертвлением конечностей, и им сделали ампутации - два плеча и одна голень.

В полночь работу закончили, потому что дальше упорствовать было бессмысленно - в темноте выбрать раненых, нуждающихся срочных операциях, невозможно.

Все врачи и перевязочные сёстры улеглись прямо на полу в закутке. Было очень холодно.

С самого утра начали поступать новые раненые. Тяжёлых везли на лошадях прямо из полков, а ходячие шли пешком. Я пытался организовать что-то вроде сортировки - освободили одну большую избу. Но... через час "сортировка" была полна.

Важнейшая задача - перевязочная. Ни одного подходящего дома. Нужна большая палатка, с бочкой вместо печки. С трудом натянули её: колья не шли в замерзшую землю, пришлось вмораживать в лед. Это требовало времени. Только к полудню растопили печь и развернули семь столов.

Часов в одиннадцать вечера работа замерла, и вся Угольная погрузилась во мрак. Сестрам и санитарам вменено навещать свои хаты.

9 февраля наша бригада работала в перевязочной. Начальник организовал перевозку к перевязочной на санях. Здесь санитар Бессонов с помощником разгружали и ставили носилки на пол у входа. Дальше раздевали. Стаскивали шинель, ватник, валенки и раненого клали на стол. Тут снимали лишь часть одежды, где нужно оперировать. Но Лида Денисенко стояла у инструментального стола в стерильном халате, как положено.

К вечеру подсчитали - сорок человек, из них четыре ампутации.

Кроме перевязочной, организовали "летучку". Это Лидия Яковлевна с Машей и с санитаром, нагруженные стерильным материалом, шинамии бинтами, ходили из дома в дом и перевязывали раненых на месте. Хотелось хоть чем-нибудь помочь тем, кто дожидается очереди в перевязочную.

Хозяйственники уже сумели обеспечить водой, три раза готовили горячее, в каждый дом завезли немного дров. Печь топили сами раненые. Страшно, вдруг где-нибудь вспыхнет пожар. Но другого выхода не было, один санитар на три-пять домов. Конечно, он дежурил бессменно и спал с ранеными. Только палатные сёстры имели одну небольшую хату для сна.

18. 1943 г. Угольная - продолжение.

10 февраля - мой день работы в "палатах" и руководства "летучкой".

Я выбрался на обход только часов в десять - пока утрясались всякие неполадки с питанием и размещением вновь прибывших.

Вхожу в хату прямо с улицы, так как сени разрушены. Клубы морозного воздуха, полумрак после яркого дня. Окрик:

- Двери закрывай!

Закрываю. Рассеивается туман, привыкают глаза. Оконце маленькое, наполовину закрыто снаружи соломой для тепла. Народ настроен сердито, но быстро смягчаются, когда поговоришь, Просят перевязки, эвакуации и уж потом - еды.

Смотрю каждого: проверяю карточку, сыворотку, обработку раны, повязку, ощупываю ткани - нет ли отёка или газа. Сестра измеряет температуру, поправляет повязки.

Не успел обойти и трёх хат (выбрал человек восемь для больших перевязок и операций), как прибегает Бессоныч.

Николай Михайлович! Начальство требует.

Оказывается, приехал главный хирург армии Лысак. Ругается:

- Что вы тут устроили! Разве это госпиталь! Почему нет сортировки ?! Что это за перевязки по хатам?! Почему раненые лежат на полу? Почему в шинелях в перевязочной? !

По-честному, он прав. Только, по-честному же, я не вижу возможности что-то быстро исправить.

Обговорили обстановку. Постановили: открыть два отделения: 1-е для приема и ходячих, 2-е - для лежачих. Мне досталось первое.

Ох, как медленно всё делается! Нам по "конвенции" отошло двадцать пять домиков, тридцать пять - второму отделению. Выделили одну лошадь для перевозки тяжёлых раненых.

13 февраля мы закончили сортировку и отделились совсем.

Теперь есть некоторый порядок: всех прибывающих раненых принимаем в большую палатку, записываем в книгу поступлений. Я или Лидия Яковлевна смотрим их. Лежачих, а также череп, грудь, живот - отправляем во второе отделение без перевязки, других, полегче, перевязываем и даже раны рассекаем. Ещё кормим и горячим чаем поим, Быкова всё устроила. Бочка - отличная вещь, можно какую угодно температуру нагнать. Только у стен холодно.

К 15 февраля в госпитале было восемьсот раненых. На скорую руку восстановили школу. Больше расширяться некуда.

После 16 февраля поступления раненых сократились. Армия

продвигается, - везти далеко, дорога к нам только санная, машины не проходят. Лежачих почти совсем перестали привозить. Но ходячих приходило много. Правда, мы научились с ними управляться: принимали в сортировочной, кормили, перевязывали, даже оперировали некоторых, и оставляли ночевать. Утром к ним присоединяли своих из хат, кто уже мог ходить, давали сухой паёк на сутки и отправляли на Русский Брод, в ЭП. Так каждое утро собирается около сортировки команда "пилигримов". Хромые, у некоторых руки в шинах, завязанные головы, иногда вместо сапог опорки или разрезанные и перевязанные бинтами валенки. Вытягиваются длинной цепочкой и идут. Восемнадцать километров - не малый путь. Правда, через три километра, на большаке многим удается пристроиться на попутные машины.

Самое главное в госпитале - преодолеть кризис рабочей силы. Для этого существует команда выздоравливающих, а попросту - легкораненых. Она уже достигла пятидесяти человек, хотя и неумело работают, но стараются.

В госпитале - шестьсот раненых.

Все хаты забиты. Мы пока не можем наладить госпитального режима. Но самой острой оставалась проблема эвакуации. Ходячие уходили, а вот лежачие превращались в ходячих очень медленно. Машины к нам не ходят. До большака всего три километра, но непреодолимых.

Выход придумал начальник. Предложил поставить на большаке палатку с сестрой и подвозить туда раненых, для эвакуации, чтобы грузить на проходящие с передовой порожние машины. По мере освобождения палатки подвозить новых. Преодолеть три километра мы можем на своих санях. Машины останавливает бравый сержант из выздоравливающих с повязкой и автоматом. Так мы отправляем до полусотни раненых в день.

19. 1943 г. Один.

Залкинд заболел и мне пришлось его заменять. Сделал обход его отделения: положение трудное.

Правда, вид "палат" изменился в лучшую сторону по сравнению с первыми днями. Нары, одеяла, подушки. Но пока в своем обмундировании. Отделены грудь, живот, "черепники", газовые. Остальные хаты - конечности: бедра, суставы и тяжёлые ранения голени. Всего около двухсот человек, двадцать две хаты. Есть вши. Нужно бы всех продезинфицировать вымыть, перевязать и перевести в новые палаты. А они были такие тяжёлые, что даже страшно подумать о такой перетряске. И... я не решился на это.

Особенно тяжелы септические - с ранениями в конечности. Тактика ясна - нужно делать ампутации. Вернуться к пироговским временам. Многие столь плохи, что и усечение конечности для них могло стать смертельным. Но делать нечего, надо использовать последний шанс.

Раненые встречают мой обход настороженно. Те, что выздоравливают, смотрят с сомнением, слабые - с надеждой.

До обеда я обошёл всех. Часть "спокойных" перевязок сделали во время обхода. После двух часов начали оперировать. На сегодня выбрано шесть наиболее тяжелых раненых - в бедра и суставы. Четырём пришлось ампутироватьбедра. Сделал одну резекцию коленного сустава, наложил гипс.

В таком же темпе мы работали ещё два дня.

1-го марта начальник получил приказ: "Передислоцироваться своим транспортом в деревню Кубань. Развернуться 2 марта. Раненых эвакуировать в Русский Брод". Я вспыхнул:

- Пошлите их к черту! - На чём возить? Масса не транспортабельных.

- Да, их пошлёшь, как же.

Приказ выполнить не пришлось. На следующий день разразилась страшная метель, дорогу замело совершенно. Получили сигнал со "стрелки", что машины по большаку не ходят, целые колонны стоят на дорогах, заметённые снегом.

Только на пятый день движение стало оживать. "Студебеккеры" пробили дорогу к большаку и мы приступили к эвакуации более тяжёлых раненых. Каждое утро снаряжаем обоз из десятка саней, набиваем соломой, укладываем в спальные мешки, в одеяла. Посылаем сестру с сумкой сопровождать. Поехала наша тяжелая артиллерия!

Больного начальника отделения Залкинда отправили в санотдел армии. Не выдержал нагрузки.

8-го утром получили новый приказ: "Передислоцироваться в деревню Кубань,развернуться и 9-го принять раненых". Опять "своим транспортом". А крепкихлошадей осталось только семь, другие еле двигаются.

С помощью запасного полка, и через "стрелку", мы вывезли двести раненых. Осталось ещё около ста, но только восемнадцать - совершенно нетранспортабельных. Их поможет отправить запасный полк - он приходит на наше место. Если они будут живы.

10 марта началось "передислокация"(!). Отличное морозное утро. У штаба выстроилась колонна - пешая команда и четверо саней, запряженных клячами, на которые погружен наш "первый эшелон" - имущество для срочного развёртывания. Все сёстры и санитары, кого можно высвободить от раненых, снарядились идти пешком. Вещмешок, сухой паек на два дня - и с Богом! Майор, Быкова, я, Чеплюк и ещё трое человек из команды должны выехать завтра утром на машине - в неё мы нагрузили кухню и продукты. Погода такая, что снабжение может прерваться в любой момент. Без перевязок можно прожить, без еды - никак.

- Ну, воинство, трогай!

Пошли медленно - глубокий снег нанесло за ночь. Майор смеётся:

- Как в Арктику отправляем!

Следующим утром выехали на машине и мы. До деревни Кубань добирались два дня.

В Угольной оставили в блиндаже замёрзшие трупы и ампутированные конечности. Жутко было туда зайти.

20. 1943 г. Вперед на запад.

Весну и лето опишу кратко.

Итак, деревня Кубань. Март - апрель 1943-го. До передовой пять километров, но фронт стоит. Слышна редкая артиллерийская канонада. Непролазная грязь: застревают даже студебеккеры.

Приняли от медсанбата около тридцати оперированных раненых. Эвакуировать их не смогли из-за бездорожья. "Грудники", " животы", после шока. Свежие ранения - редки. Сделал несколько интересных операций.

Главная проблема - ранения груди. Закрытый пневмоторакс: выхождение воздуха в полость плевры, накопление крови. Лечение - проколы, отсасывать кровь. Открытые пневмотораксы: зияющие раны груди с обнаженными легкими - дыхательная недостаточность - нагноения - сепсис - смерть. Методики медсанбатов зашить рану и скорее отправить несовершенны: в госпиталях швы прорезаются, пневмоторакс открывается - нагноение - смерть.

Разработал свою операцию - зашивать рану легкого и грудной стенки. Попробовал на случайном раненом - хорошо, но сложно и страшно.

Провел курс военной хирургии для сестер: "Кубанский университет".

… … …

Оставлены Харьков и Белгород. Неужели снова позор?

Зато родной Западный фронт перешёл в наступление, освободили Ржев, Гжатск и Вязьму. У Бочарова была работа.

Введено слово "офицер", погоны и новая форма Всё - от царя. Медики приравнены по званиям к строевым. Теперь у нас тоже будут лейтенанты, майоры, полковники, генералы. С добавкой: "медицинской службы".

"Положил глаз" на Лиду Денисенко. Платонически.

… … …

С 20 апреля месяц был на курсах в Ельце. Тяжёлые бомбёжки. Проверил себя - могу не прятаться. Возвратился в госпиталь на новое место самолетом. Очень понравилось.

Разрушенная деревня Ворово. Раненых получили не много - фронт в обороне. Работали хорошо. Прооперировал тяжелейшую аневризму подключичной артерии. Было очень страшно: порвется - не спасти.

5 июля началась битва на Курской дуге. Нам достался только фланг. Немцев удержали, раненые бодрые, хирургия успешная.

Нетранспортабельных эвакуировали санавиацией. Остальных передали в соседний ППГ.

… … …

25 июля - деревня Каменка. Недолгая напряжённая работа. Стандартное развертывание в палатках и хатах. Вполне справлялись, но без хирургической экзотики. Не гипсовали, начальство торопило. Говорили - "Вперёд"! Приняли 1700 человек. Умерло - 16. Для эвакуации лёгких ловили порожняк на большаке. Тяжёлых отправляли самолётом, отличная вещь!

Особенность: тучи мух и черви-личинки очень пугали раненых, хотя - безвредны. Жил в шикарном немецком блиндаже. Прислали (в туфельках! Прямо из Баку) - новую докторшу - Анну Васильевну Малахову.

13 - 20-го августа постояли в посёлке Лубашево и поехали - 70 км!- в деревню "пьяный Олешок." Пьяный - потому что вся деревня пила - праздновали возвращение партизан. Были ссоры и драки: сводили счёты после оккупации.

Работа небольшая, эвакуация колоннами порожняка - студебеккеры возвращались после доставки снарядов на передовую. Теперь им начальство приказывало забирать раненых без возражений. Отдыхаем.

Присвоили звания: Лидия Яковлевна - капитан, я - майор.

У нас - новость:

Майор влюбился в Тасю. Все подтрунивают исподтишка. Как Тася поглядит на какого-нибудь офицера или на неё кто-нибудь взглянёт - всё: строгости, проверки, отбои. Сам майор в любое время ночи может проверить дежурного. Поговорит Тася ласково с майором - он расцветает, строгости смягчаются.

Девчонки просят:

- Таська! Ну, смягчись. Чуть-чуть, хотя бы на недельку, пока раненых нет. А там, как поток пойдет, отшивай его, сколько хочешь.

Но Тасе не нравится майор, хотя она от природы кокетка и ей льстит поклонение. Разве что чуть-чуть пофлиртует, для пользы общества.

В Угольной было не до романов. В Ворове, пока фронт стоял, яблони цвели да пели соловьи, всё изменилось. Стали приезжать на машинах офицеры и сержанты из частей: свидания, прогулки по вечерам после отбоя. Любовь. Даже на войне, среди смертей.

Был такой термин "ППЖ - Полевая Подвижная Жена". Это когда живут вместе, как муж с женой, но брак не оформляют, поскольку муж уже женат. Или не хочет. В нашем госпитале таких не было. То есть романы были, но на уровне "случайных связей" и всегда с офицерами извне. Наши мужчины не котировались. За

всю войну только трое уехали по беременности от "чужих". Это мало. До сотни девушек прошло через госпиталь, с учетом Калуги. Так что разговоры о развратности фронтовичек, скажем, "сильно преувеличены".

Один раз за всю войну мне пришлось делать аборт операционной сестре: не хотела уезжать да и жалко было отпускать - работник отличный. Сроки былипропущены, справился плохо, скоблил, скоблил, а малюсенький плод на следующий день отошёл. Но задачу выполнил. До конца войны служила.

После Олешка переехали в местечко Семеновка - в Украину.

Старая земская больница, всё есть - три корпуса, баня, кухня, прачечная.У немцев тоже был госпиталь, оставили деревянные кровати. Торопились.

Из ближайшего медсанбата перевезли триста раненых, а потом и дальше пошло. Но развернуться успели, и поэтому не было никаких проблем.

Поток раненых прошумел и стих в несколько дней. Фронт подвинулся, возить далеко - санотдел выбросил вперёд новый госпиталь.

Эвакуировать опять не на чем, нет санитарных машин. Но уже укоренилась новая практика, заезжают автоколонны и забирают раненых.

7 октября переезжаем: Прощай, Семеновка! Хорошо поработали, подлечили чуть не две тысячи раненых.

… … …

Поехали на запад. Без спешки, подолгу стоим, ожидаем обоз.

Сухая осень, тепло. Поля, перелески. Белоруссия. Следов боёв мало, видно, что немцы отступали быстро. Но деревни сожгли недавно, при отступлении, каждая вторая. Живут в землянках. Наружу торчат трубы.

Деревни бедные. Люди картошку собирают, молотят во дворах рожь с частных делянок, с огородов. Голодная зима предстоит. Местами пашут. На коровах, на жалких клячах, женщины сами впрягаются в плуг. Хотят посеять немного озимых.

- Где народ? Почему деревня пустая?

- И-где? Вакуировались некоторые. Девок немец угнал. Мужики служить пошли. Из лесу вернулись - и служить. Померли тоже много… особенно ребятишки. Вот и весь народ. Да и тем, что остались, чем кормиться, где жить? В самом деле, как будут жить люди? Чем дальше продвигаемся по Белоруссии, тем больше пепелищ и свежие, и старые - это за партизан. Непросто давалась партизанская война. Смелый налет, диверсия - ответные репрессии - сожжённые села, расстрелянные жители. Трудно

сказать, какой баланс жизней.

Когда видишь этих женщин и детишек в лохмотьях, копающихся на пепелищах, смотрящих голодными глазами, в груди глухо поднимается ненависть к немцам.

Мы едем к Гомелю. В дороге сказали: "Возьмут Гомель - там работать будете". Все довольны, города давно не видали, с Калуги.

Но остановились в двенадцати километрах от Гомеля, в деревне Ларищево. Фронт стоит.

Госпиталь отдыхает. Ребята ходят на речку Ипуть, глушить рыбу, ухой потчуют. Я же частенько заглядываю в гости к своим перевязочным сёстрам. Даже слишком часто. С Лидой гулять ходим.

Да, кто-то получил известие о Хаминове - он прибыл в полк в самый разгар боев летом 42-го, отличился при эвакуации раненых, был помилован, потом попал под Сталинград и там погиб. Пожалели.

21. 1943 г. Хоробичи-1.

На новое место приехали 4 ноября под вечер. Село Хоробичи - четыреста пятьдесят домов, почти совсем целое. Рядом - станция через которую снабжается наша армия, южнее Гомеля.

Будем работать в ГБА - Госпитальной Базе Армии. Мы, ГЛР и ЭП.

Все раненые будут поступать на санитарных и попутных машинах к нам. Мы должны тут же на машинах их сортировать, снимать тяжёлых для себя, а ходячих и сидячих отправлять теми же машинами в ЭП, в соседнее село Городню. Где-то там есть ещё ГЛР.

Но развертываться опять негде. Стоит летная часть, генерал и разговаривать не стал с нашим начальником. Где там!

Придется ставить палатки среди площади.

Но есть, однако же, высшая справедливость! 6 ноября летчики уехали.

И еще, Киев наш! Я даже не знаю, чему мы больше радуемся.

Теперь мы обладатели школы, клуба, и ещё около двадцати домиков под службы и квартиры личного состава.

В праздник развернулись. Всё продумали и приготовились для большой работы. Задачи трудные, на носу зима. Но мы не повторим Угольную!

Итак, наше развёртывание: Сортировочное отделение - три большие палатки для приёма раненых, отсюда они идут в баню, потом без белья - в конвертах и под одеялами, в халатах - собираются в палатку-буфер, где ожидают перевязки. Это важное новое изобретение. В перевязочной им меняют повязки и только тогда надевают чистое бельё и отправляют в госпитальное отделение - в школу. Однако не всех. Кто с легкими ранениями, тех несут обратно в "буфер", там их одевают в прожаренное обмундирование и везут в эвакоотделение - 220 коек - в клубе, сельсовете и палатках. Госпитальное отделение на двести мест, в школе. Шестьсот раненых можем вместить не занимая хат.

Операционно-перевязочное отделение на восемь столов развернули в "доме учителя". Перед входом поставили палатку - "накопитель".

... ...

С 10-го ноября началась работа. Нам привезли всех нетранспортабельных из ППГ первой линии и специализированного ППГ ("голова"). Заняли почти все койки в школе.

16-го в полночь, когда шёл дождь со снегом, за мной

прибежал санитар перевязочной, Бессоныч:

- Николай Михайлович! Привезли... Страшное дело!

Слышу мощный гул машин, как будто идёт эскадра самолетов, и в окне мелькают отблески фар. Одеваюсь, как по тревоге. Бегу...

Вся огромная площадь перед школой заполнена медленно ворочающимися и ворчащими "студебеккерами" со вспыхивающими и гаснущими фарами, сильными, как прожекторы. В их свете падает снег.

У сортировки ругань. Шофёры обступили Быкову, кричат, матерятся.

- Сгружай немедленно, старая карга! Замёрзли! Слышишь, стонут? !

Вот он - критический момент. Вот сейчас их нужно матом, как я умел раньше, когда был сменным механиком. Но тут эта Быкова. Нельзя.

- А ну, тише! Старшего сюда!

Старшим был капитан, но он молчал. У него был приказ, и он знал порядок, но ехать по грязи в Городню совсем не хотелось. А тут ещё дождь со снегом. Веду переговоры: - Сколько машин? -43 Сколько раненых? Не знает, возможно - пятьсот.

- Не сметь сгружать! Здесь снимаем только лежачих и тяжёлых. Знаете приказ? Остальных везёте в Городню.

В кузове, на соломе, или прямо на железном полу, лежали раненые - без одеял, только в шинелях или ватниках. Между лежачими - согнутые фигуры сидящих, с завязанными головами и шеями, с разрезанными рукавами, штанинами, запорошенные тающим снегом, мокрые. Куда тут их ещё везти! Но если мы примем всех, значит, сразу заполнимся до отказа. А завтра? Нет, солдат должен терпеть. Это его первая обязанность.

Санитары с носилками следуют за мной и Быковой. Залезаю в машину и отбираю.

Лежачих быстро стаскивают с машин. Тех, кто сидит, проверяю. В других машинах командуют Быкова и Аня Сучкова. Разгрузка идёт споро - в сортировке много мест. Укладывают подряд, потеснее. Там раненые сразу замолкают, потому что бочка уже шумит от пламени, дрова сухие заготовлены.

В иных машинах шофёры командуют ходячим:

- Слезай, чего ждешь? Не выгонят!

Но мы неумолимы и отправляем из приёмной снова на машину. Майор тут же, помогает объясняться с шофёрами и капитаном. Это очень важно, потому что у меня плохо получается уговаривать.

По мере разгрузки машины ворчат моторами, зажигают фары

и начинают маневрировать к выезду с площади. Она постепенно пустеет. Разгрузка заняла всего полчаса. Лоб мокрый от пота, хотя на мне одна гимнастерка. А может, от снега?

В сортировке уже идёт работа. Прежде всего, согреть, напоить. Бочка пылает, бак с кипятком и даже чайник с заваркой стоят на бочке. Настроение уже совсем другое. Слышатся даже благодарности.

- Спасибо, сестрица... Так замерзли, так замерзли, что и сказать нельзя. - А кормить будут?

Только потом спрашивают о перевязках.

Приняли 152 человека. Все три палатки загрузили до отказа. В палатках сделаны очень низкие нары, застланы соломой и покрыты брезентом. Низкие - это важно, чтобы санитар мог с ногами забираться, перекладывать на носилки. Оставлять на носилках мы не можем, они неудобные и много места занимают.

Теперь нужно их пересмотреть - выбрать срочных и назначить очерёдности перевязок на завтра. С начальником решили, что ночью плановых перевязок не будет. Без сна долго не вытянем, а работа на ГБА - это месяцы. Станции снабжения меняются не часто.

22. 1943 г. Хоробичи-2. Две тысячи раненых.

Каждый вечер приходила автоколонна и привозила нам сотню и больше раненых. В первые дни управлялись за сутки разгрузить сортировочную, вымыть и перевязать всех поступивших.

Но всё было заполнено за три дня. Начали выводить в ближайшие хаты.

Не все живыми доезжают. Чуть не каждый день снимаем с машин покойников. Писать рапорты избегаю, знаю как там впереди, всё забито, а новые поступают. Очень трудно отбирать на автоколонну, чтобы максимум отправить и нетранспортабельного не пропустить. Есть у нас морг: палатка. Туда складываем своих и привезённых. Был случай, что на утро обнаружили живого - за ночь оклемался. Правда, потом все-таки спасти не смогли.

На пятый день, когда число раненых достигло тысячи, нас захлестнуло. Сортировка забита, вынести некуда, перевязывать всех не успеваем. С трудом освободили два десятка мест в приёмной палатке, чтобы иметь возможность снять самых тяжёлых.

Ночью пришла колонна, и мы не смогли её разгрузить. Сняли только самых тяжёлых, остальных начальник с санитарами лично повёз разгружать прямо в хаты. Дома, разумеется, все были заняты военными, но мы уже не церемонились. Машина подъезжала, начальник стучал в дверь рукояткой пистолета. Санитары заносили раненых в хату и складывали на пол, на кровати, на лавки, на печку. Квартиранта не выселяли - живи вместе с ранеными.

Цифра поползла за полторы тысячи.

И всё-таки Угольная не повторилась. Первое дело - уход и питание. Быстро создали большую команду выздоравливающих - человек до ста, а потом и больше. Но, конечно, они не могли обслужить всех раненых, ведь 90 процентов - лежачих, лишь половина могли с помощью передвигаться по комнате.

Обслуживание строилось так: на каждую улицу или две выделялась сестра и в помощь ей - ответственный санитар, "старшина". Кроме того, улица прикреплялась к врачу, который, разумеется, вёл ещё основных больных в госпитальном отделении. Врачей ведь всего пять. За ранеными ухаживали хозяйки домов. Кухня могла прокормить только полторы тысячи. Женщины приходили со своей посудой и по талончикам, выданным "старшиной", получали обеды. Для остальных

выдавали продукты на дом - по таким же бумажкам с печатью. Хозяйки варили сами. Мы никогда не размещали в одной хате "чистых" и "нечистых", мыли всех обязательно. Конечно, в наших госпитальных и эвакоотделениях все были мытые, и о вшах не было даже речи.

Чтобы возить раненых внутри госпиталя, мобилизовали колхозников с лошадьми. Свои подводы едва успевали снабжать нас продуктами. Бывали дни, когда одного хлеба уходило до двух тонн! Пекарни не было, пекли хлеб сами. Для этого пригласили несколько колхозниц, которые славились и имели большие печки. Женщины работали очень хорошо, и мы им благодарны несказанно. А мужики работали плохо. Только не догляди, уже подводы нет! Ох, попортили они крови! Раненого нужно везти с перевязки, а подвода исчезла. Прости меня, господи, но не раз пришлось матюкнуться, а однажды даже потрясти такого "куркуля".

Наши хозяйственники работали хорошо, ничего не скажешь.

Медицину обеспечить было труднее. Мы оперировали только срочных и осложнённых раненых, К счастью, первичная обработка ран в медсанбатах проводилась прилично. Фронт двигался медленно, да и врачи подучились.

Но перевязки необходимы. Нужно было перевязать по первому разу, чтобы не пропустить осложнений. Через четыре-шесть дней нужно перевязать повторно - почти все раны гноятся, повязки сползают. За сутки мы перевязываем больше двухсот человек, но, кроме того, пришлось направлять "летучки". Часть раненых в домиках перевязывали "палатные" сестры. Работали с семи утра до двенадцати ночи.

Разумеется, врачи не могли каждый день смотреть всех раненых в хатах. Только раз в три дня. Но сёстры обходили свои "улицы" каждый день по два раза и даже измеряли температуру.

К 23 ноября число раненых достигло 2350! Из них полтораста - в команде выздоравливающих. У нас было семьсот человек на дальних улицах, за два километра от центра. Они не прошли санобработку, но многих перевязали на месте. Остальных вымыли и пропустили через главную перевязочную. Вшей у них не было. Это важно, потому что в некоторых деревнях встречались заболевшие сыпным тифом.

Нет, мы не "потонули" в смысле хирургии. Только благодаря отличным сестрам и правильной сортировке. Не зря восемь колхозных подвод целый день перевозили раненых с места на место. Нам удавалось вылавливать всех "отяжелевших" и собирать их в основных помещениях, где был постоянный врачебный надзор. За всё время в домах умерло двое, и был один

просмотренный случай газовой флегмоны: раненого доставили в перевязочную уже без пульса.

… … …

Главная медицинская забота - не пропустить кровотечения. У многих через неделю - две, после ранения развивается инфекция, самое время для так называемых "вторичных" кровотечений от разрушения гноем стенки артерий. Как выловить такого раненого за один-два километра, в страшную грязь и темень? Помощь нужна немедленная. Первое, нужно зажать кровоточащее место и держать. Потом жгут, и только тогда - операция.

Это совсем не просто, "зажать". И мы проводим обучение хозяек - пока они стоят в очереди за питанием, им рассказывают, как нужно прижать рану ладонью через повязку, если из нее потекла кровь. Это же сестры рассказывают самим раненым при обходах. Жгутами мы не можем снабдить каждую хату, да и не так легко его наложить. Зато около перевязочной круглосуточно дежурит наша повозка, а в палатке - наши отличные санитары.

Ночью прибегает в перевязочную запыхавшийся бледный паренёк:

- Дяденька, скорее! Кровь идёт... Мамка послала, раненый помирает...

Бессоныч просыпается моментально. Хватает паренька в телегу, сам стоит во весь рост и гонит по грязи, куда укажет пацан. Тут он застаёт страшную панику, уже горит коптилка, все возбуждены. Хозяйка или кто-нибудь из раненых прижимает повязку, из-под рук сочится кровь. Пострадавший чуть жив от страха. Быстро накладывает жгут, в телегу и - опять галопом, к перевязочной.

А тут уже другой санитар прибежал ко мне, разбудил Лиду или Машу Полетову, и она уже надела перчатки, ждёт. У дверей стаскивают одежду и на стол. Канский режет ножницами бинты, мажет кожу йодом и медленно ослабляет жгут. Обычно тут же оперируем вдвоём с сестрой, под местной анестезией. Коля переливает кровь и глюкозу.

Я здорово насобачился на сосудах! Кажется, в организме нет артерии, которую бы не пришлось перевязывать. Одни простые, как сонные и бедренная, другие - коварные: ягодичная или подключичная.

Перед отъездом из Хоробичей я подсчитал по перевязочному журналу: свыше ста! Конечно, не сто раненых - некоторые "кровили" по два и три раза, С конца ноября, пожалуй, не было ночи, чтобы мы с Лидой Денисенко не оперировали кровотечение. Бывало и по несколько случаев подряд.

Наконец 25 ноября пришла летучка. Страшный был аврал!

Непросто вывезти на станцию и погрузить семьсот лежачих раненых. Расстояние хотя и небольшое - всего три километра, но нужно каждого проверить, кое-кого подбинтовать, одеть, положить в телегу, привезти, перенести в вагон, там уложить. Мобилизован транспорт, люди. Женщины упрашивают за своих квартирантов, но мы строго придерживаемся принципа: в тыл только обработанных. Вывозили дотемна и справились

На следующее утро сообщили, что в летучке умерло несколько наших раненых. Оказывается, поезд не ушел. Я поскакал на вокзал верхом, прямо в халате. Умер только один раненый, его хозяйка из хаты привезла самовольно. Однако пришлось вернуть ещё несколько человек с мочевыми и каловыми свищами. Теплушки не приспособлены для них.

Обещают наказать меня. Наверное, правильно - заслужил.

А сегодня утром сказали, что наградили орденом Красной Звезды.

26 ноября наши взяли Речицу. Ох, и дорого она досталась!

После этого дня поступления раненых пошли на убыль. Возить стало очень далеко - до фронта 120 км. Начались холода. Раненых привозили совершенно замерзших, потому что при эвакуации на попутных машинах практически невозможно обеспечить одеялами и спальными конвертами.

После второй летучки у нас осталось только 1500 раненых, и мы смогли навести некоторый порядок. Освободили дальние улицы, провели планомерную санобработку и перевязки тех, которых сразу развозили по домам.

Стало немножко меньше работы. Это значит, что можно встречаться за обедом, поболтать, справиться о сводке и выслушать комментарии. Даже отпраздновали мое тридцатилетие. Да-да! Мне 30 лет.

Была даже "личная жизнь". Мы с Лидой все больше сближались. Конечно, это становится заметным. Отношения с Лидией Яковлевной ухудшились.

Хирургические проблемы: кроме кровотечений, нас мучили "мочевики". В МСБ и ППГ знали только одну урологическую операцию - свищ мочевого пузыря. "Холодный" уролог Гамбург, который пришёл в госпиталь осенью из полка, очень пригодился. Он ходил в жаркой палате в своём неизменном меховом жилете и с наганом, пот с него течет градом. Своими квалифицированными промываниями спас многих. Сам пропах мочой.

Конечно, были грудные клетки, бёдра и суставы. Мы не могли их лечить в этих условиях. Нужен рентген, нужно вытяжение, нужен гипс... время, наконец! Мы не пропускали начавшуюся газовую, не давали умереть от кровотечений, но не могли

предотвратить развитие сепсиса. Только вскрывали гнойные затеки, флегмоны. И ждали эвакуации.

А раненые отяжелевали и становились нетранспортабельными. Тогда - ампутация. Так и получалось - ожидали время для ампутации. Ужасно.

16 декабря отправили последнюю летучку и тут же получили приказ переезжать. А у нас 90 нетранспортабельных раненых.

Оставили Гамбурга, перевязочную и палатных сестёр, повара, двадцать выздоравливающих. Снарядили их как на зимовку - всё хотелось предусмотреть: медикаменты, перевязку, питание. Да разве можно оставить главное - опыт, уменье?

И вот я сижу наверху машины, надел массу всякой одежды. Тепло, хотя ветер злой, мороз около двадцати.

Выпал снег и закрыл израненную землю, пепелища. В сожжённых деревнях люди живут, как кроты в норах: видны сугробы, из которых торчат железные трубы с лентами жидкого дыма.

Дорога накатана военными машинами. Едем довольно быстро. Вот уже Сож, временный мост. Гомель. Что от него осталось! Вся длинная улица, что ведёт на север, разрушена, одни остовы сгоревших кирпичных домов со слепыми черными глазницами окон да пустыри с грудами кирпича. Но уже заделывают досками окна, уже выставлены в некоторые окна трубы, как было в Калуге. Сколько таких городов уже оставила война, а сколько ещё разрушат? Велики успехи, но как много ещё нужно освободить.

Потом начинаю думать о близком, о своих кровных медицинских делах. О только что прошедшей работе в Хоробичах. С 10 ноября по 18 декабря средняя загрузка составила около тысячи человек, 80 процентов - лежачие. Свыше восьми тысяч прошло через госпиталь за это время, больше двух процентов умерло. Несколько братских могил оставили на кладбище. Даже страшно назвать, цифру смертности, если сложить все этапы: и медсанбат, и ППГ первой линии, и ГБА, и дальше - фронтовую базу, как в Ельце или Калуге.

Кто виноват? Сколько здесь моей вины?

Всё это я передумал уже сто раз за этот год.

Из внешних событий помню Тегеранскую конференцию: Сталин встретился с Рузвельтом и Черчиллем - вышел в свет. Следили, в пределах возможного. Одобряли. Надеялись.

23. 1944 г. Буда. Женитьба.

В Буду приехали вечером. Остановились у взорванного вокзала. Разожгли костёр.

Начальник пошёл к коменданту: "Плохо!" Станция снабжает две армии. Всё забито тылами.

Следующий день искали помещения, даже в окрестностях. Безнадежно: авиаторы, автобазы, склады. Вечером, когда возвращались, увидели двухэтажную школу без окон и дверей. Потом нам рассказали: в 41-м году в ней немцы собирали евреев перед тем, как расстреливать.

Посмотрели. Рамы и двери выломаны, печки попорчены. Но полы и потолки целы. И крыша.

Решились восстанавливать - имеем сто человек выздоравливающих, есть мастера, но нет материалов. Пошли искать украденное по домам. Обнаружили. Отобрали. Окна частично заложили кирпичами.

Полностью воспроизвели схему Хоробичей, только в лучшем варианте - в одном здании 250 коек, баня и перевязочная. Вместе с палатками снова имели 500 мест. Плюс хорошие дома в соседних улицах.

На этот раз раненых, привозимых в Буду, сортировали в ЭПе. Проблемы не было - приходит колонна машин, сортировщик командует: "Ходячие, вылезай! " Все, кто может, моментально слезут. Остальных везут нам.

26 декабря ещё не окончен ремонт, а работа уже началась. ППГ первой линии "накопили" раненых, и везли по 50-60 человек в день. Раненые были тяжёлые. Наш контингент.

Пошло наступление, и поток увеличился. Такого сумасшествия, как в Хоробичах, не было. Скоро пошли летучки, поэтому больше семисот раненых у нас не собиралось. Занимали, максимум, одну-две соседние улицы.

В эвакуации была только одна трудность - захватить вагоны в летучке. Но санитары, ребята бравые, справлялись.

Наша армия вела наступление до 20 февраля. Куда наступали, мы не узнали. Бывают такие бои, которые в сводки не попадают. Только потери дают.

Работали культурнее, чем в Хоробичах, все раненые проходили санобработку и перевязку в первые сутки, перевязывали до 250 и даже 300 человек. Но суть дела от этого не менялась. Лечение было по-прежнему только срочным. Лечили тяжёлых, кого нельзя отправить, а их было слишком много, чтобы лечить хорошо. Вытяжения для бедер и даже гипсы накладывать

не могли - не было мест и условий. А тут ещё недостаток марли: бинты, салфетки и даже марлевые шарики стирали до черноты, никогда не резали повязки. Где же тут гипсовать?

Произошло важное событие в моей жизни - я женился. В первых числах января Лида Денисенко переехала ко мне. Было объявлено во всеуслышание - жена!

Кончилась моя свобода. Три с половиной года я был холостым после Гали. Так мало! А первый раз (дурак!) женился в двадцать. Теперь мне уже тридцать. Пора! Но предвижу трудности в отношениях с Лидией Яковлевной.

Нам нашли комнату рядом с госпиталем. Хорошая комната, есть даже радио. Хозяева живут в другой половине, и нам никто не мешает. Настоящие молодожены.

Было несколько бомбёжек. Один раз бомбили днём, все столы в перевязочной были заняты. Не слышали, когда прилетели самолеты, и вдруг - взрывы совсем рядом, полетели стекла. Наших тяжёлых раненых, как ветром сдуло со столов - сразу оказались на полу. В палатах тоже попрятались под топчаны. Паника была изрядная. Но сёстры все оставались на местах и успокаивали своих пациентов. Какие молодцы!

Второй раз бомбили целый вечер. После первого налета привезли раненного в живот лейтенанта, он оказался приятелем нашей сестры Веры. Только вскрыли живот - бомбы! Одна, другая, совсем рядом. Все наши держались мужественно, никто не нарушил асептику. Лида боится самолетов, но и она только присела, выставив стерильные руки вверх. Лейтенант умер спустя пять дней после операции. Развился перитонит, и не смогли спасти.

Ещё одно событие: в Буде судили и повесили полицаев. Три дня висели, было противно подходить к окнам. Я за наказание предателей. За смертную казнь для злостных. Но надо ли публично? Зачем разжигать жестокость в людях, допускать, чтобы это видели дети. Не могу понять.

Мировые события: была конференция "тройки властителей" в Ялте. Нам сообщили, когда она уже кончилась. Прошло почти без внимания.

Началась весна. Третья военная весна. В первых числах апреля раненых передали эвакогоспиталю, который приехал на наше место. Кончился ещё один этап работы. Как будто все делали хорошо, но удовлетворения не осталось. Нет, грубых ошибок почти не было. Но условия крепко держат нас в руках и не дают добиться решительных успехов. Неужели до конца войны так и не испытать радости настоящей эффективности хирургии, которую испытали в последний период работы в Калуге?

Итак, "межбоевой период". Войска в обороне. Большинство госпиталей свёрнуты. Время переездов, инспекций, учёбы и конференций, В апреле ездили с начальником и Канским в Речицу на армейскую конференцию. Была выставка: мы похвалились гипсом, повязки были наложены на санитара Степу Кравченко, срезаны, заглажены и высушены. Получились как античные скульптуры. Очень всем понравились. Думаем под них получить профиль спецгоспиталя "бедро - суставы", если такой будет.

В президиуме сидели строевые генералы. Армейский хирург сделал обзорный доклад - пересказал "Указания". Ни слова о трудностях, будто и не было Угольных и Хоробичей. Научные доклады очень слабые. Я тоже выступал, даже дважды. Повторил калужские материалы о "коленках" и рассказал новое о пневмотораксах.

А самым лучшим было сообщение:

- Одессу освободили!

Со смешанным чувством еду домой, в Буду. Приятно, что доклады прошли хорошо. Вот и ящик с гипсами едет обратно, жалко было выбросить, хотя на что они? Приятно завести знакомство с хорошими людьми - хирургами. Но противно слушать фальшивые речи, хвастовство и славословия. До Берлина ещё ох как далеко!

На следующее утро пришло письмо из 1-го Московского мединститута: диссертацию не допустили к защите. Горько стало. Хотя и не очень рассчитывал, но все же надеялся.

Кончится война - кому будут интересны "бедра" и "коленки", пневмотораксы? И станешь ты, Амосов, опять ординатором. В районной больнице.

20 мая переехали в село Озерщину, под Речицей - ожидать в свёрнутом состоянии. Хорошо устроились. Но скорее бы уже наступление.

Мы с Лидой законные муж и жена. Ездили в Речицу, там уже восстановлена Советская власть, есть ЗАГС. Я не двоеженец, от Гали весной пришло письмо, что вышла замуж и уже ждёт ребёнка. Адрес узнала от подруги Лидии Яковлевны, которая оказалась с ней в одной части. Я её поздравил.

Сообщили, что началось вторжение союзников на континент. Наконец долгожданный второй фронт открыт. Скоро и у нас начинается летнее наступление. Сшибить бы Гитлера до осени, а?

Скоро получили назначение - поселок Пиревичи, в составе ГБА.

Едем опять старой дорогой через Гомель. Сейчас он куда красивее. Отцветают яблони. Масса зелени, она закрывает

пепелища деревянных домиков на окраине. Странно торчат черные трубы среди цветущих деревьев. Трава ещё не растет на пепелищах, и чёрные фундаменты домов врезаны в зелёные рамы двориков. Но всюду уже копаются люди. Уже живой наш, советский город.

24. 1944 г. Наступление.

Сообщения о втором фронте довольно сдержанные, дескать: "Наконец-то родили!" Информация к нам доходит плохо. Надеемся, что будут воевать получше, чем в Африке и Италии.

Мы приехали в Пиревичи на четырёх машинах - Санотдел дал.

Здесь был деревообрабатывающий завод. Он пострадал, но уцелел длинный сарай, пойдет под сортировку, а большой цех - для эвакоотделения.

Перевязочная получила домик. Девушки выбелили стены. Лида работала кистью на козлах, как заправский маляр. Мы решили показать, что можем гипсовать не только для выставки. Летом получили передвижной ортопедический стол Юдина, чрезвычайно удобный. Прямо сам просится - гипсуйте!

Впрочем, может, опять захлестнёт. Как немец будет сопротивляться? Как будут действовать наши генералы?

Никогда у нас не было таких приятных соседей. Не удивительно, техническая часть. Инженеры, техники, много ленинградцев. Вечерами они собираются на нашем дворе, приносят радиолу и открывают танцы. Один парень чудно играет на гитаре и поет.

- "Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя привозил... "

Песни трогают не только меня, трогают и наших девушек. Даже самые скромницы завели себе кавалеров и тем повергли майора в страшную тревогу. И вот у нас уже строгости. Подъёмы, отбои, проверки, патрули. Уже организована ловля опоздавших. Уже их сажают на гауптвахту.

22 июня, в третью годовщину войны, сапёры ушли на передовую. Говорят, мосты через Днепр будем наводить.

Летучка уже на станции стоит и ждёт раненых. Вот как нынче!

Напряжение ожидания нарастает с каждым днём. Наши самолеты-разведчики летают постоянно, немецкие - редко.

... ...

Наконец, началось! 24 июня утром проснулись от страшной канонады. Стрельба не прекращается целый день, хотя и потише. Ходим и слушаем: не дальше ли? Не глуше ли? Нет, пока так же.

Вечером уже привезли первых раненых на нескольких санитарках. Прямо из МСБ - с ранениями конечностей. Говорят: "Не продвинулись. Бьёт. Подняться не даёт".

Проработали до поздней ночи, наложили три высоких гипса и несколько на голень. Юдинский стол отличный.

Завтра нужно ждать большого поступления. Прорыв, видимо, даётся не легко.

… … …

Два дня работали интенсивно.

27-го слышим страшный гул. И бомбят. Вечером шофёры с машин сообщили: "Прорвались!" Теперь, наверное, пойдут. Дай-то бог!

У нас уже скопилось человек пятьсот раненых. Гипсуем немного, не успеваем. Раненые идут хорошие. Настроение - побеждать.

30 июня вдруг рывок: всё время везли из-под Бобруйска, а тут сразу - Осиповичи. Теперь пойдут! Рассказывают, что под Бобруйском немцев окружили, что авиация работала отлично, что машин валяются - тысячи. Немцы бродят по лесам, сдаются. Во, господа, и вам привелось прятаться! Трудновато будет на нашей территории. Партизаны, небось, того и ждут.

После 1 июля поток раненых резко спал. А 6-го нас предупредили, что скоро нужно ехать. Пока мы собираемся, войска уже ушли далеко, даже толком не знаем, где идут бои. Каждый вечер по несколько раз передают приказы Верховного Главнокомандующего. Вся страна живет наступлением.

9 июля получили приказ ехать в район Бобруйска.

… … …

В Рогачёве переправились через Днепр и покатили по настоящему шоссе. К полудню уже подъезжали к Березине, что недалеко от Бобруйска. И тут мы увидели то, что осталось после разгрома окружения.

Поле и редкий лесок, сколько видит глаз, усыпаны техникой. Почти вплотную друг к другу, стоят и лежат перевернутые и целые автомашины всех марок, тягачи, орудия. Между машинами - воронки от взрывов, покалеченные деревья, тряпье, масса разбросанных бумаг. Трупов уже нет, их убрали. Трудно себе представить, что здесь делалось, когда 27-го наши самолеты бомбили этих немцев, густо сбившихся в кучу.

… … …

Особист, который "курирует"(!?) наш госпиталь вёл со мной доверительную беседу: о врагах народа, шпионах. Я слушал, выражал удивление: "Неужели? В самом деле? Вот сволочи!" Отлично знал куда ведёт. Так всё и произошло:

Не хотите ли вы помочь нашему общему делу?

И предложил сообщать.

Ответил ему вежливо:

- Я бы с дорогой душой... Но не могу. Убеждения не позволяют, моральные установки.

Он был разочарован. Но подписку о неразглашении разговора взял. В этом я не отказал. Побоялся. Так что "Заседание продолжается, господа присяжные заседатели". Вот с войной покончат и начнут новый заход.

… … …

Бобруйск более или менее цел. Получили указания ехать к Минску.

Дорога - асфальт. Мы и не видели такой после Рославля.

Трудно было немцам защищать эту дорогу от партизан. Леса вырублены по обе стороны, построены деревянные форты, в которых держали гарнизоны.

Мостики все взорваны. По обочинам валяются вздутые трупы лошадей с задранными ногами, запах от них - за полкилометра.

Теперь мы вдоволь насмотрелись на немцев. Их вылавливают в лесах - попрятались во время окружения. Впрочем, они сами выходят и сдаются, партизан боятся. Жалкий вид имеют пленные немцы. Вот ведут группу человек в пятьдесят. Не ведут, а сопровождают в плен, дорогу показывают и от населения охраняют. Один пожилой солдат нестроевого вида идёт впереди колонны, устал, ему жарко, винтовка сзади через плечо. Он не беспокоится, что пленные разбегутся.

По дорогам идёт бесконечный поток обозов и машин. Много трофейных, некоторые даже раскрашены в желтый цвет, говорят, что немцы привезли их из Африки.

Войска идут вперёд так быстро, что нам со своим обозом не догнать. Получили приказ ехать до деревни Бобовня, что находится где-то около старой границы.

Долгое и скучное сидение в селе Бобовня, близко к старой границе.

18 июля пришел обоз. Наконец наш ППГ воссоединился и готов работать. Поехали дальше.

25. 1944 г. Польша.

Мы догнали фронт в начале августа за Белостоком. Остановились в местечке Брянск. Совсем целый маленький городок.

Развернулись в хорошей больничке, типа земской. Скоро и раненые подоспели, их везли прямо из полков. Мы вышли на линию медсанбата.

Сделал операцию, о которой давно мечтал: радикально прооперировал ранение груди с обработкой раны лёгкого. Дрожал ужасно, особенно, когда отсекал по зажиму кусочек доли с осколком. А потом боялся, что не ушью. При кашле легкое страшно выпирало в рану и воздух пузырился. Но всё кончилось хорошо.

Другая хирургия была обычная. То есть не совсем обычная, потому что мы гипсовали.

Раненых принимали всего восемь дней. Войска опять довольно ходко пошли вперёд, и начальство выдвинуло другой госпиталь.

Едем по Варшавскому воеводству.

Ландшафт? Он мало отличается от Центральной России и Белоруссии. Ровные места, перелески. На перекрестках дорог высокие кресты с Распятием или статуей Божьей Матери у основания, с засохшими или свежими цветами.

Развёртываемся в городке Комарово. Фронт близко. Стрельба слышна хорошо, ночью даже пулемёты.

Работаем, как медсанбат, получаем раненых из полков. Организовали "шоковую" палату. Лечим по всем правилам. Но если кровяное давление низкое более двух часов, не вывести из шока.

Первый день оперировал только животы и пневмотораксы, весь день был загружен до отказа. К сожалению, когда в сортировке очередь, приходится торопиться.

Страшные злодеяния творили немцы. Недалеко от нас был лагерь Тремблинка. Сейчас там работает комиссия. Разрыли рвы, заполненные трупами, и производят вскрытия. В них участвует и патологоанатом нашей армии. Он приходит оттуда почти в шоке. Слой за слоем снимают трупы, и у всех находят сквозные пулевыеранения головы. Всех убивали выстрелом в затылок.

Отшумела работа. Эвакуировали раненых. Помогала авиация - очень удобно! Почему их мало, самолётов?

… … …

Район Длугоседло, деревня Карнациска. В садах мы и

поставили свои палатки. Работаем как спецгоспиталь по бёдрам и суставам. Скоро и раненых привезли.

Дело уже знакомое. "Бедра": "хорошие раны" гипсуем, "плохие" (угроза газовой) - операция и вытяжение. Опасность минует - гипс.

"Коленки": плохие раны - держим в шине Дитерихса дней пять и, если все спокойно, накладываем глухой гипс. Хорошие раны - гипсуем сразу. Не эвакуируем 5-7 дней, боимся инфекции.

Все остальные раненые идут между делом. Ампутация - одна.

В первый же день наложили двадцать семь высоких гипсовых повязок (!) и трём раненым наладили вытяжение. Работали нашу обычную норму - 18 часов. Коля так устал, что еле выполз из перевязочной. Печка в палатке уже пылает - гипсы нужно сушить.

Удачной ли была наша работа в Карнациске? Несомненно - да.

Нетранспортабельных мы не имели. Начальник ПЭПа сказал, что следующий раз снова будем работать по такому же профилю.

Да, ещё новости: получили массу наград. Начальник, майор и я - ордена Отечественной войны 2-й степени, Лидия Яковлевна и Лида - "Звездочки", ещё несколько человек - медали.

В конце декабря - новое назначение: развернуться в лесу около реки Нарев, поближе к линии фронта. Предполагалось, что мы будем принимать раненых в бедро и суставы во время наступления. Думалось, последнего.

Поехали смотреть: три домика и сосновый бор. Уныние. Начальник поехал плакаться в ПЭП. И тут случилось чудо, нам дали строителей. Сказано было - сделать землянки на 200 человек. Сделали.

Землянки топились целыми днями. К сожалению, дрова сырые, горят плохо. Влажность высокая, беспокоились: как будут гипсы сохнуть? Но ещё было время подсушиться и дрова достать. "Даешь 40 высоких гипсов в сутки! "- такой лозунг.

Военные говорили, что особенно больших потерь не ожидают, что артиллерия и авиация имеют огромный перевес над противником.

Новый год по традиции встречали в аптеке. Собрались все офицеры и сестры. Было тепло, сытно, вкусно, чуточку пьяно. Но всё скромно. Скромный у нас госпиталь! "Высоко моральный". Будто? Амосов!

14-го января утром началось наступление. Об этом услышали по канонаде.Орудия ревели несколько часов. Первых раненых привезли около полудня.

- Нет, не прорвали...

- Страшно укрепились. Чувствуют, гады, что последний бой.

Да, не позавидуешь фашистам: столько ненависти накопилось к ним! Эренбург её подогревает статьями в " Красной Звезде", вроде: "Убей немца!"

Работа пошла спокойно с самого начала. В сущности, это было повторение Корнациски. 40 высоких гипсов не наложили - просто некому было, но за тридцать перевалили.

19 января раненые сказали, что войска подошли к границам Восточной Пруссии, 23-го и нам было приказано готовиться к переезду.

26. 1945 г. Восточная Пруссия.

Похоже, что война для нас кончается. Мы в Германии, почти не работаем и только ездим. То ли госпиталей теперь много? Скорее, раненых мало, иначе нашли бы для нас место. Есть авторитет у ППГ-2266.

В газетах фотографии: Сталин, Черчилль Рузвельт. Такие важные вершители судеб мира. В Крыму, в императорском дворце Ливадии проходила их встреча. Вроде бы договаривались как заканчивать войну и поделить Европу. Подробностей никаких. Но сам факт приятен. Но так же есть сомнения: неужели Вождь пойдет на твердый мир с империалистами?

Политику мы не обсуждаем, живём изолировано, радио нет, газеты - редко, народ аполитичный - одни женщины. Общаемся с внешним миром через раненых. Майор не просвещает, да и нет охоты с ним беседовать, не люблю.

26 февраля нас внезапно перебросили на север в городок Либштадт. Ехали по дороге, по которой удирали немцы. Они все уехали, страна пустая. Обочины усыпаны брошенными вещами - колясками, подушками, выпотрошенными чемоданами. Видимо, тогда была оттепель, потом заморозок. Всюду на деревьях примерзший пух перин. Не могу унять злорадное чувство: "Вот и вам досталось испытать".

С ходу развернулись в здании вокзала, чтобы принимать раненых, уничтожавших окруженную группировку в центре Пруссии. Устраиваться легко: помещений, перин, угля, мяса - сколько угодно. На нары в сортировке разложили матрацы и накрыли коврами, как у султана во дворце.

Хирургия не представляла труда. Приняли всего около трёхсот раненых, большинство - лёгких, уже обработанных в МСБ. 10 марта их эвакуировали и переехали в Морунген. Город окружной, тысяч на двадцать жителей. Пустой, как и другие. Нам снова установили профиль - ранения нижних конечностей. Раненых мало, и проблем не возникало. Нашли больницу и добыли там аж два маленьких рентгена. И плёнки, и все химикалии. Теперь мы имеем вполне культурную травматологию.

Наш народ ходит по городу, ищут "трофеи". Дело совсем невинное: жителей ни души. Не мог себе представить такую картину бесхозного богатства: мебель, утварь, книги, техника, картины. Одежду солдаты и офицеры подбирают и отправляют домой в посылках. Для госпиталя набрали много белья, одеял, подушек. Всю войну берегли, всё числилось за старшими сестрами, дрожали за каждое полотенце, а теперь - бери, не хочу!

Поскольку в Восточной Пруссии не было жителей, то и мародерство не имело почвы. То же и о насилии над женщинами: слухи ходили, но чтобы массовость - нет, не было. Впрочем, не поручусь, я мог и не знать, дело такое.

9 апреля взяли Кенигсберг. Мы с начальником ездили, спустя два дня, посмотреть город. Масса впечатлений. Выглядит как Сталинград.

В конце апреля нам приказали свернуть госпиталь, переехать в Эльбинг и там развернуться для приема раненых. Выбрали трехэтажную школу.

Шло последнее наступление на Берлин, и мы с нетерпением ждали: вот-вот возьмут!

1-е Мая отметили, как в доброе старое время. Торжественное заседание, доклад майора, праздничный обед в школьной столовой. Вместились все.

А 2 мая наши взяли Берлин. Началось напряженное ожидание мира. Пошли слухи с перехваченных радиосообщений, что "вот-вот".

Нам привезли около ста раненых из ближайших медсанбатов, из тех дивизий, что сражались на косе Фриш Гоф. Немцы там упорно сопротивлялись, неизвестно зачем.

Одной из последних раненых привезли девушку-разведчицу. Ей уже сделали высокую ампутацию бедра по поводу оскольчатого перелома, и она находится в тяжелейшем остром сепсисе. Красивая белокурая девушка с мужественным лицом. У нее было четыре ордена, из них два - Красного Знамени. Теперь её представили к званию Героя, но ей уже не дожить до награды.

- Я умру, доктор? Да?

- Ну, что ты, милая. Жалко ноги, но жизнь дороже. Сделают протез.

- Что, протез... Я чувствую, как жизнь уходит. Засыпаю, забываюсь и всё боюсь, что не проснусь... А не спать не могу...

Что мы могли для неё сделать? Переливали свежую кровь каждый день, вливали глюкозу, давали витаминные препараты. Культя была покрыта омертвевшими тканями, из нее торчал острый обломок бедра почти у шейки.

Сепсис развивался стремительно, каждый день потрясающие ознобы и поты по несколько раз. В интервалах лежит бледная, как труп. За ней ухаживала Шура Маташкова. Слабеньким голосом больная спрашивала:

- Шурочка... уже объявили о победе?

- Нет ещё... ещё нет.

Ты же меня сразу разбуди. Так хочу дожить...

И она дожила.

Вечером 8-го радисты из соседней части принесли новость: готовится формальное подписание капитуляции.

Утром 9 мая наша перевязочная работала как всегда, хотя все ждали экстренного сообщения.

На столах лежали раненые, некоторые развязаны, другие ожидали перевязки, третьих готовили к гипсованию. Было часов одиннадцать.

Вдруг слышим стрельбу из винтовок и автоматные очереди. Всё сильнее и сильнее. Сначала не поняли.

- Что они там, сказились? Сейчас кого-нибудь подстрелят.

Вдруг Степа Кравченко объявил из дверей:

- Победа! Победа! На улицу!

Все кинулись наружу. Я тоже. Лида накладывала повязку и задержалась.

- Сестрица... Останьтесь с нами.

Она осталась и ходила от одного стола к другому, пожимала руки, поздравляла.

А на стадионе около госпиталя уже собралась толпа. Наши в халатах, другие в форме, солдаты из разных частей. Кругом слышим беспорядочную стрельбу.

Майор влез на ящик и объявил:

- Товарищи! Фашистская Германия капитулировала! Ура!

Все закричали, бросились обниматься. Майор выстрелил вверх, нашелся ещё кто-то с оружием, послышались редкие хлопки.

Долго ещё не хотели расходиться, с трудом удалось отправить сестер и врачей.

В перевязочной Лида уже успела перевязать почти всех, что лежали на столах. Я поздравил их с победой.

... ...

Дальше были сцена, которая запомнилась во всех деталях, на всю жизнь.

Шура Маташкова заглянула в перевязочную.

- Николай Михайлович, пойдемте к Зое.

- А что, плохо?

- Нет, нужно ей сказать... просила. Вы лучше скажете.

Мне не хотелось идти. Нет, не хотелось. Но что сделаешь - ты доктор, надо.

Она лежала бледная, с синевой, глаза закрыты, и даже не знаешь, жива ли. Шура шепчет:

- У неё был озноб в восемь часов. Теперь забылась. Но очень просила разбудить.

- А может, не будить? Проснётся - скажем.

- Разбудите, Николай Михайлович. Пожалуй, и не проснется

уже сама.

- Зоя, Зоечка!

Чуть приоткрыла веки. Облизала сухие губы.

- П-и-ть.

Щура напоила её из поильника морсом. Глаза совсем открылись.

Взгляд осмыслился.

- Зоя, Германия капитулировала! Поздравляю тебя с победой!

Оживилась, улыбнулась болезненной, слабой улыбкой. Слеза поползла из угла глаза по виску вниз.

- Позд-р-а-в-ляю... и вас поздравляю... Дождалась... Теперь бы поправиться...

Сел около неё на кровать, взял руку, тонкую, бледную, бескровную, с грубой кожей на ладони, с неровными ногтями. Говорил, утешал.

- Ты усни, Зоечка. Набирайся сил.

И она уснула.

К вечеру был ещё один озноб, после которого полный упадок сил и сердечная слабость. Ничего сделать не могли. Умерла.

Это была последняя смерть в нашем госпитале. И оттого особенно обиднаяи печальная. Но всё вокруг так переполнилось счастьем, что ничем не затмитьрадость. Просто не верилось, что уже не убивают.

27. 1945 г. Дальний Восток. Конец ППГ.

Днем 9 мая заканчиваются мои дневники в "Книге записей хирурга". Дальнейшую историю ППГ-2266 я кратко расскажу по памяти.

Она не кончилась сразу, после победного салюта. Госпиталь расформировали только в ноябре. Пока была война, казалось, что как только немцев побьют, сразу всех распустят, и начнётся счастливая мирная жизнь. Но была ещё Япония.

Эти полгода были нудные: исчезла главная связь между людьми - работа, великая общая цель - победить!

Мирное будущее уже отдельное, а не общее встало перед каждым. Для многих оно ожидалось суровым и неприглядным.

Но хорошо быть молодым! Молодые жадны к жизни, храбры. Помню, я был счастлив в те первые дни мира.

… … …

Обратимся к истории госпиталя.

В Эльбинге мы работали ещё больше месяца: "доводили до кондиции" раненых, лечили случайные травмы. Стержня уже не было, но держали обязанности и инерция.

В нашем госпитале проводилась армейская хирургическая конференция: "Подведение итогов". Я опять делал два доклада, на этот раз о суставах и о бёдрах. Банкет был, много еды и питья. Хирурги выпили изрядно.

Ещё я писал научные работы. Целых восемь. "Бедро", газовая, переливание крови, вторичные кровотечения, две статьи о ранениях груди, две статьи о "коленках". Они и сейчас у меня хранятся. Прочитал - вполне приличные статьи, с хорошей статистикой. Грамота только страдает. Никуда их не посылал, не рискнул после неудачи с диссертацией.

Ещё ездили всей компанией получать ордена и медали в штаб армии. Орденами наградили ещё прошлой осенью, а медали свеженькие: за победу над Германией, за Москву, за Кенигсберг.

В середине июня получили приказ свернуться, сдать лошадей, машины, всё лишнее имущество и готовиться к погрузке. Радовались, рассчитывали, что едем на расформирование. Но были и сомнения - очень много частей ушло на восток из Пруссии.

Погрузились в товарные вагоны, как четыре года назад, только с нарами, и отправились в Россию. Ждали, что поедем в Череповец, но проехали Москву, повернули на восток. Когда перевалили за Урал, осталось только гадать - в Монголию или в Приморье?

Грустное это было путешествие, как помню. Ехали целый месяц, надоели друг другу до чёртиков.

… … …

За это время были события: майор крутил приёмник и немного рассказывал. В Потсдаме шла конференция глав стран союзников. Обсуждали послевоенное устройство, проект ООН. Из старых членов остался только Сталин. Рузвельт умер, хороший человек, пришёл Трумен. Не симпатичный. Черчилля "благодарная нация" неожиданно провалила на выборах. Небось, горько ему было - столько сделал для победы. Пришли лейбористы, лидер - Этли, бледная личность.

Главная новость из высших сфер - испытание атомной бомбы. Наши официозы только мельком сказали, но Запад шумел. Майор - верный товарищ, чуть-чуть приоткрыл нам, что говорили западные радио на русском языке. Подробности я узнал недавно, но писать уже не стоит. Был большой толчок нашей науке. Однако, как пишут, Сталин будто бы и вида не подал, что оценил, когда Трумен ему сказал о взрыве.

… … …

Выгрузились на станции Лесозаводск в Приморье, и снова началась военная жизнь. Имущества много, вплоть до рентгена. Нас определили в 35-ю армию, что простояла всю войну на дальневосточной границе.

На второй же день я поехал разыскивать Бочарова, зная только, что его 5-я армия где-то здесь. Ехал поездом, машинами, расспрашивал военных и добрался до штаба армии. Аркадий приехал только к вечеру, и мы проговорили до утра. Сделал ему подробный доклад об Угольной, о Каменке, о Хоробичах, о Карнациске, о 35 высоких гипсах, об ушивании раны легкого. Никто так не понимал военную хирургию, как Бочаров. Он тоже рассказывал о своей армии. Конечно, у них было гораздо лучше нашего, даже сравнить нельзя. Специализация с 43-го года, транспорта много больше. Смертность по тяжелым ранениям значительно ниже. Но до ушивания ран легких, до вытяжения бедер и первичных резекций колена они все-таки не дошли, он признал. Похвала Аркадия была мне очень приятна. Утром он проводил меня на своем "виллисе" до станции. Дружба наша продолжалась потом лет двадцать пять, до самой смерти Бочарова, уже генерал-лейтенанта, заместителя главного хирурга Советской Армии, профессора.

… … …

Потом мы пережили рецидив войны. К счастью, короткой.

9 августа утром началась артподготовка. "Опять стреляют! " Ничего, кроме раздражения, эта музыка не вызвала. Через

несколько часов стали прибывать раненые, необстрелянные дальневосточные ребята. На нашу долю пришлось всего человек двадцать - "семечки" для нас.

14 августа приказали срочно свернуться и отправляться в Маньчжурию. Скоро услышали, что японцы капитулировали. Обрадовались, но теперь ехать вперёд вдвойне не хотелось: "Зачем?"

Следующие сутки были последним испытанием доблестного ППГ-2266. На санотдельских машинах, под лёгким дождичком, повезли к реке Уссури, к границе. Нас завернули на обочину километра за два до реки. Пошли смотреть.

На понтонном мосту - шлагбаум, патруль, охрипший полковник, несколько его подручных офицеров. Со всех сторон на них наседают жаждущие наступать. Не пускают никого. Оказывается прошли дожди, размыли дорогу, непроезжая. Запрещено. Нужно ждать солнышка, чтобы просохло.

Под вечер, когда надежды на переправу исчезли, нам приказали идти пешком в некий населённый пункт, который указали на карте, для того, чтобы оказывать там хирургическую помощь. Это километров десять от границы.

Приказ есть приказ. Дальневосточный, то есть не воевавший подполковник не стал слушать начальника: "Выполняйте!" Быстро перетряхнули свои ящики, собрали всё необходимое, чтобы можно было сделать полостную операцию, распределили и двинулись.

Надо думать, что колонна была смешная: впереди толстый начальник, за ним майор и дальше мы: врачи, сёстры. Санитаров было всего восемь - Канский, конечно, Бессоныч, Кравченко. Вооружение - пистолеты у начальника и майора. Полковник на мосту удивился, посмеялся, но пропустил.

Засветло прошли немного. Дорога была разбита, грязи по колено, кругом болота, заросшие высоченной травой, никакого жилья не видно. И тучи комаров.

Колонна растянулась на километр. Когда стемнело, стало страшновато. Один японец мог перестрелять нас из тростника. Часам к двенадцати заметили впереди огонёк. Оказалось - несколько покинутых фанз, в одной - солдаты, костёр. Тут и свалились полумертвые от усталости.

Утром обнаружили невдалеке тот самый пункт, куда шли. Это оказалось что-то вроде японской пограничной заставы. Днём, действительно, привезли одного раненого в живот, и мы использовали имущество, принесённое на себе: сделали лапаротомию. Раненого не спасли, экспромты в хирургии не проходят.

К вечеру дорога подсохла, пришли машины с имуществом, забрали нас и повезли куда-то. Два дня путешествия по Маньчжурии, китайцы всюду приветствовали нас. Кричали:

- Шанго! Шанго!

Не знаю что это означало, но лица - радостные.

Наконец развернулись в городе Боли и даже приняли около сотни свежих раненых. Не помню - откуда. Через пару дней их эвакуировали.

На этом окончилась наша последняя война.

… … …

В середине сентября госпиталь вывезли в район Владивостока - на станцию Седанка.

Месяца полтора "персонал" разъезжался отсюда. Сначала проводили демобилизованных санитаров, потом отпустили младших сестёр. Уехала Лидия Яковлевна, не простившись. Пришла наша очередь: мы с Лидой были направлены в другой ППГ. Последними оставались начальник, майор, Канский и хозяйственники. Кажется, они оформляли ликвидацию ещё недели две.

Так умер ППГ-2266.

Со многими мы с Лидой встречались после демобилизации. Анна Васильевна долго работала в Брянске и в Киеве. С Быковой дружили в Брянске до самой её смерти. Многие годы заезжали к Зиночке в Москву. А вот Канский - как в воду канул. Майора и начальника мне видеть не хотелось.

28. Заключение.

Когда переписывал свои записки, всё время оценивал и свою работу, и товарищей, думал о народе, о войне, хирургии. Нужно эти мысли записать.

Море страданий человеческих. Свыше 40 тысяч раненых, большинство - лежачих, тяжелых. Почти тысяча умерли. Это только в нашем маленьком ППГ на конной тяге, рассчитанном на двести коек, с пятью врачами.

Какие они были молодцы, наши раненые! Мужественные, терпеливые - настоящие герои! Но сами о себе, о своих подвигах они рассказывают просто, как о чём-то будничном.

Вот какие свои записки, писанные в Эльбинге в мае 45-го, нашёл я среди черновиков научных работ.

"Да, о героизме. Какой героизм можно увидеть в полевом госпитале? Немец нас не окружал, в атаку наши санитары не ходили. И даже странно сказать - я мало слышал рассказов раненых о героических подвигах. "Приказали... поднялись... пошли... он строчит... мы идем... он побег... вскочили в его окопы... " А чаще даже не так. "Лейтенант кричит: "Вставай! Пошли!" - а он строчит... головы не поднять... лежим, не глядим на лейтенанта. Тут он опять: "Вставай!" Пистолет вытащил и стал вылезать из окопа: "Ну, и х..... с вами!" Пришлось и нам... Побежали... вперед... Тут его убили, а нам вроде стыдно стало, старшина нас повёл... Так и добежали до их окопов... Тут в меня один фриц выстрелил. Хорошо, что не убил". О таких лейтенантах я слышал не раз. Но сами они рассказывали иначе: "Капитан звонит: "Поднимай своих!" А мои все лежат в окопчиках, головы не поднимают. Немец бьёт из пулеметов сплошь. Где же их поднять? Звоню: "Александр Иванович, не поднять мне! Подави вон те точки... " А капитан в ответ только материт: "Приказ!" Что будешь делать? Приказ! Кричу своим: "Вперёд! За Родину! За Сталина!" Побежал вперёд, и что вы думаете? Поднялись - один, другой... побежали. Ну, думаю, теперь только бы подальше пробежать, пока не стукнут. Бегу что есть духу, на них не оглядываюсь, слышу, что кричат... "Ура!". Думаю: "Добегите, миленькие!" Но тут меня стукнуло... упал и сознание потерял, потом очнулся, подумал: "Вот и всё, мамочка..." Но видите - ожил... не бросили меня мои, вынесли."

За всю войну мне не довелось быть свидетелем броских, эффектных, героических поступков, кроме того отчаянного летчика в октябре 41-го в Сухиничах. Но я видел другой, повседневный, ежечасный героизм, видел массовое мужество.

Нужно мужество, чтобы переносить страдания. Страдания: физическая боль - острая, когда снимают повязку, когда распирает бедро, пораженное газовой флегмоной. Когда трется гипс о пролежень на крестце. Когда месяцами болит голова после ранения черепа. Голод и жажда челюстного раненого, с развороченным ртом, не глотающего, которого не могут накормить, пока не привезут к специалистам. Страдания: холод, отсутствие постели, неудобное положение в гипсе. Сколько из них плакало и кричало в палатках, при перевязках и наших хирургических процедурах? Единицы... Кто из них просил себе частного, отдельного снисхождения или льготы по тяжести ранения или по чину? Единицы.

А мужество принятия решения? "Нужно отнять ногу..." "Нужно сделать резекцию сустава. Да, нога гнуться не будет".

Героический наш народ. Мужественный, терпеливый, стойкий. Это не просто дисциплина. Это величие духа.

Низкий поклон им, всем раненым, которые прошли через наш ППГ, через все госпитали.

Звучит напыщенно, но это так и есть.

... ...

Вот уже прошло 55 лет после войны. Много я перечитал за это время.

Прояснилась ли истина о войне? Нет, не прояснилась. При советской власти её больше затемняли, чем проясняли. Говорилось: Мы - мирная страна. Гитлер напал вероломно. Внезапно. Смех! Как будто не знали, кто - Гитлер? Дескать, мы готовились, но не успели. Но нет официальных цифр - как готовились? Сколько было танков, самолётов? Каких? Сколько дивизий?

Вот недавно появился Суворов - беглый чекист из ГРУ и написал скандальную книгу "Ледокол". Сказал: Сталин сам готовил нападение на Германию, но не успел. Что у нас был огромный перевес в вооружениях. Что страна была отмобилизована. Недавно мелькнуло в прессе, что и Жуков в генеральном штабе готовил планы вторжения, но какие-то слабые, и Сталин их будто - бы забраковал. Не солидно.

Суворову я не очень поверил. После перестройки должны были появиться истинные цифры об оружии и войсках. Не появились.

Но кое-что есть. Танки и самолеты "новейшей конструкции", (устаревших не считают). Так вот: в июне 1941 преимущество немцев было 1:3, в декабре - по танкам - сравнялись, по самолетам мы отставали 1:1,2. Но производственные мощности и конструкции оружия были, поэтому и произошёл в 1942 перелом

в соотношении сил. К концу войны он достиг 5:1 в нашу пользу.

Впечатление? Была какая-то фатальная военная глупость Сталина. Обманули его немцы дезинформацией. Репрессиями он уничтожил лучших генералов и задавил остальных: они могли только поддакивать вождю.

Мнение: планов завоевать Европу не было. Было нагромождение военной мощи из панического страха перед Гитлером. Но не было настоящего руководства армией. В результате - неразбериха и поражение.

Да, Сталин умел побеждать. Но только тем, что не жалел людей. Это - и стройки, и колхозы (голодомор). Но больше всего - война. Цифры потерь менялись и не достоверны до сих пор. Точных - просто не существует. Самые вероятные: страна не досчиталась 20 - 25 миллионов. Это - в четыре раза больше, чем немцы и раз в двадцать больше союзников.

Генералы завоевывали победы трупами солдат, а вовсе не гением. Кстати: недавно всплыла интересная цифра: 300 000 положил Жуков только для взятия Берлина. Торопился, видите ли. Зачем? Город и так лежал под ногами.

Такой была и вся война.

Глава пятая. Москва. Брянск.

1. 1945 г. Еще раз Манчжурия.

Итак, ППГ-2266 умер. Мы с Лидой получили предписание ехать на какую-то станцию, не помню, в госпиталь 497, к начальнику Гарелику.

Упаковали чемоданы и ноябрьским вечером нас посадили в поезд. Ехали часа три. Приехали уже в темноте. Ночевали у добрых людей.

Какая неприкаянность! Как будто от родной матери оторвались.

Утром нашли госпиталь, на окраине посёлка, в военном городке. Комсостав жил в "фанзе", этаком круглом доме из досок на манер чукотского чума. Тесно и скучно прожили целый месяц. Отвратительное настроение. Не было желания что-нибудь делать, все казалось сугубо временным. Начальник - молодой энергичный капитан, Саша Горелик, я его знал по прежней армии. С ним жена, не ППЖ. Собака овчарка. Еще служили трое врачей, молодые женщины. Одна интересная (замечал, Амосов!). Но имена забыл.

В конце декабря получили приказ выехать в Манчжурию и возглавить лагерь японцев, в котором свирепствует сыпной тиф.

Прислали студебеккеры. Погрузились. Поехали. Мороз 20 градусов.

Прибыли в город Мудедзян, километров двести. Выгрузились в большом посёлке, бывшем военнном городке японской армии.

Боже мой, какая жуть! Почти как в Гомеле или Кенигсберге. Одноэтажные дома, улицы, перекрестки. Но от домов - одни стены. Даже крыши не везде. Не только рамы - косяки, полы выломали китайцы. Мстили?

Но всё-таки нашли обжитый район - команда и комендант, двадцать солдат и пьяный капитан. Чуть дальше японский военный госпиталь, их ППГ. Окна вставлены, стекло, фанера. Крыши и дым из труб. Живут люди.

Наше докторское дело телячье - сиди и жди. Комендант нашёл дом, несколько целых комнат с печками и даже дровами. Выгрузились, стали печки топить и греться. Начальство с хозяйственниками пошло дела делать - дома занимать, имущество разгружать, ремонт начинать. Но, прежде всего, горячую пищу. Полевой госпиталь всё имеет: походная кухня, котлы, кипяток. Через час уже еда готова. Живём! Мрачно шутим: "ППГ в своей стихии".

Пришёл начальник, Саша. Дал информацию.

Лагерь военнопленных, около 500, точно никто не знает.

Карантин из-за тифа. По идее есть организация - команда солдат и японский госпиталь. В действительности - хаос и вымирание. Лагерь не охраняется, пленные убегать боятся - китайцы тут же убивают. Японцев кормят сухим пайком, но в действительности голод - команда продаёт и пропивает продовольствие. Госпитальные себя кормят, но никого не лечат. Задача: оздоровить лагерь.

Посовещались с Сашей. У него вся полнота власти, есть приказ свыше. Наметили: сортировка и учёт. Больных собрать вместе, вымыть, лечить. Крепких заставить работать. Дел много: утеплиться, отопиться. Кормление из кухни. Прожарить одежду. Проверять на вшивость и заболевания. Здоровых после карантина и переболевших отправлять на советскую территорию. Тифозных принимать из других лагерей.

Вызвали японца начальника госпиталя. Крупный, очень вальяжный, одет по форме. Есть переводчик. Заявляет:

- Не признаем себя побеждёнными: Микадо приказал сдаться.

Саша припугнул:

- Не будем выяснять. Командуем мы, за неподчинение - расстрел.

Пошла работа. Планы выполнялись, фронтовой опыт.

Помню первый обход бараков для сортировки "контингента".

Входим: начальник, врач - японец, с ним их переводчик и писарь. Потом я, хозяйственники. В бараках адский холод. Дыры в окнах. Сидят на корточках у стен, другие лежат, ослабли.

Офицер что-то кричит с порога, наверное, наше "Встать!".

И вот чудо: полумертвые встают, шатаясь, строятся. Снова команда, отвечают хором странным грудным звуком, вроде: - О... о... х!

Кто поднимается лениво, или молчит, того офицер бьёт по лицу. Слабых поддерживают. Они падают, как только офицер проходит дальше.

(Думаю: "Да,... а сильны япошки! Это не немцы. И не русские.")

Сортируем, даем бирки, писарь переписывает. Совсем слабых ведут и грузят в машину. Сильных уводят хозяйственники. Строем ведут!

Навели порядок за два дня. "Вошебойка" дымит круглые сутки. Рядом в домике что-то вроде бани (воды мало), сидят голые, ждут одежду. Сухие пайки прекратили, обед из кухни, кипяток, сахар и хлеб. Оказалось, что нормы приличные: консервы, крупы, рыба, жир. Хлеба - 600 гр.

Японские сёстры и санитары очень пригодились, а с врачами контакта не получилось, лечили мы сами.

Главное открыли барак на 100 мест. Вместо кроватей были носилки и топчаны. Белья и одеял госпиталь имел в избытке: "трофеи наших войск". Было и всё другое имущество. Лида, старшая: вспомнила лучшие времена. Заместительницей у ней была фельдшер Хамада - старая, тощая и деловая. Лиду называла: "Лида-сан", госпожа. Младшие сёстры - японки тоже приятные. Была бригада санитаров, очень дельных ребят. Не чета нашим. Врачей и офицеров положили в отдельной палате - дань субординации.

Отношения между японцами нам казались странными. Парни и девушки соберутся вечером у печки, песни поют, не лапают, как у нас, даже не касаются. Офицеры, разговоров с рядовыми не ведут, нас стараются не замечать: чёртовы самураи! Японки - сёстры, наоборот, очень наших полюбили.

Когда тифозные больные выздоравливают, прорезывается зверский аппетит. Бывало крали пайки хлеба из-под подушки соседа. Если кого уличали, старший командовал "смирно" и бил по лицу, на полном серьёзе.

Умирали не часто, только крайние дистрофики. Но всё же почти каждый вечер на околице поселка японцы сжигали трупы - пепел отправить домой.

Лечение сводилось к минимуму: кофеин, камфора при плохом пульсе. Кормили, поили, переворачивали, когда сознание мутилось от высокой температуры. Смотрели, чтобы не убегали в бреду. Вшивость ликвидировали быстро.

Труднее было обустроить помещения для здоровых, карантинных: много ремонтной работы. Но справились. Наши командовали. Японцы работали.

Быт персонала наладился. У нас с Лидой была комната-кухня. Холодная, как во всех домах. Вот когда пригодилась немецкая перина!

Выдавали пачки оккупационных денег - юаней. Что бы их потратить ездили в город на базар. Очень многолюдный, масса китайцев продают с рук сущие пустяки - кусок материи, пачку сигарет, съестное. Цены для китайцев очень высокие, их взвинтили наши военные. Рассказывал начфин, что юани в штаб дивизии машинами привозят. Лида купила несколько японских кимано.

Еще были в гостях в деревне. Русской нищеты много повидал за войну, но китайская - из рук вон. Глинобитный домик, малюсенькое окно, земляной пол, печка и что-то вроде нар-лежанки, под которой дымоход проходит. Грязь первобытная. Угощали нас, много блюд, не вкусно.

На китайский новый год ездили в город. Видели

представления: драконов, фонарики, фейерверки, шествия.

В конце февраля Бочаров, мой друг и главный хирург округа, вытребовал меня к себе, в Ворошиловск-Уссурийский, в окружной госпиталь.

Впечатления от японцев: "О... о... !!!" Сильная нация. Это оправдалось потом в "Японском чуде".

От китайцев, наоборот, слабые. Это не оправдалось. Обманулся.

За полтора месяца, что прожили в Манчжурии, написал вторую диссертацию "Организация хирургической работы в полевом госпитале". Материал: "Книга записей хирурга" и память. Хотелось поучить потомков.

2. 1946 г. Ворошилов-Уссурийский. Кирилл. Отпуск.

23 февраля 1946 года. День Красной Армии. Мы с Лидой едем из Маньчжурии. Зима, холод, дорога между сопками, сидим в грузовике на ящиках и тюках, ветер пронизывает шинель насквозь. И будто бы китайцы даже стреляют вслед: "хунхузы".

Полгода назад, когда японцев гнали, китайцы встречали с ликованием: "Шанго ! Шанго!". А теперь разочаровались: вывозим все японские трофеи, а наши оккупационные деньги сильно подняли цены на базарах.

В Ворошилов-Уссурийский, там штаб и окружной госпиталь, приехали вечером, совершенно замёрзшие. Четырехэтажный "генеральский" дом. Остановилась машина, сползли на землю. Лида осталась греться - прыгать, а я поднялся на третий этаж. Открыл молодцеватый офицер: чёрные глаза, шевелюра с проседью - "кавказский человек". Ждали:

- Ты Коля Амосов?

Вышел Аркадий, расцеловал, сказал "сейчас", сесть не предложил. Через минуту вышел одетый: "Пойдём".

Вот так встреча! Обида, почти слёзы. Дружба побоку? Даже погреться не предложил. На улице поздоровался с Лидой, велел нам забираться наверх, сел в кабину, поехали.

Потом ещё с полчаса стояли около госпиталя, пока Аркаша куда-то ходил. Вернулся с офицером и солдатом, чтобы вносить вещи. Очутились в красивой светлой комнате, с обстановкой.

- Здесь Вишневский жил до отъезда. Располагайтесь, завтра поговорим.

И ушёл. Но в комнате так тепло! Санитарка принесла отличный ужин, обида почти прошла.

На следующий день Аркаша всё разъяснил. У военных, как и везде, квартирный кризис. Бочаров пришел вечером к начальнику госпиталя и сказал: "Прибыл из Манчжурии хирург с женой, о котором договаривались. Совершенно замерзли. Прикажите разместить". Тому некуда деться, велел ночевать в кабинете при отделении физиотерапии, где уже раньше жил генерал.

- Если бы я тебя оставил даже на ночь, квартиры бы уже не получить. Им не надо знать, что ты друг. Пока, не надо.

Тот офицер, что встретил у Аркаши, оказался Кирилл Симонян, капитан. Для меня и друзей просто Кирка. Он числился в штабе, жил у Аркадия - они готовили к печати сборник научных работ хирургов Пятой армии. Способный, чёрт, за машинку

только сел и как стучит! "Я же пианист!"

Меня определили старшим ординатором в травматологическом отделении окружного госпиталя. Начальник - Фамелис, грек, москвич. Очень знающий, но и я не промах. Работы не много, дело подчинённое.

Через месяц нам дали комнату. Почти каждый день ходили в гости к Бочарову. И разговоры, разговоры с Киркой. Очаровывал, был у него к этому талант, очаровывать: санитарку, академика, кого угодно.

"Сын персидского подданного". Отец - армянин, ростовский коммерсант, уехал в Иран вскоре после белых, оставил жену с двумя детьми без средств, на попечение родственников. Бедствовали. Кира много рассказывал о школе: был тесный кружок умников. Среди них - А.И.Солженицын. В 43-м Кира попал на фронт в пятую армию, к Аркадию. Быстро выдвинулся до ведущего хирурга медсанбата. Работал отлично.

После того как от Аркаши уехала одна, скажем так, знакомая, а попросту ППЖ (хирург), Кирка с ординарцем вёл все хозяйство.

Помню, Лида пекла пирог, ставилась минимальная выпивка, и мы очень хорошо проводили время. Главный разговор - о войне. Но уже строили планы на мирную работу и на науку. Сборник трудов закончили, но не напечатали.

... ...

В марте была Сессия Верховного Совета - опубликовали планы на 4-ю пятилетку. Восстановление страны, к 1950 достичь 70% от 40 года.

... ...

В июне (1946 г.) мы втроём поехали в Москву. Лида, уже свободная - кончать пединститут, Киру обещали демобилизовать, а я в отпуск и к Юдину, за протекцией. Аркаша написал письмо и просил за меня. Без блата демобилизоваться молодому врачу на Востоке было немыслимо.

Страна дышала особым воздухом: облегчение, мир внешний и внутренний. Аресты тридцатых годов заслонились потерями войны. Имя вождя сияло, рапорты заводов и республик "дорогому и любимому" печатались в каждой газете. О новых репрессиях ничего не было слышно, скрывали очень тщательно, научились. Приступили к восстановлению производства. Профессорам удвоили зарплату: поняли цену науки.

Запомнилась дорога с Дальнего Востока. Переполненный вагон. Поезд в Ворошилове брали штурмом, с помощью солдат. Одна полка на троих. Путь - 12 дней, долгие остановки на станциях, очереди у будок "Кипяток", скудные пристанционные базарчики, оборванные дети с ведёрками из консервных банок:

"Подайте, дяденька!" Безногие инвалиды с медалями на заношенных гимнастёрках. Уборные со сплошь исписанными стенами. Мы с Кирой специально изучали солдатский фольклор. "Нынче новая программа срать не меньше килограмма".... дальше совсем непечатное. Миллионная армия, что прокатилась на восток и назад оставила следы "на скрижалях".

Сделали остановку в Ярославле: новую жену показать и лишние вещи оставить. По поводу жены - волновался. Не любят невесток, да и Галю помнят. Но всё сошло хорошо, Лида умела себя вести.

Из Ярославля сделал марш-бросок в Череповец: нужно вещи забрать, с друзьями повидаться. Прожил два дня.

Череповец был близко от фронта - около двухсот километров. Город не пострадал, всего несколько бомб сбросили в вокзал. Но голода хватили.

Мои вещи, что оставлял у знакомой докторши проели. Обиды на это не держал. Спасибо, что бумажное имущество сохранили: дипломы, книги, письма. Тетрадки с "теориями".

Ходил по городу, по гостям. Минуло пять лет, а впечатление - как вечность прошла. Зачем-то собор снесли. Александра Николаевна умерла. Лёнька Тетюев вернулся с войны инвалидом. Рука не гнулась после ранения, на скрипке играть не может. К выпивке пристрастился. Но уже был при хорошем деле - лесопильном, шло строительство металлургического комбината. Его мать, Титовна, умерла, у Жени двое детей народилось. Катеньку, операционную, видел. Замуж вышла, ребёнок есть. Рассказала больничные новости: Борис Дмитриевич постарел, его выпирают на пенсию, а он не хочет. Из-за этого я даже не пошёл к нему: жаловаться будет, а что я скажу (...по-жлобски поступил, Амосов...)?

На обратном пути перечитывал старые письма. Те, что от женщин - порвал. От соблазна. "Моя судьбы уж решена... я вышла замуж... ". Нет, зарок себе тогда не давал.

По дороге из Ярославля в Москву украли самый главный чемодан - в нём было наше парадное обмундирование, Лидины вещи. Не помню, чтобы очень переживал. Когда что-нибудь безвозвратно пропадает, я всегда себе приказываю: "Отринь!"

В Москве ночевали у Кати Яковлевой, нашей сестры. Год назад я оперировал её по поводу тяжелой язвы желудка. Побоялся сделать резекцию, наложил соустье, потом она всю жизнь мучилась, а я себя клял за трусость.

Яковлевы жили в двухэтажном деревянном доме на Таганской улице, настолько дряхлом, что стены были подперты брёвнами (теперь его уже нет - искал). Но квартира в полуподвале

уютная по моим тогдашним стандартам. Приняли с той особой русской теплотой, от которой душа тает.

С трудностями доехали в Харьков - в гости к тёще, Екатерине Елисеевне Денисенко. Ей тогда было немного лет, около пятидесяти, но казалась старше. Зятя принимала, как положено. После этого свидания мы с ней мирно сосуществовали двадцать лет. Я не зря написал это политическое слово: душевности в отношениях не было, звал по имени-отчеству, "на вы", голоса ни разу не повысил. Она отвечала тем же.

Отец Лиды, Василий Михайлович Денисенко происходил из рабочей семьи, из Кривого Рога. Был шахтёр, очень энергичный, рано вступил в партию, быстро пошёл на выдвижение: судья в сельском районе, потом секретарь райкома. Потом, так же быстро в верхи - аж первым секретарём обкома в Смоленске. Проработал секретарем пару лет и был направлен в Академию Общественных наук. Там его застала война. Мобилизовали и отправили на фронт, в чине полковника. В 1945 заболел раком и умер.

В семье, кроме Лиды, были еще сестра Рая, геолог на Колыме и брат Коля, студент в Харькове.

Когда немцы подходили к Смоленску, семью эвакуировали в Коми-Пермяцкий округ. Там тёща работала на хозяйственной работе.

Лида после средней школы училась в Днепропетровском Университете, перевелась к отцу в Смоленский пединститут, в 41-м кончила третий курс. Из рассказов Лиды секретарь обкома жил скромно: три комнаты и полдома - дача.

3. 1946 г. Демобилизация.

На Украине в то лето была сильнейшая засуха. Уже в июне в парках Харькова пожухла трава и сморщились листья. Последствия были тяжёлые - не так как в 33-м, но смерти от голода бывали. Это, однако, позднее, уже зимой.

А в июне было хорошо. У Елисеевны две комнаты. Сын Коля кончил школу, поступил в институт. Продукты по карточкам, базар, деньги есть. В комендатуре паёк выписали на отпуск, получил.

Отдыхали. Читали. Гуляли. Харьков большой и красивый, разрушений от войны не видно. Ели домашнюю пищу.

… … …

Меня не покидала забота: как избавиться от армии?

Когда, после месяца отпуска, я приехал в Москву, Кира уже работал в институте Склифосовского и даже женился. Тесть, делец, его демобилизовал. Жену тоже звали Лида, она была из того же ростовского школьного кружка.

Мне предстояло трудное дело - просить у Юдина протекции для демобилизации: нож острый.

И вот Кира привёл меня к шефу. Он уже был здесь как свой - умел подойти! Нет, я не завидовал таким… Не нужно мне.

Кабинет Юдина. Сергей Сергеевич только что пришёл после операции. Встречался с ним в 1942 году, но я не напоминал. Клеёнчатый фартук с капельками крови висел у двери. На стенах фотографии корифеев хирургии с личными надписями. Старинный письменный стол, с разными штучками. Описать лицо Юдина невозможно: худое, в непрерывном движении. Руки его рисовал кто-то из крупных художников, не помню.

Представление:

- Вот это Коля Амосов, ближайший ученик и друг Аркадия Алексеевича…

Довольно безразличный взгляд. Взял письмо, прочитал.

- Не могу вам помочь. Мне ещё самого Аркашу надо добыть. Возможности мои ограничены.

Ну что ж. Значит, так и будет. Не обиделся. В жизни ни разу по знакомству не пробивался. Как все, так и я. Будем служить. С тем и ушли.

Ночью меня осенила идея: а что, если использовать мой второй инженерный диплом? Организовалось новое Министерство медицинской промышленности, инженеров нет, а я с двойным образованием.

Не хотелось, но снова пошёл к Юдину, уже без Киры.

Рассказал идею. Он сразу же загорелся:

- К Третьякову, к министру!

Вышли во двор, выгнал из гаража машину, усадил. Теперь могу похвастать: сам Юдин меня возил на машине. Помню, немецкая, бежевого цвета, открытая. Личные машины у профессоров тогда были крайне редко.

Мимо швейцара, контроля, почти бегом, прямо в кабинет к министру.

- Вот (не помню имени-отчества), я вам привёз инженера и хирурга. Для вас - просто клад! Помогите, и будем его использовать пополам!

Третьяков был человек спокойный, доброжелательный, дело решил быстро: выдали ходатайство в Главное медико-санитарное управление армии. И я исчез. Два дня потом добивался к начальству, но бумага сработала, резолюцию получил. Подполковник вручил предписание и напутствовал.

- Демобилизовываться придется в Ворошилове. Туда придет приказ.

Лида оставалась в Москве, её приняли заканчивать педагогический институт, а я поехал снова на Дальний Восток.

Тогда же познакомился с женой Аркаши, Анной и тёщей. Они жили в маленькой квартирке в районе метро Бауманская. Бабушка была в прошлом стоматолог, но из "бывших". У Татьяны был муж - министерский чиновник и дочь Ирина, кончала школу. Обе семьи были очень дружны.

Анна и Ирина поехали со мной на Восток, в гости к Аркаше. То ли он приглашал, то ли сами напросились. Сделали роковую ошибку.

События развивались так. Аркаша был очень рад гостям (был ли?). Женщины взялись за хозяйство, разговорились с соседками и получили информацию: - У полковника была ППЖ.

Боже, что тут началось! Истерики, слезы....

Анна измену мужа переносила трудно. Отлучила его от себя почти на год. Разговаривала только по необходимости. Дорого обошлась Аркаше ППЖ!

Я терпеливо ходил к ним в гости, чтобы разряжать обстановку. Подружился с Ириной, потом вместе возвращались в Москву оставив Аркашу на съедение Анне. Следующий раз я увидел их через два года, но и тогда ещё Анна подпускала шпильки мужу.

Проработал в госпитале месяц, пока не пришёл приказ. Написал за это время ещё одну, третью уже, кандидатскую диссертацию: Предыдущую, вторую, об организации госпиталя, Аркаша решительно забраковал. Новая называлась: "Первичная

обработка ран коленного сустава". Все материалы были в "Книге записей хирурга" и статьях написанных в Восточной Пруссии.

... ...

Грустный и неприятный период жизни - Москва 46-го.

В доме, где жила Катя Яковлева, нам сдали комнатку - четыре квадратных метра. Стояла железная кровать, комод, столик и стул. Свободного места не было. Когда приезжала сестра Лиды - Рая, я спал на полу, но ноги находились под кроватью. Готовили на керосинке, ею же отапливались.

При демобилизации в военкомате выдали на два месяца паёк: три кило крупы, несколько банок консервов и много буханок хлеба. Его доедали уже заплесневевшим. Лида получала студенческую карточку, но отоваривали плохо. От такого питания похудел, и голова покрылась коростой. Впрочем, не стоит преувеличивать, настроение портилось не от этого.

Я не работал целый месяц. Ходил в медицинскую библиотеку и читал иностранные журналы, в основном по военной хирургии. Но как их хирургия и условия отличались от наших! Они уже свободно оперировали ранения груди, пневмоторакса не боялись. При переломах применяли металл для скрепления отломков. О гипсе не писали.

В декабре, как договорились летом, Юдин взял меня заведовать главным операционным корпусом Института Склифосовского, хотел чтобы я привел в порядок технику. Операционная когда-то была хорошо оборудована немцами. Всё было запущено. Юдин жаловался, что сам должен надевать шоферскую робу и смазывать столы, когда они совсем теряли подвижность. В Министерство к Третьякову, я не пошел , никто не напоминал.

Обязанности мои были несложны - составлять расписание операций - было четыре операционных на шесть столов, смотреть за порядком, подписывать рецепты. Ещё одно: каждый день чинил эзофагоскопы. К другой технике что-то не лежали руки. Делать мне было просто нечего, поскольку была ещё старшая операционная сестра - очень активная женщина.

Всё-таки я много насмотрелся в институте Склифосовского. Обычно до конференции делал утренние дела и шёл в операционную.

Замечательные были хирурги. Сам Юдин величина мировая, к нему ездили из Европы и Америки. Главное - была у него "харизма", как теперь говорят. Ученики: Б.А.Петров, Д.А.Арапов, Б.С.Розанов, А.А. Бочаров. На войне были главными хирургами фронтов, флотов, армий. Теперь тесновато им было всем вместе. Особенно Петров стал в оппозицию к шефу.

Ко мне отношение институтской элиты менялось. Сначала, пока работал - не замечали ("бродит тут какой-то мальчишка"). Потом, когда приезжал из Брянска - приглядывались. Потом я их ещё успел перегнать.

Как относился Сергей Сергеевич?

Спустя годы, он говорил - "Мой ученик! "Хотя я даже скальпель в институте не держал. Нет, ни к какой школе я не принадлежал, учителя у меня не было. Честно. Был друг - Аркаша, да. Но кое-что у юдинцев подсмотрел - да.

… … …

Не прижился я тогда, в 46-м, в Москве. И не потому, что комната была в четыре метра, еда плохая и короста на голове. Работы не было, хирургии.

В должность, заведовать операционной, я вступил с 1 декабря 46-го. К Новому году уже знал - это не для меня ! С 18 лет, с электростанции, привык командовать и делать дело. А тут - вовсе безделье.

Сначала смотрел операции, на два месяца хватило. У Алофёрова и Стасова таких не видел: внутригрудные резекции пищевода или удаление рака кардии через живот. Спинно-мозговая анестезия обезболивала всё под диафрагмой, на три часа. Оперировать - благодать!

Хороши операции, нет слов, но трепета почему-то не испытывал. И смотреть чужую работу надоело. Отравлен самостоятельностью: "Дай мне, и я сделаю".

Но никто не предлагал даже ассистировать. А дурацкое самолюбие не позволяло просить. Кира отлично вписался в этот быт, а я - нет. Технику я тоже не наладил - мастерской нет, да и сердце не лежало. Тошно мне было ходить в институт. Развлекали только утренние конференции - Юдин, как артист!

Поэтому я изучал объявления в "Медицинском работнике", ходил в Минздрав. "Вон из Москвы! В глушь, в Саратов! "В Саратов, точно, не светило, хотя бы в городок, тысяч на пятьдесят жителей. Трудно было устроиться после войны - много таких активных фронтовиков, как я, вернулись с притязаниями на должности. И с арапством.

… … …

Москва зимой 46-47-го была мрачна и голодна, год был неурожайный. Карточки отоваривались, но продукты были плохие и с очередями. Рынок непомерно дорог. На военные сбережения надо было ещё одеться. Единственная гимнастерка надоела. Поэтому ходил на барахолку, купил пиджак, почти новый, и пальто. Вот если бы ещё хирургия.

Кирке не завидовал, ординаторское положение меня не

прельщало.

1947 год встретили с однополчанами: аптекарша Зиночка, сестры Аня Сучкова, Катя. Очень весело. Запомнилось огромное блюдо винегрета.

Про тайную жизнь общества имел сведения от Кирки. Общее впечатление - примирение и привыкание. Старое Сталину простили, о новом заходе, аресте всех бывших военнопленных, знали не многие. Процессов теперь не устраивали. В войну поднимали Отечество, вернули стране историю, даже с церковью заигрывали. Казалось, вождь одумался. Если бы не эти газетные письма трудящихся! Сколько можно?

Однако два товарища Киры из их школьной команды, сидели в тюрьме, в 44-м их арестовали, ещё на фронте. Один из них Санька Солженицын. Его невеста (или жена?), Наташа, училась в аспирантуре и приходила к Кире. Слышал её рассказы о передачах, допросах, видел слёзы. Вот их история в общих чертах: друзья, фронтовые офицеры, обменялись письмами, в которых нелестно отозвались о вожде народов. Их тут же замели.

… … …

В феврале 47-го мы получили письмо из Брянска, от бывшей старшей сестры Быковой: писала, что в областную больницу ищут главного хирурга. "Может, приедете? " Я помчался тут же.

Брянск после Москвы - маленький, а после войны - большой. Больница вполне приличная, здание выстроено перед войной. Пожилой главный врач, интеллигент до революции - Николай Зинонович Винцкевич, терапевт. Принял хорошо. В активе у меня мало: стаж 7 лет, из них 5 - война. Ещё работаю в прославленном институте. К тому же диссертация готова. Вот только вид был уж очень заморенный, Николай Зинонович даже спрашивал у Быковой : здоров ли?

В общем, пригласил зав отделением и главным хирургом области.

Юдин меня не задерживал. Думал, небось: "Надежд не оправдал. Технику не починил. Неконтактный". Только и сказал:

- Что ж, поезжайте.

Кира осуждал:

-Тут карьера, московская прописка, комнату получишь, диссертацию защитишь. В провинции закиснешь!

- Ну нет! Главный хирург области! О чем ещё можно мечтать?

Вещей собралось изрядно, ехали насовсем. 10 марта вечером распрощались с Москвой, шел снег с дождем.

Да, по поводу диссертации - давал почитать Арапову. Он сказал:

- Хорошо, пойдет. Только выброс рассуждения по механике

ран. Не поймут. Себе напортишь.

Я жалел, казалось, самое умное. Но выбросил.

4. 1947-52 гг. Брянская хирургия.

Брянские годы, с 47-го по 52-й, самые светлые в моей жизни. Испытал хирургическое счастье, дружбу с подчинёнными. Потом такого уже не было.

Дело чуть не кончилось катастрофой в самом начале. Мой предшественник оставил больного после резекции желудка. Пятый день, а его рвёт - "непроходимость соустья". Нужно оперировать. Непросто переделывать чужую работу, шансов мало. Но без этого - смерть верная. День ходил вокруг, сомневался. Ещё сутки переливали физраствор, а потом взяли на стол. Трудно отделить неправильно пришитую к желудку тощую кишку, наложить новое соустье. Возился четыре часа.

На следующий день пришлось ехать в район. Два дня меня не было. Возвращаюсь в тревоге, а больного опять рвёт.

Говорю ему:

- Нужно снова оперировать!

- Нет уж. Я тебе не мешок - разрезай да перешивай. Не дамся. Так умру.

Ну, что скажешь, друг? Первая операция - и смерть. Собирай чемоданчик.

Ещё два дня переливали жидкости, отмывали содержимое желудка через зонд. Мужик уже совсем доходит. На третий день через дренажную трубочку из полости живота отошло кубиков двести жидкого гноя и проходимость пищи восстановилась. Репутация была спасена и даже упрочена - непросто было решиться на такую операцию сходу после приезда.

- Амосов! Бог тебя любит.

… … …

Из Брянска я часто ездил в Москву. Лёгок был на подъем. Дела с диссертацией, совещания областных хирургов и просто так, в библиотеку, почитать иностранные журналы. Весной на конференции в институте демонстрировал историю болезни: ларинголог проткнул пищевод при удалении косточки. Возникло гнойное воспаление средостения, умирал человек. Я сделал уникальную, для того времени, операцию - вскрыл заднее средостение, дал сток гною и спас больного от верной смерти. Юдин выслушал моё сообщение, удивился, видимо не ждал такой прыти от беглеца. Но похвалил.

Летом 48-го года всех хирургов поразило, как громом - Юдин арестован! И Марина, его помощница, тоже. Дело так и осталось тёмным. Клеветников всегда было достаточно. Подозрение падало даже на учеников.

По институту Склифософского как чума прошла: имя шефа вычеркнуто, говорят о нём только шёпотом. Старшие ученики - профессора, молчали. Да и много ли после 37-го года было смельчаков, чтобы защитить учителя? Увы!

Никого, кроме Марины, не посадили, но Киру перевели заведовать отделением в городскую больницу. На пользу ему пошло - сделался хирургом.

… … …

Хирургом меня сделала война. Но настоящим - Брянск.

Мы выгрузились из вагона 10 марта 1947 года. Шёл снег. Встретил шофёр Толя с машиной. Мы потом с ним дружили.

Приехали. Явился к Винцкевичу. Он велел показать квартиру. Да, да, целых две комнаты, с кухонькой в домике во дворе больницы. Хоромы, после четырёх московских метров. Правда, до уборной не дотянули - во дворе. О ванной и не говорю.

Нет, я не буду стараться воссоздать картинки из брянской жизни. Многое забыл, выдумывать не хочу. Но вкратце расскажу о людях.

Хирургическое отделение 100 коек. Уже есть один молодой хирург - Шалимов, Саша. Мы с ним поговорили и разделились: у меня мужчины и травматология у него - женщины и урология. Есть четыре ординатора: Наташа Худякова и Ольга Авилова, обе незамужние, обе воевали, живут во дворе, днюют и ночуют в больнице. Они захотели к Саше. Замужняя, не военная, помоложе - Гайнанова Фаина, муж в горкоме, и Рогинская, подруга двух первых, городская. Они достались мне. Потом оказалось - все хорошие.

Лида перед отъездом из Москвы перевелась на заочное отделение, теперь её назначили старшей операционной. Тыл я обеспечил. И нажил головную боль - очень ретивая, службой донимала даже дома. Но это потом.

Коллеги-врачи в других отделениях обыкновенные. Все со мной дружили. Колоритная фигура только гинеколог, Игрицкая, много старше меня, фронтовичка, коммунистка, хотя - поповна. С ней - нейтралитет. Вооружённый.

Должность областного хирурга при Облздравотделе. Заведующий Георгий Ильич Воронцов, тоже очень хороший. Дружит с Винцкевичем. Дочь его - Вера только кончила институт, работает у Игрицкой. Её муж - Исак Асин - патологоанатом. Стал моим другом.

Работа - две должности. Первое - руководить хирургией в области. Это - 23 района. Районные больницы с хирургией, от 10 до 50 коек, 1-3 врача.

Второе - областная больница, отвечаю только за свою

половину.

Предстояла нормальная работа, нужно показать класс.

В области - информация и "единая хирургическая доктрина", то есть общие правила лечения, регламентация. Так решил по опыту войны. И не ошибся. Для этого нужно объехать районы, посмотреть, немного поучить хирургов, собрать вместе, обсудить потом - приказать. И - пригрозить. Как в армии.

О, я рвался в бой! Всегда имел страсть к организации, а тут такое поле. Поэтому, начал ездить в районы, чуть не каждую неделю. Ритуал: телеграфирую, приезжаю на поезде, хирург встречает, ведёт к себе, угощает яичницей с салом, предлагает спиртику - отказываюсь. Беседуем, вхожу в курс дел. Идём в больницу, общий осмотр, есть ли электричество, лаборатория, рентген. Какова поликлиника. Подробнее смотрю отделение, операционную, инструменты, автоклав. Делаю обход больных. На это уходит целый день.

На вечер прошу отчёт за прошлый год, операционный журнал, истории болезни всех умерших, данные вскрытий. Всё это анализирую, проверяю, чтобы сходилось, чтобы не врали, ищу ошибки, "законность" смертей.

После этого всё ясно: квалификация, работоспособность и... нахальство. Это важно, все хирурги хотят делать сложные операции, например, резекции желудка. Но очень немногие готовы к этому и имеют условия.

Сплю в больнице, ем больничную еду - независимость инспекции. Утром провожу беседу по результатам. Достаточно жёсткую. Определяю, что разрешаю делать сейчас, что - осваивать, какую помощь просить у начальства. Доктор, как правило, не возражает, раздавлен фактами и боится начальства.

Через полгода вся область была как на ладони. Осенью пригласил на конференцию. Собрал в зале, чтобы огласить порядок.

Был "бунт на корабле", когда хирурги собрались вместе, то обнаружили, что я самый молодой из всех. Осмелели, начали высказывать недовольство.

Я перетерпел, посмотрим, что скажите потом.

Сначала их нужно "убить". Поэтому начал с показательной операции. К тому времени я уже был на коне - на желудке, кишках, костях, суставах делал любые сложные реконструкции.

Операциями я покорил недовольных - никто из них подобного не делал. Дальше всё пошло, как надо. Отчет с цифрами, выводами, типичными ошибками, установками в каких условиях и что можно делать, приглашение поучиться. С фамилиями был осторожен, нельзя позорить публично. В общем,

бунт подавлен, областной хирург состоялся.

Последующие пять лет не знал горя с областью. Завязались симпатии, хирурги - народ хороший. На ежегодные конференции всегда были научные доклады и свежие операции на легких, на пищеводе. Врать уже никто не пытался. Водки я не пил, подарков не брал. Хотя пробовали.

Отношения с Облздравом были отличные - писанины не требовали, по пустяковым делам не тревожили. "Жалобы трудящихся" - это бич божий для начальства. Чаще всего вздор, но ведь это была обратная связь для верхов.

Зарплата: ставка в Облздраве сначала 1000 ("старыми", новыми -100), а с 1950 набавили до 3000! На них машину купил в 1950-м. Кроме того, полставки платили за хирургию, да Лида получала - жили безбедно. Но почему-то не разбогатели. Только книг накупил много. Одежду, впрочем, завели.

Центр жизни составляла хирургия. Что я был до Брянска в мирной хирургии? Только опыт Череповца. Война дала смелость и полную свободу ориентировки в тканях и органах. Кое-что подсмотрел у Юдина и очень много прочитал в библиотеке.

Свои возможности я знаю - никогда не был блестящим рукоделом. Но хорошим был. Зато знания и выдумка присутствовали всегда. Однако, смелость никогда не обгоняла уменье. Жизнь больного для меня священна, никаких фокусов за счёт риска. Впрочем, это не точно. Хороший хирург без риска невозможен. Вопрос - когда и сколько рисковать. Первое, насколько вообще нужна операция? Сомнительно? - Откажи. Второе, может ли больной найти лучшего хирурга? В Брянске лучше не было. Москва была недоступна.

Самое главное для хирурга - много оперировать. Только опыт даёт уверенность. Ещё - не путать операции с деньгами. Большой хирург - это подвижник, идеалист. К сожалению, на этом многие спотыкаются. Я - нет.

Но обратимся к делу. Моё дело - операции. Понимаю, что это интересно только врачам, а больше хирургам, но как я могу утерпеть, не похвастать в самом главном? Отними хирургию и что останется от меня в Брянске? Мельтешение по науке, скромный быт, книги, застолья без выпивки, автомобиль. Поездки в Москву, Ленинград, в Крым. Дружба? Да, дружба была. Интерес к женщинам? Смешно отрицать, но ведь была Лида. Не размахнёшься! Жена серьёзная, не ругалась, но могла замолчать на неделю, а я не мог, изводился. Но... Бес силен!

Вот динамика освоения новых операций по годам:

1947 г. - желудок, кишечник. 1948 г. - желчные пути. Кости, суставы. 1949 г. - пищевод, урология (уехал Шалимов!). 1950 г.

Удаление лёгких при раке и туберкулезе. Прямая кишка. Операции на нервах.

А сердца не было.

Основная трудность - обезболивание. Весь мир оперировал под наркозом, с аппаратами. Только мы одни, советские, под местной анестезией. А.В.Вишневский, блаженной памяти, придумал методику, пригодную на любой орган и заболевание, в любой больнице. Кроме маленьких детей, они не понимают, что советский гражданин должен терпеть. Во всем терпеть, и в операциях тоже. Метод специально для нищих: не нужно аппаратов, анестезиологов. Копайся себе в паре с сестрой, даже в районе. Если умеешь.

Одних только резекций лёгких я и мои помощники в Брянске и Киеве сделали под местной анестезией свыше трёх тысяч.

Не утерплю, картинка, уже в Киеве. Приехал в 1955-м из Лондона всемирно известный профессор-анестезиолог - Мэкинтош. Просил показать удаление лёгкого под местной анестезией. Я нормально сделал операцию, больная с тяжелейшим туберкулезом не проронила ни звука. Гость сказал:

- Этой девушке нужно дать звание Героя социалистического труда.

Только в 1955 году, когда я пошёл на сердце, пришлось осваивать наркоз. Больная, под местной анестезией, чуть не умерла. Обрушился метод.

Результаты. Не знаю почему, но смертей у нас было относительно мало. От резекции желудка при раке умирали 5%, при язве 1-2%. Лёгочные резекции при туберкулезе - 3%, при раке - 12%. Но при раке пищевода умирали часто.

А вот теперь, уже точно - об операциях - всё, конец.

Будем говорить о жизни?

5. 1950-52 гг. Брянская жизнь. Диссертация.

Хорошая жизнь! После того как первый злополучный больной поправился, всё пошло по восходящей. Рынок оказался дешёвым. Денег достаточно. Квартира тёплая. Городок маленький, ходим пешком.

Есть друзья: Быкова, "Любочка" из ППГ. Журналы читала, музыку по радио слушала ("Ах Лемешев! , Ах Козловский, Иван Семенович!"). Мы ходили к ней раз в неделю: чай, пирог, разговоры, воспоминания. Сплетни. Политика.

Исаак Асин, ("Исак"!) патологоанатом, зять Облздрава Воронцова. Год, как институт кончил. Делает вскрытия наших покойников и исследует под микроскопом удалённые органы. Собирает в бочку с формалином вырезанные части легких, богатейший материал для науки, поскольку в Союзе никто такого не имел. Очень современный. Циник. Бабник. Не дурак выпить. Би-би-си слушает, "контрик".

Отношения с помощницами хорошие. Дистанция соблюдается, они меня "на вы" я их на ты". Кабинета у меня нет, все собираемся в ординаторской. В девять вечера делаю вечерний обход со своей дежурной. Ольга или Наталья сидят допоздна. На мои именины, 6 декабря, Лида устраивала "приём".

Так шла жизнь: в центре всего - работа, около неё - общение. Плюс к этому командировки в районы.

События? Значительных внутренних не помню, разве что отмену карточек в декабре 1947 и обмен денег - для нашей компании безболезненно, накоплений не сделали. Но было много разговоров о потерях спекулянтов и плутнях начальства. После реформы Брянские магазины враз наполнились товарами. Икра в бочках стояла! Бум, к сожалению, был скоротечный.

К компаниям по займам привыкли. Снижения цен приветствовали.

В первый год, в августе дали отпуск. До этого шла переписка с Борисом - личная , с профессором Цимхесом - по диссертации. Он уже в Горьком работал. Приглашал приехать, обсудить.

Ленинград. Борис ещё служит в Ориниенбауме, подполковник, в морской форме. Специально приехал принимать гостей. Коммунальная квартира, на шесть хозяев, большая комната, разгорожена шкафом и ширмой: спальня, столовая, кабинет. Окошко узкое - темно.

Не в этом дело. Борис обрёл семью. Рассказывает.

- Надежда-таки меня достала! (Надежда - врач на родине, у отца. Была любовь). Как мой роман с генеральшей (писал мне

раньше), погорел в 40-м, я и затосковал. Тут Надя в Ленинград прикатила, прописалась, начала меня утешать, старое вспомнили и сошлись. Оженила молодца! Когда война началась, меня отправили на "Ориенбаумский пятачек", начальником санчасти. Там был настоящий ад, расскажу потом.

Замечу сразу, "за рюмкой". Боря начал сильно попивать:

- Единственное спасение.

Было у них второе спасение, только он слабовато реагировал - дочка Маха, двух лет. Чудное дитя, Лида умилялась, а я не оценивал. Не созрел ещё.

Семью вела Надежда, очень энергичная. Борис смахивал на квартиранта - из части приезжал не часто, не мешался в хозяйство, книжки читал. Успел уже поссориться с Партией.

- Вора-начальника разоблачил. Матросов обкрадывал. Добился -исключили. Да нет, не заблуждайся, через полгода восстановили.

Но от социализма мы с Борей пока не отказались.

Ходили с Лидой в Эрмитаж. Третьяковскую галерею и Пушкинский музей я уже знал, а в Эрмитаже не был.

Неделя прошла хорошо. Приятно и полезно.

Потом поехал в Горький по делам диссертации. Там у меня была "база" - наш госпитальный патологоанатом Туров. Мы с ним в Калуге очень подружились. Он вскрывал мои "проколы": в Егорьевске - газовую , в Калуге - умершего от анестезии.

Ходил в город, вспомнил 37-й год, дядю Павла.

Давид Лазаревич Цимхес в Горьком заведовал кафедрой. Принял меня дома, хорошо. Обиды, что сбежал от него в сороковом не держал. Рассказал ему эпопеи с тремя диссертациями. Просмотрел рукопись. Обсудили.

Только не тяните!

С тем я поехал в Ярославль, а Лида за это время съездила к маме.

Дела в Ярославле: никаких сведений о дяде Павле не было. Сына Сережу летом 41-го убили в первом же бою. После войны тетка оклемалась. За мужа её не преследовали. Даже работала в райсовете ответственным секретарем. В работе "нашла себя". В партию вступила! Так странно устроена жизнь.

… … …

Снова пошла брянская жизнь.

Работа по доработке диссертации заняла три месяца. Цимхес представил ее к защите, как от своего бывшего аспиранта. Машина в институте завертелась и в мае 1948 года получил телеграмму: "Срочно приезжайте на защиту".

Так волновался, что даже острая экзема обсыпала… всякие

места.

Защиты никогда не видел - Архангельску они не позволялись.

Приехал утром. Зашёл в канцелярию, ознакомился с отзывами оппонентов. Один - топографоанатом, второй - хирург. В последующем, даже очень знаменитый, Н. Н. Блохин, онколог, депутат и президент АМН.

Понятия не имел как речь держать. Сидел на откосе и приготовился... на 40 минут! Когда после спросил секретаря, она в была ужасе.

- Двадцать и ни минуты больше!

Всё прошло хорошо. Оппоненты работу похвалили: "Фронтовик!" Нет, ордена и планки я не цеплял, не хвастал. И Цимхеса похвалили за ученика. А что? Законно. Мог и не признать.

... ...

Летние отпуска из Брянска, когда и куда ездили, в памяти начали путаться. Значения не имеет. Но, лето 1948 года помню - были в санатории в Ялте. Впервые на юге: море, набережная с пальмами. Плохой курортник - плавать не умею. Но Лида лежала бы на солнце сутками, если бы светило.

Главное было в другом, съездили в Старый Крым, это городок по дороге на Феодосию, родина Грина. Там жила тетя Катя и двоюродная сестра, тоже Катя (с другими сестрами в детстве дружил, а позднее контакта не было).

Встретили хорошо, как иначе? С теткой не виделись лет двадцать. Катюшка - фельдшер, разведённая, бездетная, домашняя женщина, хлопотунья. О тете Кате совсем кратко - уверовала в Бога после убийства сына в 41-м.

Дом, на главной улице, вполне приличный. Его купил Толя, брат трёх сестер. Он плавал электриком на китобойной флотилии. Купил дом, чтобы деньги не пропить и передал тётке. Много приятного с ним связано.

А тогда, в 1948, мы прожили два дня, я выслушал доклады о родственниках и уехали, пообещав вернуться через год.

Отпускные дела последующих годов: одно лето жили у Елисеевны в Харькове. Довольно скучно. В другое - поехали дикарями в Сочи. Сняли комнату. Выдержал дней десять, вернулся к операциям.

В 1950, в июне, купил "Москвич 401". Машины продавали свободно, стоили дёшево: Москвич 900 р. (зарплата, с кандидатской, была уже 400).

За машиной поехали втроём: шофер, Лида и я. До того за руль никогда не садился, хотя мечтал поездить. На шоссе Москва - Симферополь было свободно, за тот день я и научился. В

Брянске "по блату" выдали права.

Много удовольствия получил от машин! Самого разного ... Перепробовал четыре машины: два "Москвича", "Победу" и 21-ю "Волгу". Продал последнюю в 1969 под давлением жены, всё боялась, что разобьюсь. Любил быстро ездить.

Тем же летом 1950 года поехали в Крым. Замечательное ощущение, когда выезжаешь дикарем на юг на машине: свобода, дела отряхнул, больные не достанут. Чувство за рулём, почти как овладение женщиной: могу!

Лет на десять после того нашей базой оставался Старый Крым. Спали в саду под орехом, купаться ездили в Коктебель. А в тот первый год было особое удовольствие - проехали весь Южный Берег. Дороги трудные, серпантин.

Так приобрёл ещё один опыт.

6. 1949-51 гг. Хирургия лёгких. Дебют.

Жизнь шла в темпе овладения операциями, перечень был уже представлен. Но, кроме того, наука, культура, жена и любовь, общение, эволюция взглядов. Деньги и вещи. Даю краткие пояснения к хирургии.

Вот первое удаление лёгкого, 19 октября 1949 г. Всё помню. Парень лет шестнадцати, из села. Гнойная мокрота до 300 кубиков в день. Запах, как от падали. Повышена температура, истощённый, еле двигается. Почти покойник. На рентгене - тёмное правое легкое с округлыми просветлениями. Диагноз: множественные абсцессы, почти гангрена, "мертвое лёгкое". Спасти? Только операция. "Жизненные показания". Мать плачет. Предупреждаю:

- Только удаление лёгкого. Очень опасно, едва ли перенесёт.

Согласна, куда ей деться?

Операция под местной анестезией длилась шесть часов. Методика уже была отработана на трупе, рисунки изучены в Москве в библиотеке (В натуре операции не видал). Процесс воспаления тянулся несколько лет, поэтому спайки - железные, сосуды и бронх корня лёгкого - один сплошной рубец. Когда вышел из операционной, не мог стоять, с трудом доплёлся до ординаторской и рухнул на диван.

Счастье не оставило парня - поправился. И меня тоже, получил моральное право на такие операции. Потом уже всё шло легче.

Именно операции на лёгких вывели меня в люди, читай - в хирурги. Долгое время был лидером в лёгочной хирургии, особенно в туберкулёзе. Когда после первых семи операций удаления лёгкого с одной смертью, послал статью в журнал "Хирургия" редактор Левит вернул: "пришлите заверенное подтверждение от администрации". Не поверил: откуда, дескать, такой взялся? А ведь были посланы рентгеноснимки до и после операции. Я рассердился, не стал посылать.

- Подите вы,... туда-сюда!

Бенефис был в Москве, в большом зале был, в декабре 1951 года, когда уже сделаны сотни операций, и вчерне написана докторская диссертация.

В те годы в Союзе начиналась грудная хирургия и по инициативе А.Н.Бакулева и П.А.Куприятнова ежегодно собирались конференции. Я рискнул послать заявку аж на два доклада: резекции лёгких при гнойных и туберкулезных процессах. Приняли оба, включили в повестку.

Доложил хорошо, имел успех. Бакулев после доклада подозвал.

- Отличный материал, была бы хорошая кандидатская диссертация.

- У меня уже есть докторская, по туберкулезу, но боюсь представлять - заклюют фтизиатры.

- Давайте мне, я посмотрю.

Так я получил покровителя. Это важно для меня - безродного провинциала.

… … …

Другие операции на органах груди описывать не буду: очень специально. Самые трудные были при раке пищевода.

Наука притягивала всегда, как себя помню. В институте мешал проект, но все же на кафедре физиологии с чем-то копошился. В Череповце, придумывал механизмы Мышления и Регулирующие системы организма. Следы этих идей и теперь использую.

После защиты в 48-м сразу стал искать куда дальше? В доктора! Сначала думал о желудках, но тут пошли лёгкие. Первые - гнойные и раки, потом - туберкулёз. Больных таких - масса, запущенных кавернозных. Самое время удалять пораженную долю или даже все лёгкое. Потом правильным лечением и режимом можно повернуть процесс вспять. До меня семь операций сделал Л.К.Богуш умерло у него двое больных. Конечно, были публикации с Запада, но не так, чтобы блестящие.

Так я начал оперировать туберкулёз. Дело пошло. Смертность была низкая - 2-3 процента. После операции больные долечивались в областном санатории. До 90 процентов выздоравливали. Все довольны.

Эту жилу я и начал разрабатывать. Создал лабораторию по физиологии дыхания, Лида помогала. Завели строгую документацию. Удалённые части легких Исаак исследовал и хранил в бочке с формалином. Срезы с них я возил на консультацию в Ялту и в Киев. Готовился, что профессора не поверят, как когда-то Левит. Оно потом так и было, но Бакулеву все материалы показал, и он меня прикрыл. Докторская диссертация была готова к 1952 году. Два солидных тома, текст и приложения, по 500 страниц.

Был широкий фронт в операциях, но все нужно опубликовать. Поэтому в 1950 году задумал издать книжечку "Сборник работ хирургов Брянской области". Я один написал все 15 статей, но себе взял авторство только в трёх, другие расписал своим помощникам. Вот она - книжечка в 100 страниц.

Кадры. Такое скучное канцелярское слово, а как под ним

много памяти.

Сначала было у меня два ординатора. Потом Саша Шалимов уехал - стало четыре. Через два года приехала наша докторша из ППГ - Малахова. Из Онкодиспансера перешёл к нам Ваня Дедков.

В первое время я не очень давал оперировать помощницам, слишком сам любил это дело. Но наплыв больных всё время возрастал, я уже не мог охватить всего. Так ординаторы перешли с грыж и аппендицитов на желудки, а потом и на лёгкие. Результат - отличные хирурги. С тремя из них потом приехал Киев покорять. И успешно. В профессора вышли.

Семья. Оч-ч-ень трудна тема! Три года свободы помнил и жалел. И на сторону взгляды бросал, каюсь. Лида при всех её отличных качествах, имела трудный характер. Максималистка! Нет, она никогда, подчеркиваю - НИКОГДА не упрекала меня, не высказывала подозрений. Семейных сцен между нами не было. Она просто замолкала. Могла и на неделю. Для меня - это нож острый.

А тут ещё её общественная деятельность: идейная коммунистка партийным секретарём больницы была всё время, пока в Брянске жили.

Свой пединститут Лида закончила в 50-м году. Ездила на сессии, как я когда-то. Получила диплом, взяла немного часов в фельдшерской школе (забыл написать, я там преподавал хирургию). Я бы уже не возражал, если бы ушла учительницей, приглашали. Так - нет!

- Хочу быть хирургом.

Жили весело, в гости ходили, сами принимали. Летом на машинах всей кампанией за город выезжали. У Исака был "опель-капитан".

7. 1952 г. Быт и страна.

Наша область значительно пострадала: партизанский край в Брянских лесах. Плохо было в первую зиму, после неурожая 1946-го. За год было около ста случаев заворота кишок - все от суррогатной пищи. Собрали хлеб и как отрезало. Второй бич - мальчишки с ранениями от мин и снарядов. Десятки ампутаций за год, сколько выбитых глаз, исковерканных лиц. Жутко вспомнить. Как на войне. Извечное мальчишеское любопытство к технике - найдут, копаются, развинчивает, пока не бабахнет.

Не было больших сомнений в праве коммунистов управлять страной. Как же, победили немцев, доказали. Тем более, что капитализм газеты и радио полоскали денно и нощно. Кажется, что даже я смягчился. Вот только рапорты в газетах товарищу Сталину очень раздражали.

Так и хотелось крикнуть ему:

- Ну, хватит тебе, хватит! Всех уже подмял, соратников расстрелял, генералиссимусом стал - уймись ! Правь спокойно.

Но крикнуть уже с тридцатых годов никто не мог.

Поэтому:

- Ну вас всех к черту! Займемся своим делом - лечить больных.

С начальством не имел дела. Не помню, чтобы даже разговаривал.

Ещё одна тема: этика . Никаких подарков больные не приносили, ни одной вещицы не сохранилось. Довольны были, если спасибо скажут. Врачи жили на зарплату, на полторы ставки, если хороший доктор. Бедновато жили.

А у начальства вся мебель была из трофеев, их вывозили вагонами, сам был свидетелем. Трофеи - что, мелочь. Хуже - ложь о войне.

Остановлюсь: увлёкся. Занесло. Трудно решать, что лучше: дать зарасти "травой забвения" или очищаться через раскапывание грязи. Сам бы ты, Амосов, согласился разгребать? Нет, не согласился. То-то же. "Непротивление злу"? Или нужна количественная мера? Очень скользко.

... ...

По своей должности - областной хирург! - меня приглашали на конференции. Особенно любил Ленинград - там Борис, наши врачи-моряки. Бочарова назначили главным хирургом Ленинградского округа. Получил генерала. Анна за это время уже остыла, жили мирно. Это были счастливые поездки - в Ленинград! Сколько умных разговоров! Борис - резкий, Аркаша - осторожный,

но в меру. Наверное, побаивался: "Ушибленное поколение".

Очень жалели Юдина. Вот, что узнал от Киры: Юдин просидел в тюрьме два года, потом режим ослабили, начал оперировать в Новосибирске, к нему потянулись больные начальники. И даже разрешали инкогнито приехать в Москву. Приходил к Кирке, узнать про дела в институте. О том, кто его "заложил" говорить не стал.

8. 1952 г. Киев. Тубинститут.

Брянское время шло и приближалось к концу.

В ноябре 1951 года в Киеве была важная хирургическая конференция. Тогда же познакомился с тубинститутом и, главное, с директором - Александром Самойловичем (АС) Мамолатом. Дело было так. Я привез чемодан со срезами туберкулёзных лёгких к диссертации. Решил показать их патологу.

Разыскал Тубинститут, патолого-анатомическое отделение, заведующую, В.Ф.Юрьеву. Когда открыл чемодан и рассказал, она даже ахнула:

- Неужели все это в Брянске... наделали? (Читай: "нарезали").

Рассказал. Она куда-то исчезла и вернулась с директором - этим самым Александром Самойловичем. Кругленький, доброжелательный, очень приятный. Повел в кабинет, там уже был зам. - Клебанов Марк Абрамович. Я повторил историю. Мамолат загорелся:

Вот бы в наш институт такую хирургию!

Марк Абрамович, пожилой уже человек, осторожно заметил:

- Посмотреть бы оперированных больных.

- Нет вопросов. Приезжайте, вызову, покажу.

Чаем напоили. Вернулись к Юрьевой, часа два она смотрела препараты, диктовала описания и анатомические диагнозы. С тем и вернулся в Брянск.

События развивались, собирали десятка два оперированных больных, к назначенному сроку. Клебанов приехал, сел за экран рентгена и всех просмотрел. Ночевал у нас дома. Резюме:

- Я потрясен. Вам нужно переехать в Киев.

- Подумаю. Но один туберкулез меня не прельщает.

На том и расстались. Не знаю, когда Лида с ним говорила, но на следующий день заявила.

- Буду поступать в Киевский мединститут. Обещали помочь.

- А я?

- Тебя же зовут - поедем!

Визит имел продолжение - пригласили сделать доклад в институте на конференции. Приехал. Доложил. Имел успех. Познакомился с институтским хирургом Гришей Горовенко. Судьба его как моя, ровесник, прошёл фронт в медсанбате, орденов полно. После войны обосновался у Мамолата, у "тубиков".

Директор приглашение повторил.

Я поставил условия: чтобы кроме туберкулеза дали в городе отделение для общей хирургии. Мамолат добился, Министр,

Л.И.Медведь, обещал создать торакальное отделение в Госпитале для инвалидов войны. Коек - сколько потяну. В самом же институте выделили всего 20 кроватей.

- Знаю, что мало, но больше не можем. Если дела пойдут ... Да и кафедра в Мединституте светит. После защиты. Жене поможем с поступлением.

Перспективы не вдохновили. Уж очень в Брянске хорошо!

Вернулся и снова окунулся в хирургию. Но Лида не забыла и стала готовить документы.

Перед тем и в тот год были события. Началась компания борьбы с космополитизмом. Это маскировка, а напрямую - с евреями.

Победу в войне коммунисты приписывали одной России. Союзники - будто-бы, только тушёнку давали. Сильно загордились. Стали неимоверно хвастать всякими мнимыми открытиями в науке: "Россия - родина слонов".

Начался ползучий антисемитизм. Под разными предлогами отстраняли евреев от руководства институтами, отделениями, кафедрами.

В Москве закрыли еврейский театр, Потом таинственно погиб артист Михоэлос. Ещё позднее открылось "дело врачей" - Виноградов, Иоффе.

Другое, местно-медицинское явление, но того же порядка. Сначала была "Сессия ВАСХНИЛ" и Лысенко съел генетиков. Потом сессия АМН - "Павловское учение". Иван Петрович в могиле перевернулся бы, какой шабаш вокруг его имени устроили. Лозунг звучал культурно:

- Даешь Павлова в практическую медицину!

Все болезни - от нервов и лечить их нужно бромом и сонной терапией. Всюду организовали "сонные палаты", чтобы к брому и снотворным было ещё темно и тихо. Я в это не верил, но палату организовали: приказ начальства.

Шел 1952 год. Диссертация закончена, переплетена. Два тома. Свёз их Бакулеву, в 1-ю Градскую больницу. У него был большой, но неуютный кабинет, второй стол занимал его заместитель, профессор Гуляев. Секретарь сидела в темной проходной перед кабинетом. Вот так, кремлевский хирург, президент Медицинской Академии и без всякого форса. Гораздо скромнее Юдина. При том ещё и беспартийный. Это уж вовсе странно.

АН взвесил том диссертации на руке, приложения перелистал: там каждый больной был описан и фотографии рентгенограмм приклеены.

- Это не нужно, вижу, что честно. Прочитаю, через месяц.

В конце июля Лида собралась и уехала в Киев, сдавать экзамен. Дрожала, наверное, но бодрилась. Я думал, с удивлением: "Вот завзятая! Мало ей одного диплома! В хирурги, вишь, захотела! Ну-ну... "

Прожил холостяцкой жизнью две недели. Не скажу, что переживал за Лиду, проживет и без этого института, если не поступит. И в Киев не нужно будет ехать. Не хотелось - Брянск уж очень мил. Но скоро получил телеграмму:

- Выдержала!

"Ехать так ехать" - сказал попугай, когда кошка тащила его под кровать.

Была договоренность - еду на машине, в Киеве забираю жену, отдыхаем в Крыму до начала учения. Потом я, не торопясь, собираюсь. Когда будет всё оговорено на новом месте, Лида приезжает за мной и катим. В неизвестность.

Долго и нудно пилил в Киев, через брянские районы в Белоруссию. Проехал немного по той дороге, что в 41-м двигались "на конной тяге". Вот Гомель, мост через Сож, тут мы когда-то стояли. Дорога на Украину, на Чернигов. Машина всё время барахлила, колеса спускали, ночевал в какой-то участковой больнице. С трудом дополз до Киева, уставший, грязный, потный.

Не буду описывать встречу. Такая, как должно, поздравления с победой. Повидался с Мамолатом.

Да, приеду. Куда мне деться, раз Лида такая настырная.

Никаких приключений по дороге в Крым не случилось. Провели десять дней у тети Кати, там был Толя, хорошее застолье на веранде. Толя выпивал, пел, и рассказывал о морях и китах. Проверил мой Москвич, подтянул, смазал.

В Брянске Лида прожила пару дней и уехала. В сентябре я приезжал в Киев и сделал операцию в институте. Приходил смотреть профессор М.И.Коломийченко - авторитет. Небось, никогда не видел таких операций.

Тогда же был у Бакулева, забрал диссертацию, он её прочитал, видны пометки. Одобрил. Подписал отзыв, за руководителя. В тот момент был у него профессор Березов, Ефим Львович, из Горького (опять!). АН познакомил и попросил быть оппонентом.

Хороший человек был Бакулев!

На Октябрьские праздники Лида приехала, мы сложили вещи в контейнер и отбыли.

Смешно сказать, но пустил слезу, (чуть-чуть), когда прощался с больницей и помощникам. Сделали фотографию, подарили часы, храню их.

Окончился еще один период жизни. Счастливый, стал

хирургом и доктором наук.

Глава шестая. Киев

1. 1952-53 гг. Киев. Доктор наук.

Жизнь ускорилась: замелькали киевские годы...

Первый год. Дали квартиру в доме при институте: комната 15 метров, проходная кухонька 2 метра. Плохо и тесно. Возвращение к Москве 1946-го.

Ещё хуже помещения для больных: 20 кроватей в чужом отделении. Помощники: Гриша Горовенко и Ваня Слепуха. Только оперировать некого - фтизиатры не доверяют. Но в госпитале инвалидов дали отделение 50 коек - клади любых больных. До меня работал ортопед Бабич. Думаю: антисемитизм.

Политика на верхах мало интересовала: Сталин царствовал, народ рапортовал, кого-то выдвигали, кого-то задвигали (будто даже Молотова?). Был Съезд партии, но я не прочитал ни одной газеты. Вознесенского, который руководил военной экономикой, расстреляли. Туда же Кузнецова с товарищами из Ленинграда: очередные враги народа и шпионы. Но сделали тишком, без театра, объявили только приговор.

Продолжалась война в Корее. Не верил, что напали южные корейцы, я-то знал лицемерие коммунистов. Атомная угроза уже обозначилась, у нас тоже бомба есть. Образ врага в американцах за войну сильно поблек. А теперь ещё этот антисемитизм! Неймется!

... ...

Начальник госпиталя приличный. Но здание на Подоле, отстоит от Тубинститута на 5-6 километров, больше часа езды. "Москвича" в Брянске продал, он совсем дошёл. Были деньги на машину, купил опять Москвича. Решил проблему транспорта. Только заливка воды в радиатор мучила.

... ...

На организацию операций пошло две недели. Лежал на "тахте", жестоко тосковал. Очень жестоко. Проклинал всех и вся. Но с Лидой не ссорился, она увлечена институтом. Понимал.

Живи, Амосов, борись, нет обратного хода!

Из первого десятка операций в институте была смерть на столе. Не справился, возник пневмоторакс на втором лёгком. Матерился про себя.

Больные после ранений в инвалидном госпитале тяжёлые - абсцессы в лёгком вокруг осколков, плюс многолетние гнойные плевриты - рубцы, как железные. Операции длились по 4-5 часов. Умер один: огромная опухоль средостения, с прорастанием в аорту. Не справился с кровотечением.

Была отдушина: ездил оперировать в Брянск. Там по мне

тосковали. Малахова переехала в Киев уже к Новому году, появился надёжный тыл - доктор под рукой в любое время. Скоро и Ваня Дедков приехал

В январе пришло письмо от Исака. Вот что писал: "В Брянск не приезжай, на тебя завели уголовное дело. Будто-бы ты экспериментировал на больных, удалял здоровые органы. Бочки с препаратами опечатали, меня допрашивали. Истории болезни изъяли. Партийное собрание во главе с секретарем Игрицкой поддержало следствие. Все друзья - в панике."

Я не придал значения - абсурд! Но ездить перестал. Больные здесь пошли.

Уже после смерти Сталина, когда "дело врачей" прикрыли, мне разъяснили - была большая опасность. Один следователь хотел на мне карьеру сделать. И сделал бы! Так что, спасибо товарищу Сталину, во время умер.

Но смерть вождя потрясла общество. Вся страна лила слезы. Лида тоже. Слухи про Москву: давка при похоронах до смертоубийства. Меня смерть вождя не взволновала, хотя побаивался худшего: Берии не доверял. Обошлось. Даже легче вздохнулось, как похоронили вождя. Рапорты из газет исчезли.

Теперь много написано о Сталине: пока идёт очернение. Но не исключаю, что воскреснет. Вспомним Наполеона.

Новые правители: Маленков - Совмин, Хрущёв - партия, Берия - КГБ. Народ доволен, что Жукова опять подняли до наркома. Большая амнистия напугала публику. В 21-м году ЧК с бандитами лихо справилась: "К стенке!"

В апреле мы с Исаком ездили в Горький защищать диссертацию.

Событие важное, но описывать не буду - всё прошло как надо. Оппоненты - Е.Л.Березов, Л.К.Богуш, Б.А.Королёв дружно хвалили. Вот только на ужин не пришли, сидели мы с Исаком и Туровым, как дураки.

Через пару месяцев погиб Исак. Вечером пришёл из гостей, сильно пьяный и по ошибке выпил каустик. Сжёг пищевод и желудок до полного омертвения. Спасти не смогли, через два дня умер. Я ездил на похороны. Остался сын лет трёх. Погрустил с Верой, уже вдовой. Замуж она не вышла. В 70-х годах приезжал в Брянск на юбилей больницы. Захирели, хирургия слабая.

2. 1953 г. Кафедра.

Вот я стал доктором. В Харькове кафедру предложили: плохая. Отставить. Тут же пригласил киевский директор, на кафедру хирургии сан-гиг.факультета. Клиника на улице Рейтерской тоже плохая. Но - Киев. Согласился.

Объявили конкурс и в сентябре с трудом выбрали на учёном совете. Не блестяще: 21 - "За", 18 - "против". Говорили: "Какой он профессор!" Переживём. В конце сентября проректор Е.И.Чайка привёз меня на кафедру и представил сотрудникам.

Нет, я не чувствовал неполноценности. Операции? Лекции? Пожалуйста!

Помощники были слабые. Два старика доцента - только для студентов. Ассистенты помоложе: три женщины и молодой человек. Бесцветные "безрукие хирурги", очень послушные. Далеко до моих брянских.

Скоро начал делать операции на лёгких и пищеводе. Новые помощники их никогда не видели, поражались. Доцент жаловался министру, П.Л.Шупику:

- Запретите ему! Как можно! Человека поперёк перерезывает!

Лекции пошли сходу. Готовился, писал план, не бубнил. Студентам нравился. Дисциплину требовал. Но в преподавание ассистентов не вникал - не важна хирургия санитарным врачам. Однако двойки на экзаменах ставил.

В госпитале и тубинституте стал бывать меньше, по одной операции в неделю. Малахова оперировала. Между тем, они с Дедковым поженились. Ваня не только поехал за мной, но и удрал от прежней жены (мне не нравилась). Они стали у нас бывать каждую субботу.

Ходил на Хирургическое общество, ближе познакомился с М.И.Коломийченко (полюбил меня), с И.Н.Ищенко, генералом (долго не признавал). Демонстрировал больных с операциями, которых до меня Украина не знала. Выдвигался! Но без нахальства, вполне скромно (так я считал).

В декабре 53-го, очень тихо, дома, отметили мои сорок лет.

В мае 54-го был Украинский съезд хирургов. Были знаменитости: Юдин, (и Петров), Е.Л.Березов, Б.В.Петровский. На съезде меня уже принимали как вполне взрослого хирурга. Делал доклад по лёгким. Имел успех.

Умер Юдин. Возвращался из Киева, в самолёте стало плохо, только довезли до института и смерть. Инфаркт. Говорили, что накануне нервничал, будто бы Петров его обидел.

3. 1955 г. Операции на сердце.

Невозможно описывать в подробностях всё, что делалось в стране, в разных сферах. Жизнь ускорила темп. События буквально мелькали.

В верхах вроде бы было мирно: правители - Маленков и Хрущёв - правили, народ привычно безмолвствовал. И вдруг: "Берию арестовали". Подарок партия сделала народу. Интеллигенция очень одобряла.

Правда, КГБ работало, диссидентов объявляли и арестовывали, но уже "поштучно", а не целыми загонами. Теперь партия всё списала на Берию. На Сталина ещё не посягали.

Нам поменяли квартиру - две комнаты и кухня. Домашняя атмосфера была спокойная. Лида с увлечением училась. Ко мне за помощью не обращалась. Может я был рад этому? Большой теплоты к ней не было. Неужели повторение прошлого?

Одно Лида знала твердо.

- Хочу ребенка!

А как я ? А никак. К детям чувств не испытывал. Но и не возражал.

Были трудности - забеременеть. Даже в больнице лежала. Как-то я вёз ей передачу и попал в аварию, получил лёгкое сотрясение мозга.

Январь 1955 года. Всесоюзный съезд хирургов: Дом Союзов, торжество. Мой дебют: дали доклад: "Резекции лёгких при туберкулёзе". Доволен.

Главное внимание съезда было не к лёгким, - к сердцу. Представлен первый опыт - от Бакулева, от Куприянова - митральные стенозы и "Синие (врожденные) пороки сердца". А от Саши Вишневского - комиссуротомии под местной анестезией. Как раз для нас, поскольку наркозом пока не владели.

У меня тоже был острый интерес к сердцу, в западной литературе уже полно статей: начали оперировать детей на "открытом сердце", под гипотермией. Охлаждали в ванной до 25 градусов, останавливали сердце, разрезали и штопали врождённые отверстия в перегородках. Основной этап операции нужно уложить в 20 минут.

После доклада мне тут же предложили переехать в Москву, давали отделение по хирургии туберкулёза. В пригороде, в Захарьино, где сам Юдин начинал. Мне не приглянулось. Не мог на туберкулёзе замкнуться.

Но использовал - сообщил Мамолату. В открытую не шантажировал, просто сказал, что "думаю". Эффект был тут же,

дал директор другое отделение, уже на 50 кроватей. Прибавились новые помощники: Костя Березовский, Юзеф Когосов, Паша Винокурова (двое уже умерли, Юзеф постарел, эмигрировал). В институтскую клинику, на Рейтерскую, приехала Ольга Авилова. Вместе с Дековым они заняли место стариков-доцентов. В госпитале оперировала Малахова. Я бывал раз в неделю.

Так снова собралась первоклассная команда.

… … …

Весь 1955 год прошёл под флагом сердечной хирургии.

Не просто подобрать сердечных больных. Доцент Лихтенштейн, терапевт, взялся мне помогать. Разумеется, я сам прочитал всё что доступно. Впервые у меня появился в кармане фонендоскоп - слушать сердца. Это очень непросто слышать шумы. Рентген я хорошо знал ещё с Брянска.

Первая операция при митральном стенозе - комиссуротомия: расширение пальцем сращенных створок клапана между левым предсердием и желудочком.

Оперировал: местная анестезия, как у Вишневского. Только ввёл палец в сердце, как больная потеряла сознание. Быстро сделал, что нужно и, к счастью, удалось оживить.

Ох, наволновался! Умрёт первая больная и всё, другие не пойдут. Нет, любимая местная анестезия для сердца не подойдёт! Нужен интратрахеальный наркоз, из аппарата, через трубку в трахее, с искусственным дыханием.

Так пришлось осваивать новую специальность, анестезиологию. Её у нас в Союзе просто не было. К счастью, простенький аппарат остался от американцев, с войны, по ленд-лизу. Приспособил двух молодых врачей - Депутата и Маловичко. Пока их учил, сам вводил трубку в трахею, потом переходил оперировать, а они уже давали наркоз дальше. Дело пошло.

Следующий опыт был ближе к осени - нужно оперировать врождённые пороки маленьких детей. Начинать с самых тяжёлых, обречённых- тетрада Фалло. При этом венозная кровь из правого желудочка попадает в аорту, поэтому больные синие ("синие мальчики"). Нужно исправить, пустить часть крови в лёгкие из аорты, в обход порока. Это называется наложить анастомоз, соустье. Облегчающая, не радикальная операция.

Всё так и сделали. Хотя мне не просто давались сосудистые швы, руки от волнения очень дрожали. Но операции пошли успешно. До этого ещё пришлось инструменты изобретать, чертежи делал, мастеров искал.

Ликовали - мальчик порозовел! Нужно быть хирургом, чтобы понять радость успешной новой операции. Тем более на сердце!

Одна смерть на первые десять "синих", всё-таки была - это не

много для смертельной болезни. Помню всё, но описывать сложно. Одно скажу: не было ещё знаний по реанимации и самой необходимой аппаратуры.

Терапевты плохо ставили диагнозы пороков сердца. Им и не нужна точная анатомия, важно знать, как пострадала функция, чтобы лекарства давать. Другое дело хирургам. Послушать, это нужно, но мало. В мире уже были сложные исследования: ангиография и зондирование полостей сердца. Это когда в сердце вводят тоненькую трубочку измеряют давление, берут пробы крови, вводят контрастное вещество делают рентгеноснимки каждую секунду. Видны полости сердца, движение по ним крови, то есть пороки.

Ничего этого у нас не было. Снова пришлось изобретать самоделку - приспособление для быстрой смены кассет с рентгенплёнкой.

4. 1955 г. Начало кибернетики.

Помню, как на нашей сцене появился новый персонаж с очень большими последствиями! - Екатерина Алексеевна Шкабара.

От неё началась моя кибернетика - просветила, дала книжку Эшби, потом Винера, познакомила с академиком В.М.Глушковым. Умнейшая женщина. Но лидер. И, даже, слишком. Из-за этого потом и разошлись - пыталась командовать

Но именно она создала для меня Отдел биокибернетики в составе Института Кибернетики. Отдел существует до сих пор, в нём работают мои ученики, а теперь уже просто друзья, супруги Касаткины, Куссуль, Талаев.

Кибернетику мы начали с диагностических машин. Катя рассказала о перфокартах, я разработал форму историй болезней, чтобы были признаки болезней, набивай их на перфокарты, вставляй в машину, получишь диагноз. Разумеется, до того нужно сделать статистику - при каких признаках болезнь. Это тоже моя забота. Тут подоспел Озар Минцер. Он обставил механическую обработку перфокарт. Скажу сразу, из этого медицинского направления кибернетики ничего полезного не вышло - диагнозы машина ставила плохо. Впрочем польза была, осталась и до сих пор действует, так называемая "формализованная" история болезни. В ней заготовлены все признаки, только подчеркивай, проставляй цифры и совсем мало текста - облегчение врачам.

… … …

Я напишу авансом о втором приложении кибернетики - физиологии. Началась она сугубо с практики: от освоения на собаках первого АИКа (Аппарата Искусственного Кровообращения) в 1957 году. Потом Володя Лищук и Ольга Лисова создали настоящую экспериментальную лабораторию по исследованию сердца с полным инженерным оснащением. Сердце испытывали как насос: "снимали характеристики" как меняется производительность при повышении венозного подпора. Наши ребята достигли полной повторяемости кривых. Позднее написали книжку. Её даже в Германии издали.

Потом группа работала с камерой. Об этом будет тяжёлый разговор.

На базе той же лаборатории потом осваивали с хирургами операции по протезам клапанов, а ещёпозднее и пересадку сердца.

Теоретические разработки по физиологии закончились много позже в "Модели внутренней сферы организма". Заумное название, а содержание простое: даны зависимости четырёх

регулирующих систем (РС), как они совместно регулируют функции. Я их задумал еще в Череповце, перед войной. Команда Лещука создала под них стройную математику. Написали ещё одну книгу. К сожалению, физиологи остались глухи - они не знают математики.

В общем, была серьезная теоретическая наука.

Коллектив распался в семидесятых годах. Я хотел повернуть их на новую тему по "проблеме человека", а они не захотели и отделились. А потом разошлись. Лищук уехал в Москву. Процветает.

... ...

С 1955 начались зарубежные поездки на конгрессы. По лёгким, по сердцу, по кибернетике, просто по хирургии., по физиологии. Румыния, Чехословакия, Турция... много. Ездил обычно с группой по "научному туризму", за свой счёт. Дальше ещё буду вспоминать самое интересное.

В Румынии докладывал по резекциям лёгких: самые большие и лучшие цифры, но в "соцлагере". Принимали как "старшего брата".

Осенью 1955-го я уговорил министра организовать кафедру грудной хирургии в Институте Усовершенствования врачей. Пока параллельно с кафедрой мединститута. Объявили по республике, приехали человек десять общих хирургов, хотели освоить операции на грудной полости.

Началась новая работа - создавать курс лекций для врачей.

... ...

А между тем сбылась мечта жены, забеременела. В институт ходила, уроки зубрила, но больше всего боялась, что не сохранит. Я смотрел на это спокойно. Хотя, что грех таить, на глазах таяла надежда ещё раз испытать свободу, если не будет мира в семье. Так уж устроен человек. Или только я?

5. 1956 г. Дочь.

И вот, пошёл год следующий - 1956-й. Очень важный год! Можно сказать, судьбоносный. Надел на Амосова шёлковые оковы. Навсегда.

Лида очень тяжело переносила беременность. Бывала на опасной грани - высокое давление, очень плохие анализы, отёки. Профессор гинеколог Александр Юдимович Лурье - отличнейший оператор и человек - наблюдал во всеоружии, готов в любой момент вмешаться. Срока не дождались на месяц. Взяли в клинику, стали вызывать роды.

И тут начались тревоги, как только наступала схватка, прекращалось сердцебиение плода. Предполагали, что пуповина обвила детёнышу шею - может умереть в любой момент. Не помню их акушерских подробностей, но стоял вопрос - ребенок, или большая опасность для матери. Я выступал за мать. Но для Лиды нет вопроса:

- Только ребёнок! Любой ценой !

Операцию кесарево сечения делали под местной анестезией, наркоз был опасен. Я стоял у изголовья, всё видел. Хирург блестящий. Через 20 минут уже добыл ребёнка, отдал помощнице. А он, ребёнок, молчит. Не кричит, как положено и не дышит. А Лида слушает. И не слышит звуков.

- Что с ребёнком ?!

- Ничего-ничего... Подожди,... девочка.

Похлопали по попе,... оживили. Закончили операцию. Увезли роженицу, унесли ребёнка. Недоношенный, тощий.

Потом меня пригласили в палату, посмотреть на дочку.

Никогда не забуду этого мгновения: лежит что-то красненькое, маленькое и... шевелит губками, как облизывается!

Будто у меня кран какой в душе открылся:

- Твой, на веки!

После этого ..... не скажу, что я всегда был уж очень любящий муж, я - сухой человек. Но одно точно, никогда не стоял вопрос: Сбежать!

Дочка прочно припаяла.

Дальше всё шло, скажем, трудно, но не страшно. Дело сделано, ребёнок есть. Якорь. Дней через десять я самолично привёз их домой на машине.

Так открылась ещё одна сторона жизни - отношения с дочкой.

Назвали Екатериной, в честь бабушки, а по мне, как тетю Катю.

Больше Елисеевна домой в Харьков от нас не убегала.

Прилипла к внучке. Лида - служака, как оклемалась, пошла в институт. Прибегала кормить, но скоро молоко пропало. Началось искусственное вскармливание. Потом обнаружили, что у Кати кривошея. Пошли бинтования, массажи. Справились.

Воспитательные проблемы надолго вошли в список моих занятий. Я даже книжечку написал: "Здоровье и счастье ребёнка". Лекции педагогам читал.

Суть взглядов. Чтобы сделать умной, нужно рано, интенсивно и много учить. Привить мораль - через пример и опять же, через книги. Даже через Христа. Родители всё время под прицелом ребёнка. Ни слова лишнего. Своё плохое храни от детей. Пока они сформируются, пусть не знают. Потом самим решать, как судить о родителях.

Долго думал, что в паре: "гены - воспитание" главное. Постепенно акценты сменились: гены важнее. Но без воспитания их не реализовать.

Теперь под обучение подвели научную базу. Оказывается, от умственных занятий растут новые нейронные связи в коре мозга. Но есть пределы - они от генов.

Поэтому Катю с пелёнок развивали, как могли. Не ошиблись, успех имеем: в 33 года стала профессором-кардиологом. А теперь даже в член-корры Академии Меднаук избрали. И не под моим крылом, совсем от другой, терапевтической кафедры.

Летом 1956 года нам дали квартиру в новом доме для врачей. Даже не просил, начальство дало. Уехали из Тубинститута.

6. 1956-57 гг. Крах культа Сталина. Новая клиника.

Профессиональная жизнь между тем продолжалась. Более того, была на первом месте.

В 1956-м был в Чехословакии, снова по лёгочным проблемам. Описывать чужие города теперь нет смысла - все ездят, по ТВ смотрят. В городах я любил ходить пешком, чаще один. Брал карту и шёл. Музеи, галереи посещал. Альбомы покупал. Рассчитывал, постарею - полюбуюсь. Постарел, а времени как не было, так и нет. Но приятно узнавать на экране: "Здесь я бывал". Магазинами не увлекался, денег всегда мало. Зато книг английских навозил вагон! Около двух тысяч. В каждом городе разыскивал книжные магазины и букинистов. Впрочем, всё это позднее, когда стал депутатом и не боялся таможни. Нет, боялся, конечно, по части крамолы, но не очень. Знал, что не посадят, разве что выезд запретят. На этих книжках дочку английскому выучили. Да и сам романы читал. Теперь перестал, не интересно.

Самое знаменательное внешнее событие того года - речь Хрущева на XX съезде. Впрочем, сам текст я так и не читал, но пересказ слышал - партийным людям читали. Очень впечатляюще! Но для меня нового ничего не прибавило. Знал, что Сталин прохвост. Но так же и:. Может быть гений? Злой гений! Все-таки, если дурак, или банальный подлец не смог бы так Россию раскрутить, вывести на самый верх. Опять же я не заблуждаюсь, не по всем статьям вывел и цена велика, но кто цену меряет через полвека? Важен результат.

Никита, да простят мне фамильярность - тоже личность выдающаяся. Оттепель запустил, Солженицына, "Ивана Денисовича", разрешил. Домов много построил. Правда, с кукурузой в Архангельске насмешил, но кто "Богу не грешен "... Не буду вдаваться в политику. Мне нравился Никита. Даже смешно, когда он в Манеже художников шуганул. Народ и теперь до них не дорос. Впрочем, это не оправдание. Если не растить народ, то и никогда не вырастет.

... ...

В 1956 году я отказался от Мединститута и остался только в Институте усовершенствования. Клиника на Рейтерской сохранилась, Ольга заведовала.

С января у нас был второй набор грудных хирургов. Приехали хорошие ребята, заниматься было интересно. Двое из них остались в истории клиники: Юра Мохнюк и Лена Сидаренко. Оба

потом вышли в профессора. Слава Богу, живы и теперь. Лена приехала, аж, из Казахстана, учиться лёгочным операциям. Речь о ней ещё будет. Юра - из Новоград-Волынска, там он был главным хирургом. Юра мне друг, хотя давно отошёл от нашей клиники. Ездил на работу в слабые страны. В теннис с правителями играл. Невезучий партнер, в Камбодже с Сианоуком, его свергли. Потом в Иране, с шахом - того изгнали.

… … …

Хирургические успехи были, но условий не было: три больницы - Рейтерская, Тубинститут и госпиталь и все плохие. Перед начальством не скрывал - недоволен.

И тут опять повезло. Мамолат построил трехэтажный корпус для костного туберкулёза. Эта проблема когда-то была серьёзной, но уже потускнела. Вроде бы и дом для этого не нужен.

А дальше случилось вот что: меня пригласил к себе в заместители, аж, сам А.Н.Бакулев! Да-да. Он поссорился со своим учеником и главным помощником Е.Н.Мешалкиным, который всю сердечную хирургию Бакулеву сделал. Мамалату я о приглашении сказал: -Уеду в Москву.

Переезд к Бакулеву не состоялся - я запросил слишком много самостоятельности и проект отпал. Но об этом я молчал. Начальство струхнуло, что уеду и Мамолат отдал мне новое здание - три этажа на 150 кроватей, с операционной, рентгеном, приёмным покоем.

Мы переехали 7 января 1957 года. Сбылась мечта, получил клинику, которая всё вместит. Первый этаж отвели под туберкулёз (зав - Бендет), второй - (Малахова)- под другие лёгочные болезни, третий (Дедков) целиком для сердца. На втором, кроме того, операционная и рентген. На третьем, конференцзал, кабинет и реанимация.

… … …

Каждый понедельник я сам вёл приём, доходило до ста человек!

Однажды был случай: пациент сказал, что здоров, но просит поговорить без свидетелей. Пожалуйста, в кабинет после приёма. И что вы думаете? Оказался КГБ-ешник, предложил стать сексотом. Ох, как я его шуганул! О первом таком предложении, я уже, кажется, писал - это было на фронте. Но чтобы в 58-м году, профессору? Сильна система!

В тот же первый год пришли новые работники - Неля Черенкова - наш ЭКГ-ист. Розана Габович - "машинистка" для АИКа. Валя Гурандо - биохимик.

Самым важным для меня был Яков Абрамович Бендет. Он вышел из фтизиатрии, стал кардиологом, доктором наук. И

остаётся большим другом.

… … …

Весь 1957 год я писал труд "Очерки торакальной хирургии", 60-печатных листов. Сначала прочитал лекции курсантам со стенографисткой, потом обработал, добавил литературу. Книга вышла в киевском "Здоровье" в конце 1958-го. Тираж был большой и в магазинах пылилась долго.

В начале лета 1957 года в Москве был съезд фтизиатров, с хирургической секцией. Был и мой доклад. Приехали знакомые хирурги и мои новые ученики. Лена Сидаренко попросилась в аспирантуру.

Между тем, прошёл ещё один съезд партии. Хрущёв снова гремел, Сталина ещё раз клеймили и вынесли из мавзолея. Ленин опять остался в одиночестве. Я был в Мавзолее только раз, когда коллективно водили весь Верховный Совет, уже при Горбачёве. Впечатление неприятное. Как и от мумии Пирогова в его музее в Виннице.

Дедкова и Ольгу я торопил с диссертациями, они просто необходимы для преподавателей. Темы определились ещё в Брянске: резекции легких при нагноениях, при раке, операции на желудке и пищеводе.

"Шумим, братцы, шумим!" Много диссертаций вышло от меня. Научность их не преувеличивал, но во всех был большой "материал", то есть много больных и хорошие результаты. И без вранья! Цифрами всё же похвастаю, не утерплю - до двадцати докторских и с сотню кандидатских.

Впрочем, за сорок пять лет моего профессорства это не так много.

7. 1957 г. Конгресс в Мексике.

Октябрь 1957 года. Поездка в Мексику на конгресс хирургов, первая в капитализм и самая значительная по результатам.

Утром 6 октября в Москве узнали - запущен первый спутник. Вся поездка шла под его флагом, космос прибавлял авторитета всему советскому.

Советская делегация 27 человек. Я один из самых молодых.

Путь в Мексику был сложен: Дания, Англия, Канада.

Четверть века потом ритуал поездок почти не менялся: инструктаж в ЦК, в министерстве, в Интуристе. Сведения о шпионах, предупреждения, ограничения. Паспорт выдадут в день отлёта. Черт бы их побрал !

Нет лучше людей при заграничных поездках, чем хирурги. Они не скупы, свободно треплются о политике, крамолу подбирают и читают по очереди, не прячась. На стриптиз ходят. Водку пьют.

В Торонто я впервые посмотрел капитализм. Витрины, витрины, целые улицы магазинов. Все завалено товарами. Медленно ходим, любуемся: все мы в китайских плащах с мощными плечами, в широченных черных брюках.

В сумерках приземлились в Мехико-сити: западный мир рангом ниже. Народ мелкий, смуглые лица, одеты плохо.

Конгрессы обычно устраивают поздней осенью, когда ниже цены на обслуживание. Американцы живут в отеле Хилтон, западные европейцы подешевле, "социалисты" в третьесортных номерах. Мы, советские, живём богаче их, отрабатываем престиж великой державы. Но зато на расходы дают по доллару в день. Если попадётся ловкий руководитель, выдаст "кормовые" вместо обедов и набежит еще 10-20 долларов.

В Мексике всё было шикарно - гостиница, ресторан, экскурсии. И стоило тогда дёшево, за месяц на другом континенте взяли 900 р. "новыми".

В газетах сообщения о нашем спутнике: "Гром среди ясного неба".

Начался конгресс. Уже тогда в Мехико-сити был построен отличный университетский городок на окраине города, как в Штатах, много простора, газоны, дороги, деревья. Факультеты в небольших домах - один, два, максимум три этажа, обязательно красивой архитектуры. Здесь, в Мексике, кроме того, всюду мозаики и фрески Сикейроса.

Первый раз советские хирурги были на таком большом конгрессе - тысяча участников, большинство из Штатов - высокие,

улыбчивые, поджарые, самоуверенные, руки в карманах, многие с трубками и даже с сигарами.

До докладов я посмотрел выставку аппаратуры. Она меня сразила: как же мы бедны! Нет, социализмом не оправдаешься. И даже спутником.

Пошли доклады и, конечно, обнаружилась наша очередная серость. Языков не знал ни один человек. Гид переводил на ухо Петровскому и Вишневскому. Мы, все остальные, были как глухие. Поскольку я сносно читал по-английски, то просмотрев тезисы и слайды, мог понять суть. Но этого было мало и утомительно. Доступен был только кинозал, где показывали фильмы с операциями: на экране можно разобраться, что режут и как шьют. В том зале мы и сидели, в темноте. То есть не все сидели. Многие просто уезжали в гостиницу, чтобы бродить по городу.

Во время докладов делегатам свобода, в кучу их не собирают, а к обеду они сами явятся. В Мексике нам выдали много - по 20 долларов. Любимой доченьке купил вельветовые брючки за 3 доллара. Остальные деньги как раз пригодились на другое.

Самым важным событием поездки в Мексику была операция с АИК, которую удалось увидеть впервые в жизни. Мы смотрели операцию втроем: Б.В.Петровский, А.А.Вишневский и я.

Помню большое здание, хорошая операционная, средних лет доктор, типичный мексиканец. Оперировали тетраду Фалло у мальчика лет 12, с АИКом самой первой модели Лилихая. Знал о нём из журналов.

Грудь вскрыли поперечным разрезом, выделили сердце, ввели гепарин и присоединили АИК. Пустили насос, искусственное кровообращение началось. В общем, хирург удачно закончил операцию, зашил отверстие в перегородке сердца, расширил вход в лёгочную артерию. К нам он не проявил особого интереса, но сказал, что это уже тридцатая. Вот тебе и Мексика!

Впечатление огромное. Вынь да положи, нужно добыть АИК и начать оперировать!. Только... Только ничего у нас нет. Я слышал, что в Москве, в Институте по инструментарию занимаются АИКами, но для Киева недоступно. Значит, нужно сделать аппарат самим! Конструкция не столь сложна, я же инженер. Но вот трубок таких нет и, самое главное, нет у нас гепарина против свертываемости крови. Но у меня же есть ещё 15 долларов!

Тут уж я проявил инициативу. Разыскал магазин медицинских средств и вложил весь свой капитал - купил трубки и немного нужных лекарств. Видимо, тогда это было очень дёшево. Коллеги удивлялись: "Тратить свои деньги?"

Пожалуй, нужно сказать ещё о приёме. Еда и напитки

расставляются заранее на длинные столы. Как только открываются двери, все бросаются, будто век не ели. Разметают за 15 - 20 минут! Удивлялся: и им - не стыдно?

В Мексике был ещё бой быков. Отвратительное зрелище! Не хочу даже описывать. Хотелось плюнуть и уйти, но боишься, что дорогу не найдёшь.

Туристская программа была замечательная. Кончился конгресс, и мы поехали на машинах поперёк всей страны, около 500 километров. Тогда по дороге видели уже настоящую индейскую бедность. Хижины - навес из пальмовых листьев на столбиках, одежды - минимум. А почти рядом, роскошный курорт Акапулька, как Сочи.

Из Мексики летели через Стокгольм. С погодой нам повезло, в Стокгольме туман. Застряли за счёт авиакомпании, гостиница, питание, экскурсии. Очень интересный город на воде.

Но главное, были в Каролинской больнице, на операции у самого Крэффорда (кардиохирург первого ряда!). Он делал суживание клапанного кольца больному с митральной недостаточностью (это когда не смыкается клапан между левым желудочком и предсердием). Надо же! Сорок лет назад. Оригинальный АИК шведского изобретения я рассмотрел. Искусственное кровообращение длилось два часа, и результат операции, наверное, был плачевный, если на следующее утро нам не сообщили о больном.

Ещё одно помнится, наши запустили в космос собак, Белку и Стрелку. Здорово?! Но, оказывается, ханжи из капитализма вопили в газетах в защиту животных, вот, дескать, какие большевики живодеры!

8. 1958-59 гг. АИК-Аппарат Искусственного Кровообращения.

Путешествие окончилось, следствия остались. По крайней мере, два - анестезиология и искусственное кровообращение.

О первым уже говорил: Маловичко и Депутат научились вводить трубку в трахею и через неё давать смесь кислорода с парами эфира. Одновременно улучшилось слежение за больным и управление организмом с помощью капельных вливаний и лекарств. Называется "обеспечение безопасности".

Но была нужна теория.

На конгрессе я купил английский учебник по анеситезиологии, проработал и перевёл всё самое важное. После этого в Институте Усовершенствования объявили прием курсантов по новой специальности - анестезиологии. В начале 1958 собрались врачи из областей и Киева. Я прочитал им короткий курс лекций. Потом передал кафедру А.И.Трещинскому.

От него и пошла вся школа анестезиологов и реаниматоров Украины.

В 1957 году жить не давала главная проблема: искусственное кровообращение.

Приехал из Мексики и сразу засел за эскизы АИКа.

За неделю был сделан чертеж по всем инженерным правилам. Принцип кровяного насоса взял у Крэффорда. Оксигенатор для насыщения крови кислородом - от Лилихея. Машина получилась не очень сложная, но требующая точности. Нашлись инженеры-энтузиасты, но нужна тысяча рублей новыми, но "живыми" деньгами. Достали. Аппарат был готов за два месяца.

Экспериментальной лаборатории у нас не было, собак жалел. Но тут пришлось переступить. Создали собачью операционную прямо в клинике, на первом этаже. И нашли лаборанток - Ольгу Лисову и Розану Габович.

С начала 1958 года уже пробовали присоединять АИК, выключать сердце. Учились выхаживать. Утром на конференции дежурный врач после больных докладывал и о собаке. Больше всех работал Лисов. Трудно двигалось дело, половина животные умирали после часа искусственного кровообращения.

Но все же в конце 1958 года мы рискнули выйти на человека. Ждали критической ситуации, когда при закрытой операции останавливается сердце, чтобы попытаться оживить с АИК. Дождались, несчастье случилось. Массаж сердца, спешно присоединили АИК. Но оживить не смогли.

После этого ещё год экспериментировали и сделали ещё попытку и снова смерть, от воздушной эмболии. Только третий больной 10 марта 1960 года перенёс операцию. Помню его. Мальчик с тяжёлой тетрадой Фалло (из детдома). Звали его Коля Кравчук.

Мы не были первыми в Союзе. На полгода опередил Саша Вишневский на аппарате Института инструментария. Фактически всё приготовил и делал Володя Бураковский. Вторыми были Институт Бакулева. Они пригласили бригаду с АИК-ом из Англии, те сделали пять операций, с одной смертью, и оставили аппарат бакулевцам. Третьими были мы. Ещё позднее - ленинградцы, от П.А.Куприянова. Они тоже свой аппарат создали.

Так или иначе, но в первый же год мы обогнали всех - сделали 50 операций и потеряли только пять больных. Потом бы нам такие результаты! С тех пор и держим первенство, по крайней мере, по количеству операций. Теперь уже под новым директором, Геннадием Кнышовым, уже академиком. Он пришёл к нам аспирантом в 1962 году.

Тогда, после первого аппарата было ещё две самоделки. На последней "рыжей" машине прооперировали несколько сот больных. Нет, я не скажу, что наши АИК-и были лучше импортных. Много хуже. Но, отечественных приличных машин мы так и не дождались. Хорошо, что стали покупать за границей.

Операции с АИК усложнили жизнь - потребовалось больше людей.

… … …

В 1962 году я удалил долю лёгкого (рак) писателю Дольд-Михайлику, Юрию Петровичу. Он был единственный пациент, с которым потом подружился. Операция прошла нормально, пациент - терпеливый и при том, богатый, щедрый, всем сёстрам конфеты раздал.

Через две недели, когда всё позади, пригласили в гости. И, оказалось, очень душевно и интересно. Так и создалась привычка - два раза в месяц по субботам, в гости к Дольдам.

Две вещи сделал для меня Дольд, не считая прелести общения, научил пить коньяк, чтобы в удовольствие и без тошноты и пристроил "Мысли и Сердце" в издательство. Писатель он был средний, человек - умный, убеждения - "контрик". К сожалению, пьяница. А тут ещё рак лёгкого.

От алкоголя я потом получил много удовольствия. Даже жалел, что поздно разобрался. Борис уж очень этому радовался:

- Ты теперь человеком стал, Никола!

Аркаша тоже одобрял. Он любил выпить, в меру.

9. 1959-63 гг. События и встречи в 60-х.

Жизнь на грани 60-х была наполнена до краёв. Конференции, съезды, поездки, командировки. Защиты диссертаций помощников. Банкеты. Заседания хирургического общества: демонстрации больных, доклады. Лекции курсантам.

Но превыше всего были два дела: операции, которые никогда не откладывались - это 150-200 в год. И дочка. Её утренний час и вечерний час.

Ещё гимнастика. Забыл написать, в сорок лет начала сильно болеть спина. Сделали снимок, позвонки срастаются. Профессор-ортопед сказал:

- Это от стояния. Будешь на карачках ползать. На грязи! Каждый год !

На грязи не поехал, разработал гимнастику: система из 10 упражнений каждое по 100 движений. Так и пошло, без единого пропуска, до сих пор. Только методики менялись. Отсюда пошла моя пропаганда здоровья: "Режим ограничений и нагрузок". Некоторые говорят, что она принесла пользы людям больше, чем операции. Не знаю. Если судить по мешкам писем, которые получал после каждого издания книги "Раздумья о здоровье", то может и так. Книгу издавали 12 раз с общим тиражом 8 миллионов. Но это было много позже. В 1961 гимнастику описал в газете.

... ...

Из числа конференций особенно запомнилась в Ленинграде в конце 1958 г. Отправлялся в плохом настроении, как раз умер первый больной с АИК.

Мы ехали с Киркой в двухместном купе, читал его повесть "Медсанбат" (не удалось напечатать). Остановились в Октябрьской гостинице.

Я сидел в президиуме, и в один из дней из-за кулис вышла Галя!

Мы не виделись с 1940 года. На войне только раз обменялись письмами.

Свидание с Галей было недолгим: она жила где-то в пригороде, спешила на электричку. Посидели в кафе, проводил её на вокзал. Странно было держать под руку, знакомое ощущение. Галя работала по фтизиатрии. Муж - бывший военно-морской врач. На флоте они и познакомились.

Была со мной откровенна. Недовольна мужем, пьет. Жалеет, что разошлись со мной. Я такой жалости не ощутил.

Конечно, встречались с Борисом. Неоднократно. Он уже

служил в Военно-морской медицинской академии. Рассказал о порядках в армии: "бардак"! Генералы - "говно", нового не хотят понимать. Флот злится на Хрущёва, он провёл большое сокращение. Но увольняют "не тех".

Аркаша тоже жил здесь, на территории Окружного госпиталя. И опять - разговоры, разговоры, воспоминания о войне.

Был в клинике у Петра Андреевича Куприянова. Он меня очаровал. Он всех очаровывал. Познакомился с его помощниками, среди них Бураковский..

Замечательная была поездка! Великое удовольствие - общение.

... ...

Потом снова - киевские будни. Впрочем, какие будни при "АИК"-х! Постоянная нервотрёпка: сердце не "запускается", больной не проснулся.

В январе 1959 года профессор Жепецкий пригласил в Польшу, точнее в Закопане, там у него была клиника по хирургии туберкулёза. Хорошо принимали. Оперировал. Доклад делал. Поляки понравились.

В том же январе познакомился и подружился навсегда, с семьей Юлика Березова, профессора от Бакулева, сына Ефима Березова, из Горького. Жена - Марго, тоже из профессорской семьи. Мать Юлика - полька, отец - еврей. Юлик записался евреем, "из протеста". Теперь хлебал от антисемитизма.

Юлик был очень-очень образованый профессор!

Мои главные друзья из России - Борис, Аркаша, Кирилл, Юлик были знакомы, но не все дружили. Замыкались через меня.

... ...

1962 и 63 годы были полны всякой всячиной, хорошей и плохой.

Первое, росла Катя. Ой, сколько она мне дала счастья, маленькая! Куда там, женщины! Бывало, утром прибежит в длинной рубашонке ко мне в постель, обнимет... Все отдашь! Биологическое чувство. По утрам у нас был урок - буквы, чтение, разговоры, гимнастика. Она рано пристрастилась к книгам, выучила английский, ездила со мной всюду. Досрочно школу окончила. Институт - и отошла. Обиды не имел - биология.

Ещё о делах семейных. Лида закончила институт в 1958 году и пошла работать к Ольге Авиловой, на Рейтарскую.

Исполнилась её мечта, стала хирургом. Молодец, ко мне не просилась. Самолюбие. Довольно быстро начала оперировать, до удаления лёгких добралась. Ольга - руководитель строгий. Очень строгий! Поблажки уж точно не дала бы. Домой Лида приходила позднее меня. Бабушка, Елисеевна, вела хозяйство и блюла

внучку.

Запомнился случай. Среди дня звонят с Рейтарской.

- Срочно приезжайте! Кровотечение на столе !

Тут не разбираются, - скорее ехать. Но с полчаса всё же заняла дорога.

Застаю картину: Лида повредила лёгочную артерию, при удалении лёгкого. Помельтешилась с зажимами, туда-сюда, неудачно, кровопотеря растёт стремительно, вот-вот умрёт больной. Ольги где-то не было. Заткнула дырку пальцем и закричала:

- Зовите Николая Михайловича!

С войны ещё я не боялся кровотечений. Нет, не правда - боялся, но не терялся и умел справляться. Были смерти? Да, были. Но мало - всё помню. Очень драматично. Страдание.

И в тот раз быстро управился. Слов Лида не произносила, сам должен понимать.

Работала она увлечённо. Начала писать диссертацию, моей помощи не просила, корпела самостоятельно.

Пока не случилось несчастие, прикрывшее её хирургию. Но об этом расскажу потом.

Наши личные отношения были... Как назвать? Прохладные? Но уж точно кризисов не намечалось, дочка цементировала брак. Обиды на меня были, чувствовал. Она вообще обидчивая, моя жена. Но не высказывала.

10. 1962-64 гг. Чины и награды.

Много всяческого почёта нахлынуло на меня в те годы.

Как-то вызвали в Обком (или в Горком? Мне все едино: "туда"). Иду с беспокойством, от властей всегда одни неприятности. Лучше от них подальше.

Разговорчик типичный:

- Есть мнение выдвинуть вас депутатом в Верховный Совет. Трудящиеся поддержат.

Сказал: "трудящиеся". Будто я не знаю какие. Запротестовал.

- Я не умею... и занятый человек. Пожалуй, я откажусь.

Даже руками замахал!

- Что вы, что вы! Руководство уже согласовало.

Куда мне деться? Знал отлично, попал в разнарядку, наряду с колхозником и рабочим, нужен "беспартийный профессор, пользующийся уважением." Самое подходящее - доктор, хирург, спасает от смерти.

Пошла предвыборная кампания. Я не очень выкладывался, сходил 2-3 раза на встречи. Старался сохранить лицо, здравицу в честь партии не провозглашал. Обещал честно работать "на пользу народа". Конкурентов тогда не полагалось: "единый кандидат от блока коммунистов и беспартийных".

Конечно, меня выбрали, что-то 99% с десятыми. Тогда всех так выбирали. На другой день принесли удостоверение, поздравили. Поблагодарил. Угощения не поставил. Стал депутатом - на 19 лет! "Без драки, попал в большие забияки".

Скажу так: работал честно и пользу избирателям приносил. Депутаты-начальники вели приём раз в месяц. Я не знал порядков, принимал каждый понедельник. Секретарь, Аня - Анечка, регистрировала. Платил ей 40 р, почти половину депутатской "получки", она была невелика - всего 100 р.

Подавляющее число просителей обращались по квартирам. Сколько я за это депутатство повидал несчастных судеб! Не счесть. Выслушивал, писал на бланке ходатайства по начальству. По телефону звонил. Нет, чтобы лично - не ездил. Моё время дорогое. И что вы думаете? Уважали меня не только простые люди, но и начальство. КПД ходатайств доходил до 60%!

Никакого трепета на первой сессии Верховного Совета не испытал. Киевская команда сидела в первом-втором рядах, на правом фланге - в том старом огромном зале, его сделал Сталин из двух, что остались от царя. Теперь Ельцин снова перекроил, исторического, советского зала, нет.

Была наша хорошая компания: Олег Константинович

Антонов, авиаконструктор, Борис Евгеньевич Патон, президент Академии. Был ещё очередной первый секретарь обкома, они менялись, и я не запомнил - это другая компания. Третья компания, рабочий и двое колхозниц, "героев соцтруда". Спеси перед "простым народом" у меня никогда не было, но разговаривать по душам не умел. И не любил.

Прямо перед нами на сцене сидело всё начальство. За столом члены Президиума сессии Верховного Совета, позади них - Политбюро, во главе с "Первым". Еще дальше - министры.

Вот они все, "хоть руками щупай!". Нагляделся. Никита Хрущёв отсиживал последние годочки, но его длиннущие речи я ещё слышал. Читал нудно, но потом отвлекался, снимал очки, отодвигал текст и начинал говорить - со страстью, красиво! И снова затухал. Бог с ним!

Мы занимались разговорами на разные темы. Антонов особенно нравился. До самой его смерти дружили, в гости ходили, но не скажу, что полная дружба. Чувствовалась некоторая его природная закрытость, хотя не страх. Высказывания себе позволял, но только мне. Доверял.

Говорил, "за жизнь":

- Зазвонит ночью телефон, подхватываюсь, в поту: Неужели опять самолет упал?

Его положение было хуже моего. Когда звонят ночью о кровотечении или другой катастрофе - умрёт один человек, а у него - сто. Отдушину находил в живописи, картины на выставках ставили. Ещё за садом ухаживал. Трудности в семье были: "За всё нужно платить" - жена на тридцать лет моложе.

Мне лично пользы от Верховного Совета было мало: бесплатный проезд, но зато командировочных не брал. В санаторий ездил только раз. Впрочем, удобства были, не прибедняйся, Амосов, всегда есть билет в спальном вагоне, место в гостинице Москва. Это ценно в нашей державе.

Ну да Бог с ним, с Верховным Советом! "Была без радости любовь, разлука будет без печали". Меня в тот советский заход выбирали четыре раза. К 1979 году видимо надоело. Первый секретарь обкома приходил, извинялся: Что-де нужно другим дать шанс.

Но... человек глуп. Через десять лет опять полез. Правда, уже в "ином контексте". Разговор - впереди. Скажу авансом - сделал глупость.

Другие чины мне пошли ещё до депутатства. В 1961 году дали Ленинскую премию за хирургию лёгких. Вполне законно, именно я был лидером, по числу операций и результатам. Хотя "пробил" премию Богуш.

Медаль лауреата вручали в нашей Академии. Забавная история вспоминается в связи с этим. Ехали с Мамолатом на вручение. Он смеётся:

- Сейчас будешь партию благодарить.

- Нет, не буду! Как-нибудь обойду, скажу "Спасибо комитету по премиям, за высокую оценку моих скромных заслуг".

- Не обойдешь, вот увидим.

Обошёл, как обещал. Но... на утро слышу радио:

- Лауреат Амосов благодарил партию и правительство.

Мамолот долго смеялся:

- Подправили тебя. Неблагодарного.

Потом у меня ещё три премии были - Украинские государственные, но этот случай запомнил.

В тот же 61-й год меня избрали в члены-корреспонденты Медицинской Академии. То есть, избрали уже по второму заходу, первый раз провалили.

И в этом деле я не мельтешился. Позвонил Бакулев, он был президентом: "Подавайте документы, президиум рекомендует". Но члены академии ему не вняли. Говорили, что ещё на партгруппе сомневались: почему беспартийный? Без партии было не то чтобы нельзя, но нежелательно. Нас, таких, было в АМН всего несколько человек.

На следующий год избрали без хлопот, по старым документам. Решили, видимо, что созрел, можно пустить без партбилета.

Через семь лет эта история в точности повторилась в Украинской Академии: тоже предложил президент, тоже провал по первому разу.

Скажу честно: не вёл "избирательных компаний", ни разу никому не звонил, не просил. Булгаков хорошо сказал: "Ничего не нужно просить".

Впрочем, может, я утрирую? В академии сидели совсем не идиоты и знали истинную цену политике. Только молчали. Нет, к сожалению, хуже: нужные Партии слова говорили.

Звание заслуженного деятеля науки Украины мне дали ещё в 1958 году. И орден Ленина. Потом ещё были ордена. Вывод: обласканный партией.

Однако и героя изображать не собираюсь. Против захвата Праги на Красную площадь не выходил. Матерился на кухне. Ни разу не подписывал, ни за ни против "отщепенцев, космополитов, предателей". Но и не уверен, что устоял бы, если бы крепко прижали, с угрозами.

Такой вот грустный конец по поводу чинов.

11. 1962-63 гг. Поездка в Штаты. Съезд в Харькове. Искусственный разум.

В сентябре все того же 1962 года позвонили из Москвы "Вы поедите на месяц в Штаты, знакомится с сердечной хирургией. Состав группы: Колесников - руководитель, Куприянов и вы - члены."

Сначала об участниках.

Колесников уже был директором бакулевского института. Сам Александр Николаевич постарел, болел и отходил от дел. Колесников шел в хирургию от партии, этим всё сказано. Смело взялся, много больных отправил на тот свет. Врачебный народ в институте его не любил.

Совсем другое дело Куприянов, Петр Андреевич. Я уже о нём писал. В то время ему было 68. Блестящий "действующий" генерал Военно-Медицинской Академии. Высокий стройный, подтянутый, настоящий офицер, "голубая кровь", дворянин. Его клиника в ВМА имела всё: лёгкие, сердце, пищевод. Были и ученики. Настоящим оказался только Володя Бураковский.

В гостиницах Колесников жил отдельно, а мы, с П.А., вместе. Много было времени для разговоров. Пересказать невозможно, бывают же такие люди!

Обычно нас встречали руководители клиник, многие приглашали домой.

Самым знаменитым был старик Блэлок в Балтиморе. Он даже в клинике угощал с водкой.

- У нас это запрещено, но, помня Киев, пренебрегу.

Предыстория была: в том же году, весной, Блэлок со своим учеником Мороу были у нас. Смотрели операцию при тетраде Фалло. Удивлялись простотой методики и малым объёмом использованной крови. Потом, в кабинете мы накрыли стол и напоили Блэлока допьяна.

Всё путешествие описывать не буду. Только перечислю места и лиц. Минеаполис - Лилихай, его АИК (видел в Мексиике).

Рочестер, маленький городок и клиника братьев Мэио. Потрясло: ежедневно до тридцати операций во всех частях тела. Сердца оперировал совершенно блестящий молодой хирург Кирклин. Когда смотрел, чувствовал себя просто безруким.

В Чикаго присутствовали на годичном конгрессе "колледжа хирургов". 10000 (!) участников, всех специальностей.

Кливлянд: зарождение коронарной хирургии. Забыл имя доктора. В ресторане угостил омаром. Как в романах.

В другой клинике видели нечто совсем новое: создание искусственного аортального клапана створками из кусочков синтетической ткани.

Бостон: посещение кардиолога Уайта. Показал таблицу открытий в кардиологии: было приятно увидеть "Образцов, 1903 г. Перовое описание инфаркта миокарда".

Там же в Бостоне видели Кольфа и его первую искусственную почку. Ещё нам показали метод закрытого массажа сердца ритмическими толчками на грудь в области сердца. Тогда он только появился.

Около Вашингтона посетили Национальный Институт Здоровья в Бетезде. Колоссальное заведение! Финансы равны нашей АМН (Российской). Его создали после нашего спутника: Америка вдруг почувствовала угрозу со стороны Союза не только по оружию, но и по интеллекту. Перестраивали образование, резко увеличили деньги на науку. Стали переводить все наши журналы. И скоро убедились, наука в Союзе однобокая, только на оборону, а биология и медицина - ерунда. Но американские учёные нам благодарны - за толчок.

В США в то время оперировали с АИК в 300 центрах.

Перед отъездом походили по магазинам: осталось немного денег. Купил себе две нейлоновые рубашки специально для командировок - можно стирать под краном и не гладить. Они мне очень пригодились, но для другого дела.

Петр Андреевич прожил после Америки немногим более года. Умер от рака. Рассказывали, что сам поставил диагноз и был мужественен до конца.

... ...

В начале шестидесятых в нашей кибернетике начались работы по моделям Разума. Интерес к проблеме старый, от студенчества. Когда Шкабара познакомила с кибернетикой, а потом создали Отдел, начал думать. Обновил старую гипотезу о механизмах мышления и задумал модель Разума. Тут подоспели аспиранты - супруги Касаткины - Лора и Саша, инженеры.

По моей гипотезе о мышлении они создали модель Разума на вычислительной машине БЭСМ-6. Некое "разумное" существо, наделённое несколькими чувствами, передвигалось к цели по лабиринту с препятствиями и пищей. Этим "Разумом" я иллюстрировал книгу "Моделирование мышления и психики", которую опубликовали в 1965 году.

За четверть века ребята сделали с десяток моделей Интеллекта. Впечатляла самодвижущаяся тележка с Разумом на нейронных сетях: она очень разумно передвигалась по институтскому саду. Ребята написали две солидные монографии,

в дополнение к моим книжечкам по Алгоритму разума.

Отдел существует, но на ИИ уже не замахивается. Как бы выжить.

Вот самая суть гипотезы о мышлении.

Предельно упрощая - разум (мозг) управляет. Чем угодно, внешним миром, собственным телом. Инструмент управления - модели из нейронов.

Разум - это "Мозг" - вместилище моделей - мира, самого себя, и программ поведения. Действия с моделями в мозге - это изменение их активности, то есть возбуждения нейронов.

Источником активности являются центры чувств, производных от потребностей и желаний. Они направляют движение активности по моделям от "входов" - разражителей, к "выходам" - действиям. Получается так: Разум управляет объектами, а чувства управляют самим разумом.

Нейронные модели имеют одно важнейшее свойство: они способны к тренировке, повышающей их собственную активность, причём между ними проторяются новые связи. За счёт этого разум (нейронная сеть!) все время изменяется, в зависимости от среды и собственных действий, преобразует себя. В этом суть приспособления и творчества.

Эволюция выработала Общий Алгоритм Разума (ОАР), воплощаемый в последовательной активации "порций управления", я назвал их Функциональные Акты (ФА).

Типовой ФА состоит из самостоятельных этапов: восприятие, распознавание, прогнозирование, оценка, целеполагание, планирование, решение, действия, запоминание.

Всякому разуму присущи три недостатка:

1. Ограниченность: модели всегда проще сложных систем, поэтому разум не может проникнуть во все тонкости структур и функций сложных объектов. Например, организма и общества.

2. Субъективность: изменчивые чувства - критерии довлеют над всеми операциями разума, поэтому " разумные" действия столь непостоянны и очень различны у разных разумов.

3. "Увлекаемость": избирательная тренировка моделей "живого" разума в процессе действий, лишает постоянства его решений.

В сумме, эти недостатки объясняют, почему не совпадают "истины" полученные разными людьми: каждый разум видит свою истину и только простые явления им кажутся одинаковыми. Привести "истины" к единству призвана математика. Но ее возможности ограничены простыми системами. Создавая модели, мы пытаемся расширить возможности " объективного и стабильного" разума.

… … …

В Разуме нет ничего мистического, он воспроизводим средствами электроники - Искусственный Интеллект. Не надо себя обманывать, до человеческого разума ему очень далеко. Но расстояние уменьшается с каждым годом.

12. 1963-65 гг. Клапаны.

С той поездки в Америку я заболел клапанами. Основные врождённые пороки у детей старше шести лет мы уже оперировали, а с приобретёнными пороками сердца был полный провал. Когда в створках сплошной кальций, нужны искусственные клапаны. Что делать? Американских створок у меня нет и не будет, импорт закрыт для советских хирургов. Больные обречены на смерть в течение 2-5 лет. Это оправдывает риск операции.

Вот и рассудите: право на эксперимент на человеке.

Поверьте, очень нелегко решаться на новую непроверенную операцию. Для которой, ну, ничего нет! Кроме самоделок.

Много проще сказать: "На нет, и суда нет". Отойду в сторону. Пусть умирают, спасаем, кого можем. "Не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет".

Мне такая позиция не нравилась. Считал возможным рискнуть одним- двумя обречёнными больными, такими, которые никому не нужны: родственников нет или не способны содержать больного прикованного к кровати. При том условии, если никто в Союзе таких операций не делает. И, конечно, с предупреждением больного и родных об опасности операции.

"Ты что, Амосов, Господь Бог? Решаешь кому жить, кому умирать?"

Позиция циничная, но без неё хирургия не двинется.

Так и ходил под этим всю хирургическую жизнь, и когда лёгкие осваивал и пищеводы и, тем более, сердце.

Эти проблемы снова встали, когда задумал клапаны.

Был у нас один врач-экспериментатор и изобретатель: Юра Кривчиков, имел дар. Ему я и выдал "социальный заказ" - создать протез клапана. Для створок предложил... нейлон из рубашки. Американцы из нейлона делают свои створки. Сначала начали штопать этой тканью отверстия в перегородках сердца у детишек. Получалось хорошо.

Тогда Юра вместе с нашим механиком создали конструкцию: каркас из нержавейки и на нём пришиты створки из нейлона. Клапан даже попробовали на собаках, но они не переносили саму операцию. Пришлось решаться.

Как всегда, больным предложили подписать расписку: "Предупреждён об опасности операции". Но куда им, бедным, деться, когда смерть рядом?

В течении полугода я вшил новые клапаны семи больным. Умерла после операции одна девушка. Ближайший эффект у

остальных оценивали как хороший или отличный. Все были очень рады.

Но... преждевременно. Через полгода пришли первые две больные с рецидивами порока.

Тут я впервые усомнился в честности американских хирургов. Пластика створок клапанов сначала распространилась, многие хвалились в журналах десятками отличных случаев. И вдруг, как отрезало. Публикации прекратились. Спустя год-два появились робкие и очень скупые признания, клапаны негодны.

Но нам эти признания уже не помогли. В последующие два года только двоих удалось спасти вшиванием новых клапанов, совсем других.

За мою многолетнюю практику такие случаи - с иностранцами, повторялись неоднократно: нахвастают много, а отыгрывают оч-чень скупо.

История с клапанами на этом не кончилась. В 1963 году американец Старр опубликовали новую конструкцию, шаровой клапан, как в насосах. Шарик из селиконовой резины, седло - из стали, с обшивкой по ободку синтетической тканью, для фиксации к сердцу. Солидная такая штука - до 4 см. в диаметре.

На этот раз нам помогли инженеры. В городе Киров-Чепецк на Урале, есть завод, делает химию для обороны. На заводе был главный конструктор, многократный лауреат. И при том с пороком сердца. Он и взялся, сделал точную копию клапана Старра. Приезжал к нам знакомиться, привёз образцы. Заодно полечился. Но мы уже обожглись на своих и не спешили использовать. Начали в Москве, у Бакулева, но потом и мы попробовали - понравилось. Однако скоро обнаружился дефект: на границе, где "тряпка" прилегает к стали образуются тромбы, они отрываются и дают мозговые эмболии. Мы были пуганые и остановились, стали думать.

И придумали, обшивать всё седло, чтобы не было голого металла. В этом случае седло обрастает целиком и тромб не образуется. Второе, Юра Кривчиков вместо шара использовал полусферу, габариты сократились почти вдвое. Конструкцию отдали на завод, и они пустили в производство.

Два года мы очень осторожничали, вшивали только самым обречённым, пока не убедились в безопасности. Потом эти клапаны по всему Союзу применяли 20 лет. Через год после нас Старр тоже стал обшивать всё седло, как мы. Он сам придумал. А эмболии ? Нет, совсем не прекратились, но стали редки, если правильно применять лекарство тормозящее свертываемость.

Но вот драма: этот инженер от своего клапана и погиб. Его оперировали у Бакулева и он умёр в первый день - была ошибка

хирурга.

Юра Кривчиков больше ничего толкового не изобрел, начал сильно пить, уехал, и прожил недолго.

13. 1962-68 г. Писатель.

История с писательством началась в 1962 году, когда были написаны "Мысли и сердце". Воспоминания по поводу начала такие. Был действительно ужасный день - вскрытие девочки с бантами, умершей по моей вине. Потом экстренная операция по поводу аневризмы аорты с кровотечениями, развившейся после ушивания Боталлова протока, самого простого порока сердца. Аневризма порвалась и больная умерла на столе от кровотечения.

Такая тоска, что нужно было напиться или выговориться. Пить тогда ещё не умел, а на другой день сел писать. Так родился "Первый день" будущей книги. Помню, что было чувство стыда, когда перечитывал и правил: "Зачем ты это сделал? ", "Так раздеться на людях"... "Не поймут и осудят. Спрячь!".

Но спрятать не мог. Нравилось. Читал и перечитывал, даже вслух. В конце концов, решился представить друзьям.

Решающее слово сказал Дольд.

Это здорово! Ты - настоящий писатель.

Не очень-то поверил, но было приятно. Сказали люди понимающие, не то, что друзья, хирурги.

Вдохновился. Не рассчитывал выйти в литераторы, решил использовать для объявления своих научных идей (проповедник !).

Главы в книге, после первой, были уже бледнее, но ещё приличные. Мнение Кирки, кажется, приводил, но повторю:

- Если бы ты умер, после первой главы, то сказали бы: "Какого писателя потеряли!" Всё остальное творчество только испортило впечатление.

Во всяком случае, я придумал фабулу и к концу 63-го года написал всю книгу. Дольды прочитали, одобрили, и Юра устроил знакомство в издательстве. Получилось очень удачно, редакторы заменили всего несколько фраз.

Славу книге дал журнал "Наука и жизнь". Тираж - миллион. Сосватала туда Джана Манучарова, журналистка из "Известий. С этого началась дружба с ней на двадцать лет. Джана отлично писала о науке.

В 1995-м, на семидесятом году жизни, она отравилась. Ещё раньше говорила: "Буду не нужна - отравлюсь". Я не верил. Сильная женщина.

Потом "Мысли и сердце" переиздавали, наверное, раз сорок, почти во всех республиках и в основных странах мира. Это не преувеличение. Во всяком случае, английский французский, немецкий, итальянский, испанский языки присутствуют. А так же

шведский, финский, португальский, греческий, хинди. Не говоря о социалистах, поляках, болгарах, чехах.

С Дольдом всё кончилось плохо. Четыре года на снимках лёгких не было видно патологии. Даже думал, что пронесло. Но чудеса в нашем деле бывают так редко. Летом 1965 года появились признаки рецидива, потом была трудная осень и смерть с тяжелой агонией. Навещать его было - мука. Понял (эгоист?), - нельзя дружить с пациентами.

… … …

Тут следует сказать ещё об одном крёстном моей писательской карьеры, тоже друге, и тоже Юрии, но Григорьевиче, Ю.Г. - иностранце.

Его фамилия писалась как Сент-Джордж. (русскую я забыл). Жену звали Зинаидой Николаевной, из дворян. Отец Ю.Г. по профессии был китаист. После революции жили в Харбине. Потом был "киношником", писателем, журналистом: новеллы, сценарии, очерки, науч-поп. Обосновались в Штатах. Знал лучшие времена. Теперь бедноват, но ещё не очень. Живут в Париже, здесь дочь художница. Двое внуков. Дома говорят только по-русски.

Меня обнаружила их родственница, прочитала "Мысли и сердце", переслала. Ю.Г. написал мне письмо - издать на английском. Возражений нет, передаю права. Это было в 1966-м. Отсюда всё и пошло. С английского переводили на другие европейские языки. СССР не подписывал авторскую конвенцию, но Ю.Г. платил, не очень много, но всё же появились сертификаты для "Березки". Это к слову. В последующем Ю.П. перевёл и издал и другие мои книги: "ППГ 2266", "Записки из будущего". Большого успеха они не имели.

В Союз Ю.Г. приезжал на кинофестивали и по другим делам. Встречались обязательно. Я дважды был у них в Париже. В Лондоне в 1968 г водил меня в дорогой ресторан - два официанта стояли за стульями. И дал 100 фунтов, огромные деньги. Накупил массу книг.

Был Сент-Джордж свободомыслящим и очень "информированным", как теперь говорят. Коммунистов не одобрял, но Россию любил. За мой счёт Сент-Джордж не разбогател. Дела семьи шли к упадку. Из центра Парижа переселились на окраину. Потом Зина умерла от рака. Под занавес Ю.Г. заключил договор с АПН и год жил в Москве, один - учил журналистов, как писать для Запада. Я посещал его при каждом приезде.

Одно из увлечений - парапсихология. Очень обострилось в старости. За свою жизнь он встречался со многими экстрасенсами, верил во всё, даже журнал из Америки в Москву

выписывал. Надеялся на общение душ.

Но болел всё равно тяжело: рак лёгкого - курильщик, как и Дольд. Умирать уехал к дочери, в Париж. Это было уже около 1980 года.

Больно было смотреть на близких стариков, обоих Юриев, как страдания съедали интеллект, менялась личность. Думал, неужели и мне такое ? Умом знал, но чувством не верилось. И до сих пор.

Теперь мне 87. "Отрабатываю программу". Пока себя держу.

... ...

В те годы у меня была-таки слава: отрывки из "Мыслей и сердца" печатали еженедельники в Париже, Берлине, Мюнхене, Риме. Это кроме книжных изданий.

Ладно, Амосов, хватит хвастать: всё равно не писатель.

14. 1963 г. Взрыв в камере.

С трепетом я подхожу к этой главе: "Взрыв в камере".

Тот день был один из двух самых страшных в моей жизни.

Предыстория такова. В американских журналах появилось сообщение о камерах высокого давления для лечения больных и операций.

Смысл: бороться с кислородным голоданием (гипоксией), через дыхание воздухом в две атмосферы, к тканям поступает больше кислорода. Это важно при операциях на сердце.

Идея меня зажгла: вся наша хирургия ходит под гипоксией.

Конечно, у американцев камеры очень сложны. Не по нашим деньгам. Но всё же есть техника и у нас. Мамолат свёл меня с заводом "Большевик". Это мощный завод: делают в числе прочей оборонки и сосуды высокого давления. Поразговаривал с начальниками. Заинтересовались. От промышленности дали деньги, Одновременно с камерами начали проектировать новое здание - пристройку. Половина - под операционные, другая - под камеры. Даже инженеры, работающие на космос подключились.

Дело закрутилось, хотя и не быстро.

Вот тут я и споткнулся. Нужно было ждать, как ждали 10 лет в институтах Петровского и Бакулева, пока им сделали настоящие камеры.

К 1963 году, наш Отдел биокибернетики уже работал на полную мощь. Доходило до сорока сотрудников. Имели двухэтажный лабораторный корпус.

В числе прочего была первоклассная экспериментальная физиология.

Это присказки. Сказка - решили... (Или я решил? Наверное.) построить сначала малую камеру 1,5 на 2 метра, пока проектируют большую. Чтобы экспериментировать и попробовать лечить больных. А повезёт и простые операции делать. Было лето, задумали поставить её на открытой веранде.

Завод быстренько спроектировал и сделал

Всё сделали инженеры... только не по-людски, а совершенно бессовестно, они сделали камеру под кислород, а не под воздух. Существует закон - поставщик техники отвечает за её безопасность, предлагая правила использования и контроля. Прокурор это потом подтвердил.

За всеми этими фразами сквозит подсознательное желание оправдаться. Наверное, так и было. Но внешне ничем не проявил:

- Я виноват!

Эксперименты в камере уже шли полным ходом, не буду их

описывать, всё делалось "по науке" Опыты проводил Владлен, кандидат наук, физиолог вместе с девушками после университета. Всем им были намечены диссертации. Никого не принуждали, шли добровольно.

Более того, Лена с Игорем исследовали больных детишек с синими пороками сердца. Получалось очень хорошо, синева и одышка исчезали. И, даже ещё больше, они же сделали маленькую операцию очень тяжёлому мальчику, недоступную по тяжести состояния в обычных условиях. Я тоже провел два сеанса в камере, хотел проверить самочувствие. Казалось - хорошо.

Владлен вёл эксперименты уже по своему расписанию, не согласовывая со мной, рутинная работа, на потоке.

… … …

Вот этот ужасный день.

Утром на конференции я рассказывал о поездке в Рим на конгресс хирургов. Было что сказать про Рим и хирургию. Всё шло мирно.

Часов в 11 слышу истошный крик в коридоре. Зовут меня.

- Камера взорвалась!

Лестницы, коридоры. Пока добежал с третьего этажа на улицу на веранду… минута? Три?

Застаю картину: бочку поливают водой, кругом пар, из открытого люка валит жаркий дым. Кругом толпятся больные и люди в халатах. Командовал, не помню что, наверное, такое:

- Убрать больных! Носилки! Операционных сестёр! Простыни! Воду в камеру! Вытаскивайте девочек! Анестезиологов сюда!

Выполняли. Кто-то полез в камеру, кто-то расстелил простыни на полу, принесли носилки. Прошло может быть пять минут.

Извлекли. Сгоревшие волосы, чёрные лица, лоскуты одежды. Положили на носилки, на стерильные простыни. Видно, что живые, но без движений, шок.

Вспомнились картины с войны - взрывы, пожары. Но теперь мы умнее, существует реанимация. Обезболить, наркоз. Интубация - искусственное дыхание, гортань поражена жаром. Капельные вливания жидкостей. Потом уже обработать ожоги и забинтовать.

Смутная надежда: А вдруг?

- Нет. Чудес не бывает. 100% ожёг, третья степень.

Бегом несут в перевязочные на разные этажи, чтобы скорее.

Разве вспомнишь мысли, которые тогда были? Наверное об убийстве, о родных, ответственности, куда сообщать, что говорить. Страх был, не мог не быть. Небось и хитрость подкрадывалась, оправдаться. Ссылки на полезность. И

противоположная мысль: "виноват, искупай! "

Мои распоряжения чётко выполняли. Прошло полчаса, может больше.

За это время получил информацию от "наружной службы" эксперимента. Примерно такую.

- Всё шло нормально. Открыли кислород на баллоне. Давление подняли. Отбросили винты на люке. В оконце девочки выглядывали, смеялись. Собирались поесть. Собака спала.

- Потом взрыв! Вырвало предохранительный клапан, повалил дым и огонь. Дальше вы знаете.

Похоже, что нашлась причина, из камеры вытащили обгоревший прибор оксигемометр, измеритель насыщения кислорода, прикрепляется к уху. Единственный электрический. Сомневались, побаивались, но необходимый. Ничтожный ток. Я разрешил.

В связи с этим одна из лаборанток предложила выбросить прибор, когда обнаружили. Чтобы скрыть. Напишут: "причина взрыва неизвестна". Я не согласился.

- Правду, только правду.

Всю правду? Не уверен, что думал "Всю". Хитрость действует из подсознания. Это прокурору.

Но главная проблема - родные. Даже страшно было подумать. Часто приходилось разговаривать с родственниками, объяснять причины смерти, даже признавать ошибки. Но то другое дело, до операции предупреждались: смертельная болезнь, операция необходима, риск большой, предусмотреть все опасности трудно. Расписку брали. Всё равно бывало стыдно оправдываться, если несчастье, но то от судьбы.

А тут? Ты, профессор, послал девчонок на смерть. Ради опытов.

- Это просто ужасно!

Дал задание разыскивать родных. Не просто, середина рабочего дня. Сам позвонил городскому прокурору, министру. В Обком, нет, не звонил. Пусть Мамолат сообщает.

Прокурор тут же сам приехал, не передоверял. Рассказал ему всё как на духу, не для оправдания, для объективной оценки. Он же меня сразу и просветил по поводу техники безопасности, которую должны были обеспечить изначально, от завода. Но сказал:

- Незнание закона не освобождает от ответственности. Будет следствие.

Снисхождения не просил.

- Виноват и готов ко всему.

Девушек забинтовали полностью, включая и лицо, видны

только дыхательные трубки из повязок. Уложили в отдельной палате, в реанимации, на третьем этаже. Лежат, как куклы, под наркозом. Искусственное дыхание, аппарат ритмично работает с лёгким звуком. Стоят капельницы. Подключены мониторы. Зайчик на экране выписывает ЭКГ.

Нет, я не буду фантазировать и придумывать диалоги. В книге "Мысли и сердце" это сделано, так то повесть.

Но память сохранила, ужасно (нет другого слова!) было разговаривать с родными. Они не грубили, но лучше бы били по щекам, была бы частичная компенсация вины.

В течение дня заходил Мамолат, навестили друзья хирурги, Федорвский и Коломийченко. Записали консилиум, что всё делается правильно. Благодарил их за поддержку.

Сердечная деятельность медленно угасала. К ночи обе умерли. Дыхательный аппарат работал, имитируя жизнь.

Сам приказал:

Остановите дыхание.

… … …

Для меня последствий взрыва не было. Только в памяти отложилась вина и неполноценность. Если бы верил в Бога, сказал бы: это Он меня наказал и спас. И ведь не в первый раз!

Думаю, что всё объяснялось проще. Не было умысла, личной выгоды. Всё делалось честно, работали добровольно. Завод имел свою вину. Плюс -"заслуги перед родиной", безупречность работы, бескорыстие. Депутатство тоже сыграло роль. Отношение ЦК - второй секретарь Иващенко очень меня поддерживала. Перед тем заказала проектирование нового большого здания. После аварии, я от проекта отказался.

Тем не менее, судить могли: виноват в халатности. Не думаю, что посадили бы, невыгодно таких садить, вся сердечная хирургия в республике остановится. Но приговор мог бы быть. Морально я был готов к этому. Может быть, даже хотел, для компенсации вины. Не стану лицемерить, "хотел", это если без тюрьмы.

В это время шли выборы медицинских академиков в Москве. У меня были все шансы. Сразу после взрыва я отказался баллотироваться.

Но на похороны идти не решился. Смалодушничал.

Тема о камерах имела продолжение. Пристройку для операционных построили. И большие камеры тоже. Но запустить их в работу не смогли, инженерный просчёт. На этот раз я не вступался, всё делали без меня. Боялся.

Рассказал об этом подробно, потому что самый большой прокол в моей жизни. Потерпел поражение. Виноват. И плохо, что не наказан.

... ...

Осенью 1964 года произошла смена власти. Освободили Хрущёва и выбрали Брежнева. Реакция публики: "Сменили и сменили, дело ваше". Никита таки поднадоел новациями. Ракетами на Кубе он чуть было не вызвал ядерную войну. Опасность тогда от нас скрыли, паники не было, разъяснили только теперь. Но как он ботинком стучал по трибуне в ООН было известно. Смеялись: "Во, даёт!". На обещания перегнать Америку по молоку и маслу и построить коммунизм к 80-му году реагировали спокойно: "Ври толще". Но строительство пятиэтажек приветствовали. О главной заслуге - разоблачении культа помнили всегда. И что Берию прихлопнул - хорошо.

Наверное, он был неплохим человеком, но маловат калибр для вождя. Интеллекта мало. Сменить его стоило. Но ведь и Брежнев не лучше.

15. 1965-67 гг. Разное.

В начале 1965 года ездил в Ленинград: с Борисом повидаться и посетить писателя Юрия Германа - пригласил. Он писал хорошие книги о военных хирургах. Герман читал "Мысли" в журнале и предложил снять кино. Я не отказался, но сомневался по части сценария.

Забегу вперед, фильм "Степень риска" получился, артисты Смоктуновский и Демидова выручили, без них было бы плохо.

Летом распространился слух - Лена Сидаренко беременна. Посмотрел на талию, в самом деле.

Тубинститут построил жилой дом. Квартиры дали Дедкову с Малаховой и Сидаренко. Дедков ушёл в онкологию. Моим заместителем стала Лена - "начальница", как её иронически называли. Так что для "нашего общего дела" беременность была ни к чему, заместитель - это важно.

А что сделаешь? Не запретишь. Про себя думал:

- Пропал хирург. Будет муж, ребёнок, какие тут операции?

Но мужа на горизонте не видать. Правда, в разговорах с Киркой после Харькова Лена упоминалась, но это я потом вспомнил.

А пока - пошёл июль, Катя с бабушкой уехали в Старый Крым, мы с Лидой должны были приехать позднее.

Приехали на "Волге", забрали Катю и двинулись на Кавказ.

Да, забыл написать, мы сменили машину. Даже дважды. Сначала на старую "Победу", а через год Горторг "выделил" "Волгу". Поднажался и купил. "Победу" дал поездить институтскому шофёру, он попал в аварию и разбил.

Очень нравилось ездить на "Волге"! Как придавишь педаль - так и 120 км.

Поэтому и на Кавказ поехали - испытать езду.

Путешествие ни чем не запомнилось. Катя больше спала и читала, чем смотрела на красоты.

На обратном пути заехали в Старый Крым, забрали бабушку и - домой.

Моя совесть не спокойна за эту дорогу - гнал нещадно. 1100 километров проехал за световой день. Елисеевна очень боялась, но сказать не смела.

На другой день у неё случился инсульт. Несомненно от стресса. Положили в нервное отделение Октябрьской больницы. Инсульт тяжелый, полный паралич, потеря сознания.

Жизнь сразу же нарушилась. Прежде всего, это коснулось Лиды: днями сидела у больной, кормила, переворачивала. На

нянечек надеяться нельзя.

Хирургическая карьера по боку. Пришлось ей, несчастной, переучиться на физиотерапевта, чтобы работать в той самой Октябрьской больнице. Диссертацию отставила, нет времени.

Быт тоже усложнился. Попробовали взять кухарку - не понравилось.

Мозг у Елисеевны не восстановился, она была агрессивна. Я, по обязанности, не по сердцу, навещал больную, раз в неделю.

Так мы прожили долгих два с половиной года - хороший уход отодвинул смерть, а хирургическая карьера Лиды рухнула окончательно.

… … …

В начале сентября уехал на конгресс физиологов в Японию. Была большая делегация, даже Бериташвили - древность. Оппонент Павлова.

Дорога: самолет, поезд, пароход.

На конгрессе язык - только английский. Кое-как я уже понимал.

Интерес - сама Япония: Токио и Киото. Видели всё, что полагается видеть. Храмы, театр Кабуки, чайную церемонию с гейшами, огромного Будду, музей национальной живописи: ни с чем не сравнимо. Тонкий вкус у японцев.

Ехать домой не хотелось, всегда ждёшь неприятности.

Вернулся и сразу в новости. Бабушке не лучше, движения и речь не восстанавливается. Лида взяла отпуск за свой счёт, сидит у больной. Но дом не забывает. Правда, Катя училась отлично, не требовалось проверять.

Другая новость, Лене Николаевне в Октябрьской больнице сделали кесарево сечение - мальчик. Были осложнения после операции.

Навестил её. И тут она огорошила:

- Позвоните Кириллу. Пусть приедет и зарегистрирует сына.

Подозрения были, но очень смутные. Знал, что в Москве они виделись. Заметил некоторое охлаждение Кирилла ко мне. Аркаша относил это за счёт ревности к литературным успехам. С другой стороны, ходили разговоры, что Лена на лыжах катается с аспирантами. Кое-что я услышал позднее, но не буду приводить сплетни.

Кире я позвонил в тот же день. Сообщил. Удивления он не высказал - видимо знал, связь была и помимо меня. Обещал приехать послезавтра.

- Времени нет. Должны управиться за один день.

Встретил его в 10 утра. Пригласил к себе. Отказался. Надо сказать, что Кира ни разу у нас дома не был.

- Поедем сразу в ЗАГС. Справка на ребенка есть?

Справка из роддома была, её мне передала одна из наших сестёр, которая навещала начальницу.

Пришли в райсовет. Так и так. Меня все знали, и чувствовал себя в роли свидетеля или крёстного? отвратительно. Как будто участвую в деле, скажем, не очень честном. И даже, как будто я в чем-то виноват.

После этого Кира пошёл в больницу, так я его больше и не видел. Уехал дневным поездом.

Ну, что же, я исполнил долг, Кирка, друг, а начальница была моим верным заместителем восемь лет. Правда, потом отношения испортились. Но вместе ещё долго работали.

Я так и не знаю, был ли зарегистрирован их брак с Киркой. Бывают темы, которые не затрагиваются даже с близкими друзьями. И тем более, когда дружба ослабла, а потом и сошла на нет, как с Кирой.

Она-таки была умна, Лена Николаевна. Теперь, спустя четверть века память о ней двойственная. Уважение, как к работнику. Многим помогла с диссертациями. Хорошо оперировала, хотя после родов перестала. А как к человеку? Большинство затруднялись с ответом. Скорее "нет", чем "да".

Внешне ничего не изменилось. Сына назвали Андреем. К Кирке она не поехала, он тоже. Почему-то браки ему не шли, в своё время быстро разошёлся с Лидой Ежерец, как только квартиру тесть купил. Вот так бывает, дружишь, дружишь, а пройдет время, сопоставишь одно, другое... и засомневаешься.

Нет, не поддамся. Противоречива природа человека.

16. 1967 гг. Доклад в Вашингтоне.

Снова хирургические съезды и конгрессы. Уже надоело описывать. Очень кратко, 1967 год. Сентябрь. Вена. Красивый город и отличная программа. Банкет в мэрии. Вальсы Штрауса. Молодое вино. Не рассчитал, напился до безобразия, постель облевал. Утром застирывал простыни.

В докладах "изюминок" не помню.

Путешествовали по Австрии, не страна, а картинка из детской книжки.

… … …

На обратном пути, в Бресте, я пересаживался на киевский поезд. Позвонил домой. Всегда жду неприятностей, когда приезжаю. Но всё было спокойно. И, самое главное, Лида сказала, что звонили из Большой Академии - на меня пришло приглашение в США, на кибернетическую конференцию, чтобы сделал доклад. Подумать только!

Дома меня ждало письмо от профессора Фогеля, председателя Общества кибернетиков США. Национальная конференция в Вашингтоне: тема Искусственный Интеллект. Мне доклад на 40 минут. Билеты на самолёт посланы в Академию Наук Союза. Фогель объяснил повод для приглашения - он прочитал мою книгу "Моделирование мышления и психики". Уж никак не ожидал, что в Америке переведут, дома книга сенсацией не стала.

Два месяца до поездки прошли в волнениях: готовить доклад, перевод, слайды. Волнения - мой английский слаб.

В те два месяца Сент-Джордж напечатал в Штатах "Мысли и сердце", отзывы отличные. Журнал "Лук" прислал корреспондента и фотографа, решили, что книжка списана с натуры. Пренебрёг запретами на иностранцев и пригласил домой. Подвыпил и высказал всё, что думал по части общества. Крамолу напечатали, но последствий не имело. Времена были уже не те.

Настал день отъезда. Ох, уж эта Академия! Много адреналина выделил. Мне, к примеру, выдали 10 долларов. Будто я в Серпухов еду. Объяснение:

- Они вас пригласили за свой счёт и обязаны содержать.

Аэрофлот, Лондон, пересадка в "Боинг". Вторая, в Нью-Йорке. Очень беспокоился, как доберусь до Вашингтона, ночь скоро, а вдруг не встретят? 10 долларов - это по Америке нуль.

Когда отлетали, был поздний вечер. Мне уже не до красот ночного Нью-Йорка с высоты. Сижу в самолете, горюю. Читаю. И вдруг - повезло. Сосед спросил по-русски:

- Вы из Советского Союза?

- Вот еду на деревню к дедушке. С десяткой в кармане.

Он оказался евреем, выехавшим из России.

- Я вам помогу.

И всё устроилось, он вызвал по телефону посольского чиновника, тот за мной приехал, организовал ночлег.

Конференция должна была заседать в Бетезде, это пригород Вашингтона. На утро господин из ИБМ приехал и забрал меня.

Приехал тот самый Фогель. Оказалось, что он чуточку говорит по-русски,выходец из семьи евреев-эмигрантов. Рассказал мне о конференции.

- Мы только на днях узнали, что кибернетик Амосов и хирург, и депутат, и писатель одно лицо. Журнал "Лук" рассказал. И книжку "Открытое сердце" уже прочитали (так в Америке назвали "Мысли и сердце").

Во как! Но я ему не сказал, что имею всего десятку в кармане. Гордость.

Вечером были в гостях у миллионера. Ночью от волнения болел живот, спалплохо. Но утром сделал гимнастику и совсем неплохо поел за один доллар в кафетерии. Боялся доклада? Конечно, было не по себе. Но, чтобы страх? Нет. Это же не операция.

В восемь утра Фогель открыл заседание и первым представил меня. Сказал, что я и кто. И преподнес сюрприз - изданную в США мою книгу "Моделирование мышления".

Доклад прошёл, скажем, удовлетворительно. Я читал текст, командовал оператору, показывающему слайды: "Следующий, следующий." В регламент уложился. На вопросы ответил, как мог. Много не спрашивали, видели небось, как трудно даётся речь.

В перерыв заседания всех кормили за казенный (ИБМ!) счёт. Суточных на расходы мне не предложили. Разве спросишь? Стыдно.

Как отчитал доклад, так уже гора с плеч свалилась, и дальше ожидали одни удовольствия. Подходили, хвалили. Я разговорился и даже интервью давал журналистам об искусственном интеллекте (по-английски!).

Советник по культуре Х. из посольства, держал со мной связь и составил программу. Часа в четыре он позвонил.

- Встреча с сотрудниками посольства назначена на 18.часов. Я уже не успею приехать за вами. Берите такси и в посольство.

- Но у меня же всего семь долларов! До вас 50 километров!

- Ничего. Привезет, - позвоните у входа. Я выйду и расплачусь.

Не понравилось мне это, но всё обошлось, как сказал

советник. Беседа с посольскими, а больше с их жёнами, прошла нормально. Они читали "Мысли и сердце", некоторые, даже журнал "Лук".

Х. уже расспросил о моих финансовых делах и очень смеялся.

- Не могли же они предложить вам, сенатору, суточные, даже и по полсотни долларов. Вдруг обидитесь?

После выступления мы встретили в коридоре посла Добрынина. Представили меня, сказали, что не на что даже подарок дочке купить. Распорядился выдать десять долларов. Тоже не жирно, но Кате кое-что купил. Последний день погостил очень хорошо. Была доверительная беседа, о преступности, о неграх. Обратное путешествие прошло спокойно.

… … …

Пятьдесят лет Советской власти в ноябре 1967 года отмечали в Верховном Совете очень торжественно, во Дворце Съездов. Посмотрел всех вождей из соцстран и многих послушал. Лучше всех говорил Фидель.

От юбилея я не вдохновился. Но мир социализма казался незыблемым.

В декабре того же года мы с Катей ездили в ГДР по приглашению издателей, они "Мысли и сердце" печатали четыре раза. Денег не платили, но в гости пригласили. Я поставил условие - с дочерью. Пожалуйста.

В Германию ехал с неохотой, больше для Кати, показать заграницу. С войны питал к немцам неприязнь.

Шикарно принимали. Без подробностей - мнение о немцах изменил. Но железный занавес в ГДР действовал крепче нашего. Английских книг не было.

17. 1968 г.Италия. Княгиня Олсуфьева. Сахаров.

1968 г. март. Поездка в Италию и новые знакомства. Меня взяли в группу деятелей от Киева чтобы ехать оживить программу "породнённых городов". Группа скучная, а руководитель - " аппаратчик" из Горсовета.

Утром до работы вызвали в клинику, плохо с больной. За пару дней до того заменил ей клапан. Пока пришёл, Лена Николаевна уже начала операцию. Девушка, Аня Божко, умирала. Только-только успели подключить АИК. Оказалось, возник тромб и затруднил движение шарика. Тромб удалил. Ожила.

В марте 1998 года, было тридцать лет, Аня пришла ко мне, чтобы отметить. Инженер. Пенсионерка. Работает. Сердце в порядке. Принесла статуэтку архангела Михаила - верит в Бога.

… … …

"Родственником" Киева была Флоренция.

Ничего интересного в поездке не было, возили по городу, показали соборы и галереи. Устраивали приёмы, произносили речи о дружбе.

Переводчик, худая женщина лет шестидесяти, Мария Васильевна Олсуфьева. Княгиня. Было семь лет, когда родители бежали в Италию от революции. Здесь выросла, выучилась, вышла замуж за итальянца, родила сыновей. Стала полиглотом. Хорошо зарабатывает, независима. Но Россию не забыла. Переводит российские книги, прежде всего самиздат. Подружилась с диссидентами. Прочитала и мои "Мысли". Их уже издали в Риме в переводе с английского. Перевод М.В. очень не понравился, обещала сделать новый (слово сдержала, спустя полгода прислала роскошную книгу).

М.В. много знала, наблюдая Союз "извне". Мы сошлись в убеждениях.

Через год передала в Париж (я был проездом, навещал Ю.Г.) большую коробку с запрещенной литературой. Побаивался таможни во Внуково, но уже был опыт контрабанды книг под защитой депутатского значка, при каждой поездке на Запад я покупал книги.

Последнее свидание было в Киеве. М.В. путешествовала по Союзу с сыном. Встречалась с диссидентами. Наверное, это было в 1970 г.

К нам пришла с подругой. Представила - Елена Георгиевна Бонер. Имя незнакомое. Был длинный разговор о политике. Дама

была правозащитница.

В то время мне в Институте кибернетики напечатали пару сотен экземпляров книжечки "Моделирование общества". Небольшая, первые мысли. Распространяли по знакомым. Но, Партбюро разобралось, книжку изъяли.

В ходе разговора за чаем выяснилось, что гостья - жена Сахарова. Я всё уже о нём знал. Книжечку передал. Навестить не приглашала.

Но случай представился. Опять таки во Франции М.В. передала новую книжку Солженицына "Август четырнадцатого", с тем, чтобы прочитал и отдал Сахарову или Бонер. Книжка мне не очень понравилась.

Той же осенью был в Москве. Позвонил Бонер, что привёз книжку от М.В. Ответила, что Сахаров сейчас гриппует, приходите через два дня.

Конечно, свидание запомнилось - это же Сахаров! Но столько уже о нём написано, что не хочется вдаваться в подробности. Больше впечатления.

Небольшая двухкомнатная квартира. В той комнате, где я был, стояла широкая тахта. Андрей Дмитриевич лежал и часто кашлял. А его супруга непрерывно курила - дым коромыслом. Я обозлился и не утерпел:

- Вы бы не дымили на больного - он же кашляет!

- Ничего, он знал, на ком женится, пусть терпит.

Подумал: "Вот зараза!".

Мою книжицу Сахаров прочёл и опять же я запомнил реплику:

- Такие модели нужны любому правительству, хоть коммунистам, хоть капиталистам.

Потом обсуждали саму суть разных идеологий. Мне даже неловко писать, но создалось впечатление, что Андрей Дмитриевич мыслит.... скажу осторожно: не глубоко. Что социализм в экономике вполне можно примирить с западной демократией. А уж моих идей о значении биологии в поведении человека он совершенно не принимал. Я не пытался переубеждать - давил авторитет и тормозили ядовитые реплики Бонер.

Пили чай, приходили диссиденты, фамилии некоторых я встречал потом по "голосам". Обсуждали, как можно помочь кому-то из заключенных. Как будто я на минуточку окунулся в эту среду. И не скажу, что очень прельстился. Все равно как если бы встретился с фантазерами - народниками 19-го века. То есть - все правильно, но наполовину - не реалистично.

Ушел с ощущением, что познакомился с великим человеком, но настоящую науку об обществе он создать не может. И его

знакомые - тоже.

Самоуверенный ты, Амосов! Небось, думал -"Никто как я! " К сожалению, за прошедшие с тех пор четверть века так и не встретил надежной гипотезы об обществе.

Связь с Марией Васильевной прервалась. В Союз ее больше не пускали. На письма не ответила.

Елена Бонер меня и теперь часто раздражает самоуверенными тирадами по "Свободе". Но она таки героическая натура, и не только через причастность к Сахарову. Сколько она вытерпела гонений и грязи от КГБ и подонков из нашего общества ! И не согнулась. Это при ее-то болезнях. Настоящий боец. Вполне в духе революционеров столетней давности. Долбает, и долбает коммунистов!

Сахарова я слышал на Съезде Народных Депутатов.Об этом еще напишу.

... ...

Скоро после возвращения в Киев из Германии бабушка умерла. Сняла крест. Но вернуться к хирургии Лида уже не захотела: почти пятьдесят лет - бабий век. Тем более - для хирургии. Так и дослужилась до пенсии физиотерапевтом. Папки с выписками из историй болезни для диссертации долго лежали без движения. Знаю, что переживала, но не говорила. Лида - кремень! Впрочем, достаточно субъективна в оценках. Но никогда - лицемерна.

18. 1968 г. Пересадка сердца.

В том же 68 году задумал пересадить сердце. Всюду уже делают... Желания не было: предвидел тяжкие переживания. А польза? Единицам. Но на будущее клиники нужно работать сейчас. Принять тяжесть. И... грех?

Прочитал литературу. Ясно, что не готовы, но полная готовность никогда не придет, если не начинать. Да, нужна иммунная совместимость, а иммунологии у нас нет. Но можно выбирать донора по группам крови. Да, нужно живое, бьющееся сердце при погибшем мозге. Есть методы и специалисты - гибель мозга можно установить. Это самое главное. А самое скользкое - в моральном плане. Потому что бывают чудеса: просыпается обреченный мозговой больной. Даже через месяцы. Но весь мир идет на риск такой ошибки. Придется и нам. В Скорой помощи договорился, что бы везли - живых по сердцу, но с сильно разбитой головой. Нужна идеальная асептика: выделили маленькую операционную, надраили. То же и в части отдельной стерильной палаты, вплоть до особой вентиляции. Бригаду подобрали для дежурства на дому.

Месяц вели эксперименты на собаках в лаборатории у кибернетиков. Операция пересадки хорошо разработана и не слишком сложна. Правда, из десятка опытов ни одна собака не прожила дольше часа, но ведь они и клапаны не переживали. Нет у нас, и не будет, надлежащих условий в лаборатории. Шумвей, в Стенфордском университете, проделал сотни опытов даже на обезьянах, был готов, как никто, но не решился. Сколько готовился Бернар - не писалось, но - переступил через страх - и сделал. Да здравствуют герои!

Нет, героем себя не считал. Через новые рискованные операции всегда переступал, как через тяжкий грех.

Положили больного, кандидата на пересадку. Честно выбрали, абсолютно безнадежного с поражением всех систем сердца: миокарда, коронаров, клапанов. Расписку о согласии взяли - от самого и родственников.

Ждали долго. Наконец привезли молодую женщину после автокатастрофы с разбитой головой. Положили в операционную, где сердце предполагали забирать. Стали исследовать, родственников ждать. Невропатологов пригласили. Пульс еще прощупывался, энцефалограмма - почти нулевые колебания "токов мозга". Череп сильно разрушен, мозг - частично вытек. Нет, я не помню ее лицо, старался не глядеть.

Пришли родные. Объяснял им, что и как. Абсолютно

безнадежна, вопрос нескольких часов. Но можно спасти человека, тоже умирающего. Они не решились прямо сказать: "Берите! " Но скорее "да", слышалось между всхлипываний матери.

- Если всё безнадежно... но ещё посмотрите... А вдруг?

Стали смотреть: пульс, кровяное давление. ЭКГ. Уже приготовлен АИК - подключить к бедренным сосуда, как только решимся. Ждал, когда сердце начнет умирать. Родным все время сообщали, что состояние ухудшается. Они попрежнему были в растерянности - ни да, не нет.

Вот тут бы мне и надо было - переступить!

Не смог! Ждал момента, когда сердце остановится, что бы мог пренебречь согласием родных. Что бы сразу подключить АИК и оживить сердце. Но шли часы, агония длилась, ЭКГ еще писало слабые кривые. Пока стало ясно, что подключаться уже бесполезно. Известно, что агональное сердце пересаживать нельзя.

Скомандовал: " Отбой".

Что? Почему? Испугался прокурора?

Сложно ответить. Скорее - нет. Был авторитет, родные при свидетелях неговорили решительного "НЕТ", была составлена документация.

Не смог переступить через жизнь. " Пока сердце работает - человек жив". Знал, что это предрассудок, что жизнь в мозге, а не в сердце. А в душу, которая будто бы в сердце - живом, не верил.... А все же - грех!

- Не надо хитрить, Амосов. Ты просто струсил.

Попытки не повторялись. Больной, который ждал, умер через несколько недель.

... ...

1969 год, Конгресс в Аргентине. Очень долго летели, с посадками в Риме, в Рио. Боэнос-Айрес: город как город. Конгресс, как конгресс. Ждали Бернара - не приехал. Но пересадки сердца уже шли широко. Кули подсадил механическое сердце в ожидании донора. Когда нашли - заменил машину живым сердцем, но больной умер (теперь эти операции идут). Обсуждали клапаны: механические или свиные. Большинство - за металл.

После конгресса экскурсия в Чили. Приём у президента Альенде, он - врач. Много надежд на социализм и никакого порядка (плохо кончил -Пиночет его свёрг, убили).

В Вальпарайзо были в военном госпитале и видели пациента с пересаженным сердцем. Уже год прошел. Потрясены. Завидовал.

Что значит целеустремленность! Команда - пять военных врачей всё организовали и сделали. Больной - в порядке. Уже год

прошёл.

Вот так работают люди. А мы, то есть я - слабаки.

Повторять не хочу. Ясно, что риск для прогресса хирургии необходим. Но явно переступить через конкретные жизни не мог.

19. 1969-73 г. Разное в начале 70-х. Психология. "Этика стаи".

В декабре 69-го года, со второго захода, меня избрали академиком в Украинскую Академию Наук по отделению физиологии и биохимии.

Довольно скоро после этого Академия предложила сменить квартиру. Построили большущий дом напротив "Оперы" и шло переселение академиков. Мне досталась квартира в старом доме на улице Ленина. Совершенно барская, четыре комнаты, мне всё время за неё стыдно, когда приходят бедняки. Особенно теперь, когда живем вдвоем. Но сил уже нет, чтобы переезжать в меньшую. Библиотека около 10 000 книг.

Через год я перешёл на зарплату в Институт кибернетики, мечтал о теоретических науках. Который раз! Теперь и до последних лет хирургия оставалась "на общественных началах" (вот ведь какая подлая человеческая натура, написал это с некоторым тщеславием. Дескать, не мелочился). Денег хватало с одной ставки (пропали эти деньги - за свободу нужно платить).

Да, забыл написать, меня регулярно переизбирали в Верховный Совет. В 66-м, 70-м, 74-м. Это уж точно, без всяких моих хлопот. Работа была всё та же. Впрочем, нет - и приятное. Два раза ездил за границу с парламентскими делегациями: в 1968 году в ЧССР, в 1970 - в Японию. Обставлялось богато, но дело совершенно показушное. Подарки дарили: в Чехии - ерунду, альбомы, а в Японии - приёмник. Он до сих пор на "Свободу" служит.

Однажды предложили выступить на заседании Верховного Совета. По своей инициативе предложили украинские начальники.

- Текст вам министерство напишет. Им уже сказано.

Но я написал свой. О недостатках: малы финансы, нет аппаратуры, уравниловка в зарплате. Был уверен, что потребуют текст для проверки.

- Кому показать?

- А не надо показывать. Отдайте только перепечатать.

Вот те на! А говорили - цензура.

Речь произнёс. Не волновался. Хлопали. Но когда в "Известиях" печатали, недостатки выбросили. Не заблуждайся, Амосов - Партия бдит!

... ...

Катя отлично училась с первого класса. Сказалась

подготовка, а может быть природа. Никогда уроки ей не проверяли, в табели всегда пятерки. С четырёх лет водили в Дом Учёных в кружек танцев, но способностей не проявила. То же и музыка, отдавали дань стандарту образованности, а она только мучалась. Хорошо выучила четыре вещи. Поступила в институт и больше за пианино не садилась. Увы! Так же бросила утреннюю зарядку.

Когда заканчивался седьмой класс я её подзадорил:

- Махни за год три класса!

Она загорелась и "махнула". Училась дома по книгам, только сдавала зачёты и экзамены. В 15 лет школу закончила и поступила в Мединститут.

Ещё одно событие, казалось, пустяк. Ан - нет! Лида взяла собаку. Для себя взяла, преодолевать отчуждённость - муж занят, дочь выросла. Доберман пинчер, сука, восемь месяцев - не собака, а картинка. Назвали Чари. Нужно выгуливать - это дважды по часу, Лида обещала сама. Но скоро отказалась и утренние прогулки перешли ко мне. Чтобы лучше использовать время, я стал бегать, перед тем книжка появилась "Бег ради жизни". Понравилось и с тех пор бегаю 30 лет с перерывом на болезнь в 1996 - 99 гг. Так Чари "внесла вклад" в мою систему нагрузок. Но не только этим - ещё одна любовь.

... ...

В следующем, 1971 году, я прочитал короткий курс моделирования личности психологам в Киевском университете. Изложил свои идеи: психология - это соединение теории мышления с биологической природой человека, на фоне современного общества.

Вот самое краткое изложение идей.

"Человек общественный" является продуктом эволюции мозга, обеспечившей его Разум удлинением памяти и программой творчества. В сочетании со стадностью существования предков, эти свойства породили общество и оно, в свою очередь, добавив речевое мышление к образному, вывело человека на современный уровень разума. Он воплотился в знаках, вещах, религии, идеологиях, науке, искусстве. Однако биологическая природа, выраженная в инстинктах, осталась и постоянно проявляется в поведении.

Инстинкты выражаются в потребностях: самосохранение - это пища, защита, агрессия. Размножение - секс и любовь к детям. Стадный инстинкт - общение, лидерство и подчинённость, сопереживание. Есть еще потребности свободы, цели, информации, отдыха.

"Электростанция" разума - характер. Есть нервные центры в

подкорке мозга, дающие энергию для Функциональных Актов. Именно по энергии в первую очередь различаются типы личности - сильные, средние, слабые, с добавлением разной "значимости" потребностей. Есть лидеры и подчинённые, стяжатели и альтруисты, любознательные и творцы. "Трудоголики" и лодыри.

… … …

Психологию мы пытались воплотить в модели личности. В них суммируются Функциональные Акты, их мотивы и действия с замыканием на реакцию общества: сколько платить за труд и как наказывать за протесты.

При крайнем упрощении модель личности - это система из четырёх уравнений. От общества: "труд-плата" это стимул. "Труд-утомительность" это тормоз. От гражданина: "плата-чувство" - как растёт приятность от платы и уменьшается от утомления, зависящего от тренированности и силы характера. Решив систему уравнений, определим, сколько человек выдаст труда, сколько заработает и какой обретет Уровень Душевного Комфорта (УДК) т.е. сколько счастья или несчастья. Простой вариант модели расширяется с учетом многих потребностей, введением динамики, т.е. чувств "надежд и разочарований". Модели составляются для разных видов деятельности - труд, учение, развлечения, с учётом различного набора потребностей. Важнейшими "выходами" модели, кроме "труда", являются высказывания "За" и "Против", отражающие отношение субъекта к обществу и правительству.

Модели "обобщенной личности" группы или класса нужны нам для моделирования общества. Данные для них мы получили из опроса экспертов.

… … …

В кипах бумажного хлама (Архив!) есть папка - планы лекций и выступлений на людях. Очень толстая. Можно сказать - летопись публичности.

Новое увлечение - популярные лекции, прорезалось в средине шестидесятых. Оно всё росло и росло, потом стало сжиматься, не потому что не хочу - спрос упал! Но когда-то... полные аудитории, человек 500-700, билетики у входа спрашивают. Почти как на артиста. Выступал в Киеве, городах Украины, Москве, Ленинграде, Прибалтике, Молдавии. Были годы, когда читал до сотни лекций! Платили мало: 40-50 р. А чаще бесплатно.

Нравилось выступать перед публикой: "Глаголом жечь сердца людей". Жечь это слишком, но интерес вызывал. Темы - разные. Прежде всего - здоровье. Мне уже было скучновато, но все любят слушать, хотя никто не следует советам. Ещё любил читать "О социализме". Крамола: примерял к социализму "человеческое

лицо". Тогда мне казалось, что такой возможен.

Разумеется, от Партии меня защищало депутатство. Впрочем, осторожность соблюдал, преувеличивать диссидентство не стану.

В 1973 году ожидался юбилей, а я в Донецке читал о политике. Вернулся. Братусь - министр, пригласил:

Тебя к Звезде представили, а ты такое несёшь. Из Донецкого обкома пришла жалоба. Прошу тебя - подожди с критикой до своего юбилея.

"Героя" к юбилею мне дали. Противно не было.

Звезду вручали в Верховном Совете, вместе с "номенлатурой". Подгорный всех целовал, норовил и меня. Объятья раскрыл, а я увильнулся. Сказал одно слово: - Спасибо.

Смешно? Нет, Амосов, стыдно! "Кукиш в кармане".

… … …

Некоторые предприятия за лекции что-нибудь делали для клиники.

Однажды пригласили выступить в республиканское КГБ.

- Товарищи, что с вас взять?

- Ну, как же! Арестуют вас, мы, по блату в тёплую камеру определим. Есть и у нас чем заплатить хорошему человеку!

… … …

Хирургия шла первой строкой. Хотя я теперь много бывал в своей кибернетике и даже часть конференций начальница проводила, но оперировал так же много - 4-5 операций в неделю, и только сложные, с АИК.

Народ усиленно "остепенялся". Больных, операций - ("материал"!) много только обрабатывай и пиши диссертации. Кибернетики тоже не отставали.

… … …

В 1970 году умер Борис. Летал на похороны. Узнал следующее: Стенокардия. Госпиталь. Инфаркт. Лечили, стало лучше. Велели лежать, а он будто-бы пошёл. Новый сердечный приступ - и смерть.

Помянули с моряками-архангельцами.

Трудно судить сам виноват или врачи. Инфаркт коварен. Приступы были и раньше. Да и что было ждать хорошего при его образе жизни? Жена Надя жаловалась - постоянные выпивки. О режиме и речи не было.

… … …

Важный источник информации - периодика. Выписывал до 20 названий журналов и газет - при Советах они стоили дёшево. "Науч-поп", литературные толстые, философию, медицину, "Америку". Конечно прочитывал может быть одну десятую. Остальное - складывалось на полки, благо кабинет имел большой.

Рассчитывал в будущем прочитать "когда уйду на пенсию".

В 1971 в Эдинбурге купил три очень важные книги: Мэдоуз - "Пределы росту" - по "глобальным проблемам" человечества (о них я ещё напишу) и этолога, нобелевского лауреата Конрада Лоренца "Об агрессии". Еще одну - Гудвилл, о жизни среди обезьян. Эти темы меня интересовали в связи с проблемой "биологии человека" - в ней я видел основы поведения.

Вот заметки в связи с этим. "Этика стаи": Каждый добывает себе пищу, ни с кем кроме детёнышей не делится, и в меру силы, склонен отбирать её у других. Существуют разные модели брачных отношений, но гоминиды полигамны, борьба за партнеров - главный повод для ссор самцов. Могучая потребность в общении собирает индивидов в группы - по полу, по родству, возрасту, "интересам", а лидерство побуждает бороться в группе за первое место и устанавливает иерархию силы ("порядок клевания" в стае кур!). Драки за самку, за первенство, или пищу часты, но не доходят до убийства. Вожак стаи завоёвывает своё место в борьбе и управляет подчинёнными деспотически. Все представители другой стаи - враги. Стая объединяется и бьётся с ними, даже насмерть. Детёныши оберегаются. Существует справедливость обменов при общении - ласками, услугами, но так же и угрозами. Взаимоотношения отрабатываются в играх. В стаях эпизодически встречаются элементы элитарности, демократии и коллективизма.

Чем отличается общество людей от стаи? Идеологиями, придуманными убеждениями, "что хорошо, "что плохо" и "как надо". Если они сильно противоречат биологии - ничего не выйдет, общество теряет устойчивость.

20. 1971-75 г. Дочь. Конгресс в Москве. Смерти.

Катя летом после первого курса возила туристов, англичан, по Золотому кольцу в роли переводчицы. Законно гордилась.

Но на втором курсе был нервный срыв. Пришлось в институте год пропустить, работала у меня операционной сестрой. Мне было приятно с ней оперировать, вспоминал Лиду в молодости.

… … …

В 1971 году в Москве прошёл международный конгресс хирургов. Были секции, заседали в различных залах, был банкет. Всё "как в лучших домах". У меня тоже был доклад. Были знаменитости, Кули даже с собакой приехал!

За время конгресса много виделся с Аркашей. Он уже давно генерал, вальяжный, но для меня, после смерти Бориса стал самым милым другом. Работал главным хирургом генеральского госпиталя, перезнакомился с высшими чинами (Жуков и др.). Мы с ним вели разговоры о политике. Убеждения? Критиковали вождя: "Бровеносец в потёмках". Но… он был умеренный протестант, Аркаша! Дитя системы.

Коньяки отличные. Еда вкусная. Беседы под выпивку имеют особую прелесть.

После конгресса хирурги - иностранцы ездили туристами по стране. Были и в Киеве. Мы дома приём устраивали. Как настоящие интеллигенты - Катя сыграла своего Шопена… Был и маленький скандальчик - хирурги оказались активные христиане, стали раздавать в гостинице религиозную литературу. Власти осторожно пресекли.

А через год умер Аркаша. Когда-то у него был инфаркт, расширенная аорта, а теперь она расслоилась, прорвалась и спасти уже не смогли. Не буду писать о похоронах и поминках. Сколько можно? Дружбу с домом Бочаровых поддерживаем до сих пор.

… … …

В 1973 году ездил в Штаты в компании кибернетиков на конгресс по искусственному интеллекту. Заседали в Стенфордском университете.

Стенфорд - очень знаменит. Даже по хирургии - там работал Шумвей. Видел эту клинику, а зайти постеснялся. Там же, в университете, лаборатория мирового класса по искусственному интеллекту. Мы попросились посмотреть, пригласили…. на 10 вечера. Здесь увидели настоящую работу. В кабинетах стоят

раскладушки - с понедельника по пятницу редко ходят домой ночевать. Потом своим кибернетикам рассказывал:

- Вот почему капитализм побеждает.

Забегая вперед скажу, что спустя два года подобная конференция была в Тбилиси. Там мы докладывали нашу тележку с интеллектом и имели успех. Иностранцы потом заезжали знакомиться. Хвалили.

Ах, что хвастать! Сплошная досада. Многим показывали, многие хвалили, но до толку мы дело -_ Искусственный Интеллект, не довели.

Кибернетики на конгрессе обещали через 20-30 лет создать ИИ человеческого уровня. Какое заблуждение! До него, по-прежнему, как до неба.

Хирурги в этом плане оказались более надёжны. В 1967 году в Бэтезде, руководитель программы по протезу сердца, обещал создать аппарат за десятьлет. Потребовалось двадцать, но протезы уже работают по несколько месяцев.

Чувство собственной неполноценности не покидает меня всю жизнь. Смешными кажутся ура-патриоты, толкующие о величии наших народов будь-то русского или украинского.

21. 1974-75 гг. Встречи. Записки о войне.

Клиника работала в обычном темпе. С АИК-ом уже оперировали Кнышов, Зиньковский, Ситар. Ничего принципиально нового не освоили: те же тетрады, клапаны. Все попытки делать операции на самых маленьких детях кончались неудачно - как меньше четырёх лет, так половина умирают. В Москве было лучше, но новорожденные и у них "не шли". Эта проблема очень важна, из числа детей, родившихся с пороками сердца, до года умирают около половины. Значительную часть из них можно спасти, если уметь.

Почти весь год я писал воспоминания о войне, рассчитывал, что напечатаютк 30-летию победы (да, напечатали, использовал в этих записках).

В июне 1974 года была встреча с однокурсниками. 35 лет прошло как окончили. Поехал и я. Первый раз в Архангельск после бегства от аспирантуры.

Прилетел, аэродром далеко. Автобус. Институт. Иду в номер в гостинице, а напротив - Галя! Встретились... даже не знаю, как определить. Очень знакомое и уже чужое. Прошло еще 16 лет как виделись в Ленинграде. За это время ничего о ней не слышал. Выглядела ничего. Не толстая, подмазанная. Даже красивая.

Программа встречи большая. Речь студентам в институте. Обед в ресторане. Прогулка на катере в устье Двины.

Приехало, примерно, четверть. Объятья, поцелуи, восклицания, расспросы, обмены адресами, фотографиями. Всё, как положено. Собрались почти одни женщины. Мужчин - моряков, всего двое. Многие погибли.

Архангелки выглядели хорошо. Город жил голодно, в магазинах, кроме камсы, не было ничего. Но в ресторане по блату еду сделали достойную.

Город изменился. Был деревянным, стал каменным, целые улицы выгорели в 41-м от бомбежек. Дощатые тротуары на боковых улицах ещё кое-где остались, но больше асфальт. Общее впечатление - бедно и неухожено.

Плохо живёт великий русский народ.

В последующие годы ещё дважды прилетал в Архангельск. 1983 год - 50 лет основания института. На встречу в 1989 - полвека после окончания, прилетел прямо из Кремля, со Съезда. Было человек пятнадцать, провели по той же программе. Выступал перед студентами, депутат, демократия. Эйфория!

Три раза был в Архангельске, а город всё такой же бедный. Но врачи подарков не берут - социалисты. Не как московские или

киевские.

Такими и мы были. В нашем вестибюле, куда приходят родственники и больные, висело объявление:

"Прошу подарков персоналу не делать, кроме цветов. Амосов".

И соблюдали.

Сняли лозунг уже после моего ухода, при перестройке. Идеология поменялась и медицина становилась платной.

22. 1975 г. Новое здание.

Уже в средине шестидесятых нам стало тесно, хирургия усложнилась, больных много, условий нет. В ЦК решили - нужно новое здание. Стали проектировать. Тут случился взрыв в камере, я "комплексовал", глядел на кибернетику, всё остановилось. Правда, операционную пристроить успели.

Но проблема тесноты осталась, к проекту вернулись. Новое здание построили к концу 1975 года. Шесть этажей, 350 коек, дополнительные операционные, этаж для реанимация, этаж для лабораторий. В старом здании открыли терапию, поликлинику, аптеку, станцию заготовки крови, расширили рентген. Минздрав дал новые штаты.

25 ноября состоялось великое переселение. Создали пять отделений, два для детей, три для взрослых. Выдвинул новых заведующих: Гену Кнышова, Мишу Зиньковского, Леню Ситара. Яша Бендет получил отделение терапии. Скоро они все защитили докторские.

Клиника обрела новое дыхание. Это было четвертое, после 1952 года.

Теперь даёшь план - две тысячи операций, из них половину с АИК. Очередь больных ликвидировали, начали ездить в области, консультировать, жать на терапевтов. По числу операций на миллион жителей Украина, да и Россия отставали от США в двадцать раз (Увы! И теперь так же!).

Я отставил кибернетику и все силы отдавал клинике. Оперировал много - 3-5 операций в неделю. Моим заместителем оставалась "начальница".

Освоение здания, притирка персонала, требовало времени. И нервов.

И в первую же зиму случилось ЧП, взрыв инфекции.

О! это была драма не меньше чем взрыв в камере, хотя и не столь заметная. Нагноения ран после операции встречались у каждого седьмого больного, но умирали очень редко. Лечили. Было неприятно, но терпимо.

Но тут началось другое - у больных с клапанами рана не расходится, но повышается температура, потрясают ознобы и через 7-10 дней смерть. Диагноз - сепсис. Я брал больного на стол, подключали АИК, открывал сердце, находил на протезе клапана омертвевшие ткани. Заменял протез. Операция во много раз сложнее первой, да и инфекцию удалить невозможно. Так оперировал пятнадцать больных, но спаслись только шесть.

Заведующим операционными был Юзеф Когосов, наш старый

кадр.

Накинулся на него:

- Ты, такой-сякой, не следишь за асептикой! Уходи из клиники!

Никого я так не выгонял, не до, не после. Обиделся на меня кровно и справедливо. Мамолат перевёл его в туберкулезный сектор.

То же и я - чувство вины не покидает. Тем более, что прогнал его зря.

Сепсис косил "клапанщиков" около двух месяцев. Провели исследования и оказалось, что микробы попадали в кровь из капельниц в реанимации, а источником были руки сестёр. Операционная была реабилитирована. Юзефу принёс извинения. Но обида прошла только спустя годы.

Система профилактики, принятая на западе, была для нас невыполнима. Принцип её прост: всё должно быть "одноразовым" - раз использовал и выброс. Повторные обеззараживания от микробов не надежны. Да, мы это знаем. Но сколько же нужно перчаток, капельниц, трубок, шприцов, принадлежностей АИК, если выбрасывать после одного использования! Денег для этого нужно в десять раз больше. Выход только один - химия плюс дисциплина. Дезинфицирующие растворы достаточно сильны, нужно только работать в перчатках и поминутно мыть их в тазиках с раствором. Разумеется, это сочетается с обязательными переодеваниями в стерильное белье, бахилами на ноги, влажными уборками, постоянным бактериологическим контролем.

Инфекция была остановлена. У нас и теперь ещё нет денег, чтобы всё одноразовое. Трубки для АИК из Мексики служили до полного почернения.

Вот что значит социализм!

… … …

Но вернемся к истории.

В новом здании сохранили прежний регламент работы.

Точно в 9 утренняя конференция с докладами дежурных врачей, сообщениями о вчерашних операциях и обсуждение предстоящих сегодня. Патологоанатом докладывает вскрытия, идет обсуждение. Заканчивается моими накачками и разносами. Они оспариваются "пострадавшими", иногда довольно резко. Это у нас допускается. Всё вместе занимает до часу.

Потом следует мой обход реанимации. Затем сами операции. Конец рабочего дня не определён, кто раньше управится может уходить.

Операции и исходы фиксируются в таблицу. За каждый месяц

- отчёт. Конец года - целая итоговая кампания, доклады заведующих отделениями и лабораториями. И мой - главный. Критика и задачи.

Такой порядок Геннадий сохранил и до сих пор.

23. 1976-79 гг. Снова: Америка, работа, смерти.

Позвонил Юлик - умер Кира. Пришёл из гостей, упал и скорая не помогла. Считают, сердце. На похороны не поехал, там чужие люди. Но погрустил - ещё одно место в душе опустело.

Связь с Кирой прервалась после того дня с регистрацией сына и только в последние год-два начала восстанавливаться.

… … …

1976 год. Шло освоение нового здания. Нужно увеличить количество операции. Очереди на госпитализацию нет, значит мало пациентов.

1977 год. Новая поездка в Америку. Кардиохирургия попала в соглашение "Никсон-Брежнев", чтобы встречаться, обмениваться опытом. В 75-м году американцы приезжали к нам, их поили, кормили, показывали операции, в театр водили, сорочки вышитые дарили. Теперь нас принимают. Должны посетить клиники и закончить конференцией в Бетезде.

Вот самое интересное: городок Бирмингам, университет Дюка и …Кирклин. Помню его по первой поездке, 15 лет назад. Не постарел и оперирует столь же блестяще. Гвоздь нового опыта: "кардиоплегия" - остановка сердца химией. Сердце стоит полчаса (можно повторить) и оперировать удобно. Я даже ассистировал, чтобы лучше видеть.

В реанимации больных ведут сёстры. Дело знают лучше наших врачей. Кирклин каждый вечер приезжает в клинику. Используется "контрапульсация" - вспомогательное кровообращение, аппарат подключён через бедренные сосуды, когда своё сердце "не тянет" после остановки АИК-а.

Конференция в Бетезде как у дипломатов. Только что знамёна не выставляли. Пришлось и мне докладывать о тетрадах Фалло. Говорить было не очень стыдно - полтысячи операций и результаты приличные.

В Вашингтоне были в Белом Доме - запросто, раз в неделю пускают всех желающих. И народ не бьётся - ходят, смотрят, слушают гида.

Банкет тоже был. Не лучше нашего.

Про другие клиники и города не буду писать, ничего поражающего. В Нью-Йорке накупил пол чемодана английских книг для Кати и для себя.

Вот и всё.

Вернулся и окунулся в рутину. Впрочем нет, стали осваивать

кардиоплегию и контрапульсацию. Аппаратик худенький советский уже был. На собаках пробовали (освоили, но спустя 20 лет).

Событие: Лена Николаевна вышла замуж!

Да-да: в 52 года нашла мужа генерал-лейтенанта. Не только замуж, но и уезжает в Калинин - будут в мединституте заведовать кафедрой хирургии.

Отношения с начальницей последние годы были натянутые. Оперировала мало, но администрировала, как и прежде, хорошо.

Проводы были в столовой института. Не очень пышное застолье и не очень трогательные речи, но все отдавали должное.

1977-й закончили с прибавлением числа операций, без существенного улучшения результатов. Новых вспышек инфекции не было, но страх остался.

Моя личная хирургия? Ничего хорошего, много сложнейших операций. Делал по две и даже три АИК-а. Всё хотел догнать фортуну.

И не смог. Комплексовал.

В конце марта 1978 г. произошло важное событие, Катя вышла замуж. Расписывать это не буду, она взрослая - "вмешательство в личную жизнь" может не понравится. Скажу только, что муж - Володя Мишалов, студент с их курса, приятный, скромный, учится хорошо. Они уже почти врачи, летом заканчивают институт. Решено, что будут жить отдельно, снимем квартиру.

Еще - умерла Чари.

История болезни: "пустовала", гуляли в парке, не доглядел, "согрешила". Забеременела с ходу, несмотря на свои девять лет. Разродиться не смогла. Дома делал кесарево сечение, анестезиолог оказался плохим, не мог ввести трубку в трахею, пока возился, не дышала - гипоксия. Щенки оказались мёртвыми. Чари проснулась, но с параличами - не глотала, подняться не могла. Развилась пневмония. Антибиотики не помогли. Три дня от неё не отходили. Очень переживали - любимое существо.

Умерла по моей вине. Нужно было свезти в ветеринарную лечебницу.

Что теперь говорить!

Делаю гроб из картонного ящика и слёзы навёртываются.

Наверное, многие, кто прочитает это, осудят: "Стольких людей отправил на тот свет, а тут разнюнился над собакой!" Это не так. Смерть только обострила чувства. Над мёртвой собакой я плачу о людях, о детях, что умирают от операций. В том числе и от моих.

"Мы любим не собаку, а собак. Когда умрёт любимая, скорее

берите другую" - эту фразу я прочитал у одного автора. Поэтому всем знакомым было заказано искать щенка, добермана женского пола. Через неделю уже была Чари-вторая, одного месяца от роду. Мы любили её очень. Но первую забыть не смогли. Её фотография лежит у меня дома под стеклом.

… … …

События внешние: война в Афганистане. Нет, конечно, войну наши не признают, ввели "ограниченный контингент для помощи афганскому народу". Чтобы отстоять независимость. Есть видите ли, угроза от американцев.

Информация крайне скупа: "Интернациональный долг". Я-то всё знаю из "голосов", мир буквально взорвался возмущением. Американцы отказались послать делегацию в Москву на Олимпийские игры.

Игры прошли очень красочно. Трогательный мишка взлетел в небеса.

24. Книга о здоровье.

Вышла моя книга "Раздумья о здоровье". Много лекций прочитал на эту тему. Л.Д.Антонюк - мой редактор "Мыслей" в издательстве "Молодая Гвардия", попросила выступить у них, а потом написать книжку. Сделал это в темпе, напечатали в "Науке и жизни", скоро и отдельной книжкой. А потом ещё и журнал "Физкультура и спорт". Набрался тираж под 6 миллионов.

Была огромная почта. Без преувеличения, мешок писем. Конечно, я их не читал. Немыслимо при моей жизни.

Вот самая суть "системы ограничений и нагрузок". Здоровье - это когда все функции в норме, медики знают цифры, есть методы измерений. Самое простое - пульс 60-80, давление 100-130. Переносимость нагрузок: бег, лестницы - в них мера "количества здоровья". Функция - любая, зависит от тренировки. Моя система: гимнастика - 1000 движений, 10 упражнений, каждое по 100. Кроме того, бег - 2-2,5 километра с любой скоростью. Плюс ходьба - 3-5 километров. Еда: избегать жиров, 300 грамм овощей и фруктов. Контроль - вес, рост в сантиметрах, минус 100-110. Не курить. Пить можно в меру. Сон - 8 часов. Детали расписаны в книжке.

Ещё из той же книжной сферы: с 1979 года регулярно писал дневник и самое интересное из него вошло в "Книгу о счастье и несчастьях". Потом она издавалась несколько раз. Счастья в ней маловато, зато историй болезни и покойников сверх меры.

В 1980 году сделали 2100 операций, 611 - с АИК.

Перелистнём дневник за 1981 год: операции, осложнения, смерти. Волны, то лучше, то хуже. Мучают мозговые осложнения, больные плохо просыпаются. Трубку удалить нельзя, так и умирает на искусственном дыхании чрез 3-5 дней. Чего только не делали - всё напрасно. Назвали - "Наш синдром".

… … …

В средине лета - событие, Лида купила дачу.

Да-да, купила. Приобретаем профессорский жирок. Мне дача не нужна, природы достаточно, когда с Чари ходим в Ботанический сад. К земле уж точно не тянет. Но не сопротивлялся. Володя тёщу поддерживал.

Как искали, где смотрели - не касался. Деньги были, жили скромно, академия приплачивала, издатели платили. "Мысли и сердце" напечатали во всех республиках.

В июле "вывезли Амосова на смотрины".

Это - Клавдиево, посёлок при станции, 50 км от города. Дом продаёт отставной майор, который там жил постоянно, но

постарел и запросился в город. Три комнаты, сад с яблонями. Участок 11 соток, примыкает к лесу. Две веранды. Во дворе - уборная, душевая с бочкой на крыше, сарай. Самое важное - мастерская, с запасом досок: старик был дотошный, слесарь, столяр, инструментов - вагон. Давно мечтал помастерить, вспомнить молодость. В общем, усадьба ("маеток"!). От электрички 20 минут быстрого хода.

Привезли меня, показали, яблок попробовал. Собственных!

Посмотрел и не ездил до осени. Пока Лида не попросила приехать траву покосить, ей нужно было землю удобрять под яблонями и для грядок.

Взял косу, точило. Больше полувека не держал, а руки все вспомнили - так славно покосил. Понравилось и пробудился интерес.

… … …

В январе 1982 года умер Юлик Березов. Рак толстого кишечника, радикальная операция, смерть на второй день. Непонятная смерть, но что толку доискиваться истину? Не вернёшь. На похороны ездил. Кремировали. Поминки. Горе Марго, дочки Наташи. Два внука остались - близнецы.

Вот и ещё один ушёл. Последний из российских близких друзей.

… … …

К лету я уже созрел для дачи. Собаке тоже дача полезна.

С трудом её туда доставили. Хотели везти в электричке, так на вокзал не пошла, села и всё. В машину к племяннику, Саше Бричко, затянули обманом, на приманку. Всю дорогу визжала и лаяла. Но в лесу понравилось

Так, в начале июня состоялось переселение.

… … …

А между тем: а между тем: Нет жизни! Хирургия загоняла в угол.

Не буду описывать эти случаи - они уже представлены в "Книге". Внезапные остановки сердца в реанимации. Не просыпаются - "наш синдром". Заклинило клапан, чуть не умер. Нагноение раны - сепсис. Кровотечения. Полный набор осложнений.

Весной в Москве был всемирный конгресс кардиологов. Была и хирургия: доклад Шумвея, того самого из Стенфорда. Теперь Шумвей представил много пересадок сердца и смертность такая как у нас при клапанах - 16%. Больше того, пяти больным пересадил "комплекс" - сердце вместе с лёгкими. Умерло двоё.

Не дождался конца конгресса, уехал домой. Заявленный доклад сделал Кнышов. А я приехал оперировать. Хотел

переломить судьбу. По две в день, восемь в неделю, только самые сложные.

Чуда не произошло. Больные умирали. Исстрадался донельзя. Достала хирургия. Убивает наповал.

25. 1982-83 гг. Капитуляция. Дачные дела.

В последнюю пятницу июля объявил на конференции:

- Ухожу в отпуск на всё лето. Кнышеву передаю всю власть.

Про себя решил, ухожу совсем! Но сказать побоялся, вдруг не выдержу?

Да-да, так и решил. Дела есть - кибернетика, модели разума, психики, общества. Дневник обработаю для печати, выговорюсь.

Приехал на дачу: "просветлённый?" Нет, обгаженный.

… … …

Но жить-то надо. Искать точки опоры за пределами хирургии.

Раз в неделю буду ездить в город, проводить семинары в кибернетике, почту забирать. Книжки покупать. Визиты срочные делать. Конечно, в клинику тоже заходить, но не дальше кабинета.

… … …

Так начались три месяца, наверное, самые: счастливые? Нет, душа ещё не отболела, комплексы присутствовали. Но самые спокойные - точно.

Был при деле. Рано утром бегали с Чари по лесу, далеко, привольно. Думал не о больных, а высоких материях - разум. человек, общество. Делал гимнастику, обливался водой. Тут Лида вставала, завтракали на веранде. "Свободу" слушал, в селе глушили меньше. Телевизор был, но работал плохо.

Потом было часа три интеллектуальной работы, мудрствование над моделями общества. На них ушло всё лето.

Моделирование - это содержание всей моей кибернетики. Модели клетки, организма, разума, общества.

Вот научное определение: модели. - это структуры с упрощением и искажением, отражающие оригинал, его структуру и функции.. Для моделей используются разные "коды-средства" - рисунки, чертежи, тексты, уравнения, цифры. Даже игрушки. Модели создаются Разумами, они считываются сигналами и понятны только другим разумам, которые способны читать сигналы и складывать по ним собственные модели. То есть только "грамотным".

Важное качество моделей обобщённость. Это степень упрощения (схематизации) оригинала объекта моделирования. Пример разной обобщённости - изображение лица от цветной фотографии до рисунка трёхлетнего ребенка.

Модели нужны нам для управления объектами. Простые воздействия (передвинуть) - простые модели. Тонкое управление, например, лечение болезни требует сложных моделей. Их ещё нет

в медицине, поэтому пользуются обобщёнными моделями - схемами разной сложности.

"Рисовать кубики", моделировать простые вещи просто. Моделировать клетку или общество чрезвычайно трудно. Можно нарисовать простенькую схему человека, но пользы от неё мало. Сделать "полную" модель невозможно. Нужны компромиссы - модели ещё доступные для выполнения и уже полезные для управления, хотя бы в ограниченных пределах.

Летом 1982 года я сделал эвристическую модель общества и сравнил на ней социализм и капитализм, в их "чистом" виде.

В последующем, уже в 90-х годах, я имел возможность подтвердить качественную модель статистиками.

Вот эти сравнения. Социализм перед капитализмом проигрывает что у бедных стран, что у средних. Богатых "социалистов" вообще не бывает. КПД экономики, т.е. сколько гражданин потребляет из наработанного, падает до 30-40% вместо 60-70% у "капиталистов". Ресурсов, материалов и энергии, тратятся в 2-3 раза больше. Производительность труда ниже во столько же раз. Если всё просуммировать, то оказывается, что личное потребление при социализме, даже при одинаковом уровне Валового Продукта на душу (ВВПд.) в три раза меньше, чем при капитализме. Соответственно, ниже темпы роста. Разумеется, в тех и других реальных обществах не всё так определенно.

Ах, как просто получилось! Но есть много стран с капитализмом, которые веками не могут выйти из нищеты. Примеры - Южная Америка. Это значит, не так всё просто, есть ещё что-то? Нужно думать.

... ...

После обеда начиналась самая интересная работа - в мастерской. Целое лето я строгал, сверлил, точил, свинчивал, склеивал. Массу всего полезного наделал - скамеек, табуреток, диван в сад, полки в кухню, стол. Не так, чтобы очень качественно, но прочно. Ещё дрова пилил, печки топили.

Вечером была вторая прогулка с Чари. Вот уж ей было раздолье! Доберманы "бегучие" собаки, в городах их не отпускают с поводка, поскольку непредсказуемы, а в лесу - свобода.

Однажды увлеклась погоней за каким-то зверем и убежала не знать куда! Мы с Лидой искали допоздна, обходили километров пять лесных дорог, легли спать около полуночи, в тоске - пропала собака! Конечно, мне досталось...

- Не доглядел!

Спали урывками, слышим - скулит. Было часа три ночи, сколько она обегала километров, куда убегала - неизвестно, но

лапы распухли, стоять не могла, голову не держала - лежа кормили и "до ветру" на руках выносили. Однако, через два дня оправилась.

… … …

В клинику заходил, но оперировать не хотелось. Надо отдать должное - меня не донимали просьбами. Только замечал осуждающие взгляды.

В кибернетике были интересные семинары. С того момента, как перешли в новый корпус и пошла "интенсификация" хирургии, я от Отдела изрядно оторвался, теперь пытался догнать. К сожалению, социология ребят не интересовала. Но над Интеллектом работали.

Катя и Володя приезжали по выходным. Ночевать оставались редко - оба заняты диссертациями.

В августе умер Федоровский, самый близкий из киевских друзей. Ему было 84 года и был рак поджелудочной железы. Шалимов оперировал, но опухоль удалить не смог. После операции прожил две недели. Его жена умерла несколько лет назад, остался очень одиноким, работал консультантом, чувствовал свою ненужность в клинике. Признался мне, когда лежал после операции, что хотел отравиться, яд был приготовлен заранее, но не решился.

Плохо старикам.

… … …

И вот пришел сентябрь. Дети пошли в школу. Утром темно, бегали позднее. Кукушки кукуют: Сколько осталось лет? (Или это весной куковали? Забыл.) Холодные дожди пошли. В начале октября переехали в город.

Думалось: Что буду делать?

Зачем-то нужно было в Москву и ехал в поезде вместе с Патоном. Он решительно не одобрил моих намерений на кибернетику.

- Да вы с ума сошли! Разве можно бросать операции! Что вам даст кибернетика? Там больше слов, чем дела.

Вижу, некуда Амосову податься. Модели общества никому не нужны. Искусственный Интеллект (ИИ) такой, что я хочу - в сфере мечтаний. Мои помощники норовятприземлить идею, нацелились на роботы, на распознавание образов.

Так и пришёл обратно, в клинику.

… … …

11 ноября 1982 года умер Брежнев. Никто его не пожалел: "Пора!" Позор,а не вождь: "Сиськи-масиски" (это означало: "систематически"). В последующембыли разные оценки: "застой". "Не столь вреден, сколь бесполезен".

Хрущевскую оттепель Лёня закрыл, самиздат исчез, но в тюрьму сажал не много. Правда, злоупотребляли психушками, высылали из страны. Зато и дисциплина упала, работать стали хуже. Экономика затормозилась, но не так, чтобы остановка, как теперь изображают демократы. Существуют цифры - рост был. Выручали нефть и газ, подпитывали неэффективное хозяйство.

Хотел бы ты, Амосов, сменять демократию на Брежнева? Ни в коем случае! "Это сладкое слово - Свобода". Мне - лучше. Но половина народа бедствуют и хотят обратно.

… … …

Вот запись в дневнике от 7 февраля 1983 года.

"Осенью не хотел оперировать, сопротивлялся. Но: человек хорошо запряжен, трудно выскочить из оглоблей и хомута. Со всех сторон начали давить. Сверхуи снизу: "Права не имеешь, пока можешь. Как это клиника Амосова - без Амосова".Больные приходят: "На вас вся надежда". Старые сотрудники смотрят с укором.

Пришлось отступить: один операционный день, одна операция. Не встреватьв мелочи руководства клиникой. Только приглядывать и советовать.

Живу не хорошо и не плохо. Больные - все тяжелые, повторные.

Одна операция показалась скучной, стал делать по две. Потом по три. Домой прихожу поздно вечером. Перерыв не сказался на операционной технике. Ошибок не делаю, оперирую быстро. Но осложнений достаточно и летнего покоя как не бывало ".

Грустно всё это.

Больше ничего не скажу о жизни. Подходил к границе нового этапа. Впереди наука для удовольствия, книги и созерцание.

Когда это писал, казалось, всё решено. А прооперируешь трёх больных, на следующее утро, если они хорошие, начинает брать сомнение. "Может быть ещё повременить с этим новым этапом?" Завтра снова три операции.

Так и прожил до весны 1983 года,

Решили ехать на дачу прямо в апреле - ранняя весна была в том году.

26. 1983 г. Институт.

И вот вдруг: Всегда так бывает: "вдруг".

В воскресный день заявился Виктор Заворотний - наш главврач. И даже больше чем главврач - имеет связи в "сферах".

Я глаза выпучил, институтские ко мне на дачу не ездили.

Витя сказал буквально следующее:

- Вас на завтра Щербицкий на два часа приглашает. Об институте.

Вопрос - старый. Отделяться от "тубиков" я не хотел, директорство Мамолат давно предлагал - отказывался. Однако, под давлением нашей клиническойобщественности, уже год как возбудили ходатайство о создании института сердечной хирургии. Возбудили - и на том застыло. Решает - Москва.

Дальше был ругательный разговор с Виктором, но куда денешься? Ситуация,какая была с выдвижением в депутаты, всё уже решено - нужно идти.

В понедельник сделал операцию и направился в ЦК.

Пропуск уже заказан, пришел за 10 минут, поразговаривал с секретарем, Владимир Васильевич появился точно. Мы знакомы с 1965 года, он прочитал "Мысли и Сердце" и подходил ко мне с комплиментами на Верховном Совете.

Разговор в подробностях забыл, но ключевые слова помню.

- Хотите институт?

- Да, очень нужен.

Дальше говорил цифры - сколько больных можно спасти, особенно детей, ауж со стенокардией - море (начальники часто страдают коронарами).

Недолго продолжался приём - всё ясно. Доверял.

Обещал ускорить в Москве.

Поспешил в институт, даже на такси разорился. Тяжесть с души спала, судьба решила за меня: будет институт, будет директор - Кнышов. Я мешать не стану. Зарплата идет от кибернетики, оперирую бесплатно уже десять лет.

Обдумывал по дороге - доложить министру Романенко, поздравить Геннадия, сообщить сотрудникам.

Приехал и всё так сделал. Гена явной радости не высказал, пусть решит начальство. Романенко приветствовал, спросил мнение о директоре,

- Только Кнышов. Никого больше!

С тем и уехал на дачу. Народу пока не объявлял - нужно ждать решения. Но и тайны не делал. Не об институте, не о директоре, которого предлагал.

Прошло несколько дней: много разговоров. На душе довольно смутно. Вроде - "да" и в то же время - в чем-то "нет" ("лидерство говорило, Амосов!).

В воскресение - телефонный звонок, министр просит на понедельник.

Поехал, не о чем не беспокоясь. Всё уже переварил.

Опять вспоминаю разговор по смыслу:

- Владимир Васильевич (чиновник не назовёт по фамилии!) спросил назначил ли директора? Ответил - Кнышов. А он как взорвётся: "Я для Амосова институт создаю, а вы кого назначили"! Я сказал, что Амосов не хочет, он слушать не стал. Придётся вам поработать директором.

Ну, куда мне было деваться? Ходил, просил за институт, а теперь упираться?

Так и стал директором. Пришлось Гену разочаровать:

Да ты не беспокойся - мне же семьдесят в этом году! Скоро уйду.

... ...

Приказ из Москвы об институте прислали скоро, и все уже засуетились.

Разумеется, я воспринял дело серьёзно, не временно, а пока хватит силы. Задача-то какая! Только подумать! Высшее начальство республики поддерживает, здания есть, народ хороший, больных много, ждут помощи.

Вечером уже планы обдумывал. Главное - операции. Сколько?

Полагаю, что 4000, а потом и все 5000. АИК-ов из них - гнать к 2000. Года через три, раньше не успеть "отмобилизовать" терапевтов и больных. В прошлом, 82-м было всего две тысячи операций, 600 с АИК-ом.. Много нужно потрудиться. Штаты понадобятся, но не много, наш народ явно не загружен. Вот только зарплаты у врачей малы, нужны бы стимулы.

Такие мысли ходили в голове у директора. О кибернетике и моделях не вспоминал. Разве можно их сравнить с хирургией, с жизнями людей?

Тронная речь директора ничего нового не содержала: "Давай - давай!" Больше операций, выше дисциплина асептики в реанимации.

Всё внимание - тяжелым больным. Лозунги известные. Прибавилось: "честь института", "держать первое место в Союзе". Геннадий остаётся заместителем.

Прежде всего навели порядок в расходовании медикаментов, месячного лимита, который выдавал тубинститут, хватало только на две-три недели. Стали экономить, контролировать и уложились в смету.

Конечно, было много хозяйственной работы. "Выбить" штаты, набрать работников, наладить учёт имущества и денег. Отличная бухгалтерша пришла к нам (для директора бухгалтер - каменная стена.)...

Сталин был прав, главное - кадры. Они у нас были.

К этой теме: Горком утверждал меня в должности директора. Слова секретаря:"Первый раз беспартийного директора видим". Но не придирались.

Директорство не тяготило, продолжал прежнюю работу. Единственно, что не делал раньше, ходил по начальству, просил денег на оборудование. Немногого добился.

Но министерство относилось идеально.

27. 1983-85 г. Юбилей. Беды и смерти.

Да, политика, что-то я мало о ней пишу. А надо, Амосов, - ты теперь"начальник", от политиков зависишь.

Пришел Андропов, КГБ у власти. Будет хотя бы порядок. Пошли анекдоты, как ловят в магазинах (и даже в банях!) прогульщиков в рабочее время. Будто даже милицию КГБ прижало.

Мне нравился Андропов. Хотя вся политика его был в прежнем русле: "Коммунизм во всем мире". Война в Афганистане, диссидентов в психушки и на высылку. Никаких "оттепелей".

Героический человек, пошёл на такой пост будучи тяжело больным. Возможно, он действительно хотел усовершенствовать социализм.

… … …

А какую грандиозную конференцию закатили к моему семидесятилетию! Гости приехали со всего Союза. Научная программа была не столь богата, но чести мне выдали - свыше меры! Заседали в Доме Кино, зал человек на семьсот. Две стопы папок с адресами закрывали председателя президиума. Масса подарков: нет, дорогих не было, так, кустарные поделки. Но халат и тюбетейку узбеки на меня надели. Халат - простой, не шелковый.

Сам я сделал большой обзор работы клиники. Цифры внушительные, но: для домашнего, советского пользования, в смысле результатов.

В ресторане был ужин. Не помню, где взяли деньги.

Зато дома Лида выложилась, как могла, пригласили человек двадцать самых-самых хирургов и только иногородних. Выпито и съедено было много. До безобразия не напились, но некоторые изрядно загрузли. Лида молодец!

Да, чуть не забыл, орден Октябрьской революции выдали.

Ещё деталь, накануне празднования, когда многие гости уже приехали, устроил показательные операции, целых три АИК-а! Старался доказать, что ещё не старик. Не оценили:

- На черта тебе это было нужно?!

… … …

1984 год прошёл в трудах по становлению института. То есть клиника работала как обычно, но притирались хозяйственные службы, подбирался народ. Достроили общежитие для сестёр, сделали четвертый этаж для терапии над старым корпусом, жадность обуяла директора - больше коек!

… … …

В начале 1985 года жизнь покачнулась, и чуть было не опрокинулась. У Лиды случился инсульт. К счастью, не тяжёлый, без потери сознания, только с сильным головокружением. Встать не могла. Врачи настаивали на госпитализации, но больная просила:

- Не отдавайте меня в больницу!

Мы и не собирались. Назначили массу лекарств.

Прошёл месяц жизни с лежачей больной. Катя с Володей жили у нас.

Теперь уже почти всё позади. Вчера выводили на улицу

… … …

Весной поехали на дачу.

… … …

В институте появилась "Волга". На ней шофёр меня встречает и провожает у электрички, на станции метро. За все пять лет директорства, только один раз приезжали за мной на дачу. Вот какой идейный директор. Зарплату не получает, да ещё и машину бережёт. Каждый прочитает и скажет:

- Ну и дурак.

Может быть. Но так уж устроен. Из той же оперы, что объявление в вестибюле о запрещении подарков. Не думаю, что строго выполняли наказ, приносили конфеты и коньяк. Мне лично, никогда. Только раз уличили одного доктора, вымогал деньги. Предложил убраться.

… … …

Всё время пишу о смертях. Но куда от них денешься, если сам старик?

Вот снова, умер Ваня Дедков. Соратник и друг.

В 1968 перенёс инфаркт, после чего нарастали осложнения - аневризма и блокада сердца, вшили стимулятор, развился гнойный плеврит. Но работу не бросал и даже с дренажом делал операции. Был первоклассным хирургом.

Остановка сердца случилась дома. Анна Васильевна и дочка Таня (она у нас работает) по очереди делали массаж сердца и дышали "рот в рот", пока приехала скорая помощь, и дефибриллировали сердце.

К нам привезли на искусственном дыхании. Ночь удалось продержать жизнь, но остановки сердца повторялись, и к утру всё кончилось.

Панихида была в институте усовершенствования, где кафедрой заведовал лет двадцать. Народа пришло мало. Обидно за Ваню, тысячи людей спас, а к могиле пошёл почти в одиночестве. Подумалось, так и со мной будет.

Ах, Амосов, не мелочись! Не за благодарности оперируешь и

спасаешь - для удовольствия. Такова механика психики - всё делается для удовольствия - еда, слава, даже "добрые дела". Разница в том: кому что ценнее.

Еще: получил письмо из Ленинграда от своего сокурсника - умерла Галя, от инсульта на почве гипертонии. Неделю пролежала в реанимации, но спасти не смогли. Разошлись сорок пять лет назад, вспоминал редко. Виделись два раза. Но всё же в памяти маленькое место занимала, совсем маленькое. Знал, что где-то есть живой кусок молодости, что при желании можно встретиться и вспомнить. А теперь там - пустота. Так же как пусты места моих друзей, чьи карточки под стеклом передо мной: Борис, Аркадий, Кирилл, Юлик, Федоровский, Дольд-Михайлик, Сент-Джордж, Дедков. Странность чувства в том, что их уже нет, а я как ни в чем не бывало, оперирую, бегаю, думаю. Трепыхаюсь! А ведь их нет. Нет!

Жалко Галю. Сколько у неё было счастья в жизни? Едва ли много. Но не будем перечислять и считать. Каждому - своё.

… … …

В конце октября был съезд хирургов Украины в Симферополе. Ездили с Лидой в Старый Крым. Ничего, старики (двоюродная сестра Катя и её муж Федя) держатся, только боятся умереть один раньше другого.

28. 1984-88 гг. Выписки из дневников.

1 ноября. 1984 г. Четверг, после обеда.

Жить всё-таки можно. Вчера две операции - пять часов напряжения (сращения, узкая аорта). Ощущение - "могу". Но воздух откуда-то попадал в АИК, датчик щёлкал. Снова и снова пережимал аорту, прокачивал кровь через лёгкие, пока не прекратилось. Остановили АИК: "Что уж будет!"

Бегом с горы домой. Обед в семь часов, три часа ожидания рапорта. "Проснулся? Точно?" Радость. Телефильм. Чари забралась на колени, такая дылда. Сон без таблеток, но операция прокручивалась всю ночь, как в кино. Сегодня хорошо бегалось после усталости. Капуста, кофе - райская еда. Солнце. Последние осенние краски в ботаническом саду, своё место в трамвае, английский детектив. Конференция, обход в реанимации - больные хорошие.

Чем тебе не жизнь, Амосов?

Может быть, она никогда не кончится?

Человек знает про смерть. Может вообразить картину. Но его глубинное "Я" всё равно не верит в небытие.

Индиру Ганди убили. Такие сволочи, эти террористы. Запад говорит, что пример показали русские революционеры-народники в XIX веке и эсеры.

8 декабря. 1984 года. Суббота, утро

Прошлая запись о возрасте. Есть звонок. За неделю сделал пять операций, в среду три подряд с АИК. Сделал наперекор судьбе, потому что с понедельника начались жестокие сердечные перебои. Неля сняла ЭКГ, сказала: "групповые экстрасистолы" и ещё что-то. Возможен полный блок с частотой до 30 в минуту, и даже внезапная остановка сердца.

Другой бы слег, а я оперировал и "руководил". Кому доказывал? Только себе - вот какой герой.

Трезво решил, не стоит суетиться, лечиться, менять образ жизни. Аритмия пройдет сама. А нет - так внезапная остановка сердца, самая лучшая из смертей. Давно тренирую свой разум на запасной вариант: "Всё - суета сует". Плохо, что бегать стало тяжелее, пошатывает по утрам.

Вчера были домашние гости - именинный ежегодный приём. Довольно весело. Опять же - хорошие люди, как и в клинике.

… … …

У меня отпуск. На два дня, больше не могу. Думал немножко успокоить своё сердце, но не получилось. Чертова аритмия мешает думать и писать. Странные ощущения. Вот экстрасистола

- бухает, как колокол ударяет под ребрами. Вот частые-частые удары - тахикардия, нехорошая вещь. Я будто вижу своё сердце. Как оно судорожно вздрагивает при экстрасистоле, как замирает после нее, как беспорядочно трепещет, словно пойманная птица. Сколько раз видел эти фокусы на операциях и дрожал: "Сейчас зафибриллирует, остановится!" Тогда я массирую сердце, сжимаю его между ладонями, пока ребята приключат аппарат. Но сейчас я почему-то не пугаюсь, хотя дефибриллировать меня некому. А чего бояться? Всё равно изменить нельзя. В лечение не верю.

… … …

Анекдот: "Вы, товарищи, конечно будете смеяться, но Черненко тоже умер!"

Что-то нам не везет с вождями в последнее время.

Даже в дневниках у нас не принято писать про высшие сферы. Нет, дело не в том, что "не принято". Писать не хочется! Совсем недавно показывали его на избирательном участке: вытащили, несчастного, чуть ли не на последнем издыхании. Сердечно-легочная недостаточность в предпоследней стадии. Зачем было выбирать такого? И ему - зачем идти?

Брось, Амосов, тайны Московского двора тебе не постичь.

Когда Андропов занял кресло, страна немножко ожила. Появилась надежда на порядок. Но: тоже больной человек, ненадолго хватило.

Наше медицинское любопытство ЦК не удовлетворяет, истории болезни умерших вождей не публикуют. А вот о болезни Ленина даже подробное описание данных вскрытия было напечатано. Я сам читал.

Посмотрим, что теперь будет. Больших надежд не питаю.

Ну да ладно. У нас есть свои дела. Лишь бы не мешали.

13 марта. Среда.

Все разговоры о новом генсеке Горбачёве. Кто такой, откуда взялся ? Говорят, что уже и раньше котировался, но "происками" был выдвинут Черненко. А теперь будто справедливость восторжествовала. Посмотрим. По крайней мере, не старик, и физиономия симпатичная. Но после стольких лет болота плохо верится.

1985 г. 16 марта. Суббота, утро. Снова смерть. Не хочу описывать.

18 марта. Понедельник, вечер.

Раздавленный и несчастный. Голова болит. Давление 180.

На утренней конференции патологоанатом доложил вскрытие.

Ошибка. Больше трёх месяцев оперировал безукоризненно, казалось, что никогда уже не ошибусь. И вот, пожалуйста.

Неплотно зашита межпредсердная перегородка, щель маленькая - 3 на 30 миллиметров. Значения для работы сердца не должно бы иметь, но всё же. Вот и сижу - грешник. Бог давал мне авансы: дерись, ругайся, требуй - снижай смертность. Но будь сам без греха. И я не удержался на высоте.

Теперь со страхом смотрю на завтрашний день, жду возмездия за ошибки судьба (Бог?) наказывает. Будут две операции. Оба больных - лёгкие. Никак нельзя, чтобы такие умирали. Как тяжело это право, решать о жизни и смерти.

... ...

Конечно, я не только оперирую, директорствую и горюю над смертями. Я ещё читаю, думаю, даже разговариваю о политике. На прошлой неделе был Пленум ЦК. Теперь, небось будет называться: "исторический апрельский", поскольку первый при новом секретаре. И пойдут опять перепевы: "в свете решений", "в речи МС на апрельском Пленуме", "как сказал на Пленуме товарищ МС Горбачев":. Сколько я уже слышал этих "исторических".

Нет, не будем ворчать. Доклад прослушал с интересом. Может, и появится живая струя: "ускорение на базе научно-технического прогресса", "достижение нового состояния советского общества ". Хотелось-бы.

... ...

Широко идет празднование сорокалетия Дня Победы. 4 мая Щербицкий вручал ордена Отечественной войны группе ветеранов и мне в том числе. Сказали, что на торжество все награды надеть. Первый раз я цеплял их. Много было хлопот, пока их разыскал, пока дырки в пиджаке проколол. Набралось почти двадцать. И оказывается - зря. Некоторые пришли с одной звездочкой.

Нужно выдавливать из себя раба, Амосов!

1985 г. 9 мая Сорок лет Победы.

Показали по ТВ парад на Красной площади и у нас, в Киеве. Трогательно шли ветераны, остальное - обычно.

Вчера смотрели торжество во Дворце съездов. Отличный доклад Горбачева - и содержание и форма. Сталин назван только один раз: в роли руководителя партии, а не военачальника. Это приятно. Но рано еще судить.

... ...

Объявили тотальную борьбу с алкоголизмом. Приветствую, и уже вижу результат: в поселке Клавдиево исчезли пьяные.

25 июля. Четверг, утро.

Отпуск. Нужно попробовать, как живется на свободе. Понаблюдать за собой. От хирургии жизни все равно нет. Даже не

хочу вспоминать.

Пока я директор, должен расширить два узких места. Первое: пристройка к поликлинике, там страшная теснота. Поэтому ищу деньги и подрядчиков. Второе - нужен еще один рентгенаппарат для зондирования. Это миллион валюты. Союзный министр обещает только в 1987 году. Долго ждать.

Вчера после обхода мне сделали ЭКГ. Частота - 52. Появились периоды полного блока. Теперь уже нет сомнений: век придется доживать со стимулятором. Имею моральное право отказаться от директорства и хирургии: "герой, но обстоятельства сильнее". Геройство мое простое - дать в институте еще лишние сотни операций, то есть жизней. Не знаю, почему они мне нужны, ведь на "четвертом этаже", моего мышления известно, что "все суета".

("Амосов, не притворяйся! Ты все про себя знаешь: цена тебе невысока. Небось, тщеславие движет?")

Пойду в отпуск на восемь дней, а там посмотрим.

... ...

Изучил политические документы. Проект устава и программы меня не интересует: я - беспартийный. Но экономические планы - это мое. Не зря же двадцать лет собираю сводки ЦСУ и пятилетние планы. Сравниваю и убеждаюсь: врут.

Планы на 12-ю пятилетку и до 2000 года меня сильно смущают. За 15 лет обещают удвоить объем производства. Для этого нужно иметь годовой прирост 6,5%. Это недостижимо. Главным звеном цепи, за которое собираются тянуть, намечается машиностроение. Правильно говорят. Только это быстро не делается - обновление машин. Еще нет тех конструкторов, которые чертежи нарисуют, нет материалов, нет станков. Все запущено и устарело.

На съезде не сказали главного: нужно уменьшать производство вооружения. Непомерная тяжесть для мирной промышленности.

Приятно надеяться на ускорение, но уже столько в прошлом было разочарований!

Все так, а самочувствие за лето сильно ухудшилось. На ЭКГ - "полный блок". Это 38-40 сокращений сердца в минуту. Главная беда - повысилось кровяное давление: доходит до 180. Это значит - все, деваться некуда. Уже с лета не бегаю, только хожу. Не помогает. В книгах об этом написано: нужен стимулятор. Но год нужно доработать.

1985 г. 30 декабря. Понедельник, вечер

"Свободен, слава Богу, свободен, Наконец-то свободен", - это написано на могиле Лютера Кинга в Вашингтоне. Сам видел. Конечно, нахальство - мне такое говорить по поводу своих

болезней и отпуска.

Отходил полчаса по коридору, перемежая с гимнастикой. Есть ощущение в мышцах, давление понизилось, и захотелось освободиться от информации.

Сегодня был годовой отчет. Два с половиной часа говорил, показал более двадцати таблиц. О сердечной блокаде или стрессах не вспоминал.

- День покаяния и отпущения грехов! И день надежд: очистились и больше не согрешим.

Таким было начало доклада. Только надежд у меня почти никаких нет... В августе 1984-го были. Я тогда составил и размножил "Инструкцию по ведению больных после операции". Последние четыре месяца того года были приличные, и впереди ожидалось еще лучше.

Этого не произошло. Не буду приводить цифры: улучшения нет.

Однако, за 2,5 года существования Института на 50% возросли операции и на 23%- число работников. Примерно 600 дополнительно спасенных жизней.

Но я недоволен и постарался внушить это чувство всем.

... ...

Еще вчера передал Геннадию дела. Сказал о своем намерении уходить с директорства.

Администрация института приходили поздравить с Новым годом и упрашивали, чтобы возвращался. Не обнадежил их.

Кибернетики тоже поздравили, рассказали о своих делах: очень надеются на ускорение. Подумалось из песни: "Не для меня придет весна..." Приглашали зайти в отдел, отпраздновать безалкогольно (!) Новый год. Сослался на болезни.

Зашел в реанимацию, взглянул на безнадежных детей. Сказал, чтобы вечером докладывали Геннадию. Простился.

1986 г. 14 января. Вторник, утро

Удивительно мало осталось такого, что жалко потерять. Сладкое напряжение операций? Но смертность, видимо, снизить уже не смогу. Так, как сейчас? Нет, не хочу. Хотя и тяжки были последние две недели отпуска, но полное отключение от звонков из реанимации компенсировало головные боли.

Только в романах дела кончаются победами героев. В жизни, как правило, их поражением. Так и я уйду побитым.

Недавно кубинцы сердце пересадили, до этого - чехи, поляки. У нас в стране - ноль. Наверное, есть и моя доля вины.

И вообще, не могу больше переносить смерти. Не мо-гу! Значит, хирургию, самое сильное, что было в жизни, уже не жалко.

Что еще?

Творчество. Модели общества не довести до достоверности. Если бы и довел (невероятно!), не доказать. Заниматься этим буду. Книги тоже буду писать, их читают.

И это суета. Не жаль.

Люди? Сотрудники, друзья, родные? Давно наблюдаю реакцию окружающих на смерти. За редким исключением, все быстро успокаиваются.

Что еще осталось пожалеть? Красоту? Восходы и закаты? Хорошую книгу? Да, большое удовольствие. Но будем честны: оно уже значительно поблекло за последнее десятилетие.

Вот такой получается расклад.

Думаю, что спокойствие будет со мной даже при смертельном риске, а не то что при вшивании ЭКСа, (электрокардиостимулятора). Поэтому изучил инструкции к аппарату и выбрал частоту пульса, которую нужно мне запрограммировать. Вполне возможно, что от улучшения кровообращения некоторые взгляды могут измениться. Посмотрим.

Едем в Каунас, к Бредикусу: Лида, Катя, Саша Стычинский, и я.

1986 г. 26 января. Воскресенье, утро.

Итак, в пятницу вернулись. Нужно начинать новую жизнь, существование со стимулятором.

Сначала - короткая сводка, как все было.

В Вильнюс приехали в три часа ночи. Встретили с машиной. В шесть утра были уже в "люксе" гостиницы в Каунасе. В 14 часов приехал Юргис Юозович Бредикис и забрал нас с Катей в больницу. Нормальная палата на три кровати, без санузла. Видно, что для начальства условия не создавались.

Переодели в больничное одеяние. Доктор послушал, посмотрел анализы, ЭКГ, рентгеновский снимок - я все привез с собой. Операция назначена на следующее утро. Скоро пришла красивая девушка со шприцом антибиотиков.

- Куда будете колоть?

- В задницу.

Ответила с очаровательной улыбкой. Она литовка, и просто не знает нашего слова "ягодица".

Никаких новых мыслей в первую в жизни больничную ночь не возникло.

Состояние чувств: "спокойствие".

На операционном столе довольно удобно. Стимулятор - это металлическая коробочка 5х4х0, 8 сантиметра - с батарейкой и микропроцессором для генерации импульсов. Его вшили под

кожу ниже левой ключицы, а электрод провели в сердце через вену на шее. Я даже не заметил, когда участились сердечные сокращения. Анестезия местная. Ни болей, ни страха не испытал.

Ходить разрешили в первый же вечер, и мы с Лидой отшагали по коридорам два километра. Со следующего утра добавилась моя гимнастика.

… … …

Примечание: Из Вильнюса экспедиция вернулась 24 января: в хорошем статусе и бодрые духом. ЭКС установлен на пульс в покое 60, при движениях - до 100. Одышки нет. Давление медленно нормализовалось. Гимнастика и ходьба с Чари восстановлены. На работу пришел 15 февраля. Дефектов в руководстве не обнаружил. Народу объявил: "Заседание продолжается". Через два дня уже вшивал митралный клапан. " Все как прежде, все та же гитара.." удивительно бессмысленные мотивы лезут в голову. Если серьезно: вопрос об уходе из клиники снят. Мы еще повоюем.

… … …

2 марта. 1986 г. Воскресенье, утро.

Во вторник открылся съезд партии. К сожалению, не удалось послушать Горбачева с самого начала - не было минутки, только вечером подключился.

Время сейчас интересное. Все читают газеты, и такие попадаются перлы, каких в жизни не видел.

Оказывается - обюрократилась и даже разложилась некоторая часть верхушки при попустительстве ЦК. Нужно восстановить ленинский стиль. Слова о стиле - стары как мир. "Критика сверху донизу, невзирая на лица". И это я слышу с самого детства. Но Горбачев, кажется, серьезно взялся.

Все очень - очень здорово. Может - очистимся? Едва ли.

Второй мотив из доклада - заставить лодырей работать, не хотят - не платить, а сильные и честные пусть зарабатывают сколько могут. При том - дать им товары. Только как это воплотить? Привыкли нянчиться с бездельниками: выгонишь лодыря, а вдруг он с голода умрет? Поэтому сначала его надо трудоустроить, а потом выгонять. Нонсенс!

Еще одно. Горбачеву принадлежат слова: "борьба за социальную справедливость".А зачем же революцию делали, если только теперь начинать?

Еще новое слово: "гласность. Чтобы все делалось открыто. Ну-ну...

… … …

Поздняя вставка в дневник:

26 апреля случился Чернобыль. Город в панике. Попытался

вникнуть, почитал. Для меня ясно: вред радиации за пределами ближней зоны - преувеличен. Об этом я сказал на конференции, после "проработки вопроса". Поэтому у нас паники не было. Но количество операций все же снизилось - больные опасались ехать в Киев.

Надолго остался Чернобыль. Писатели и политики - популисты раздули опасность радиации и вызвали у народа массовые неврозы.

Не буду анализировать. Возмущаюсь.

… … …

В связи с Чернобылем оживился интерес к "Глобальным проблемам" человечества. Их поднял Римский клуб, а я узнал из английской книжки Мэдоуза "Пределы росту". Вот эти проблемы: Рост населения. Рост промышленности. Недостаток пищи. Истощение природных ресурсов. Загрязнение среды. Вымирание биологических видов. Если не остановить эти тенденции - то в 2020 году произойдет "коллапс" - быстрое вымирание человечества. Предсказания не оправдались - но угроза осталась.

5 ноября. Среда, день

Занимаюсь историей. Такие, например, перлы. Будто бы писал Аристотель: "О тиранах". (Из Б.Рассела - "История западной философии".)

Чтобы удержать власть, нужно следующее: 1. Не позволять возвышаться достойным. Даже казнить. 2. Запретить совместные обеды (!), а также диспуты, образование, даже литературу. 3. Держать общественную жизнь под контролем. 4. Иметь сыщиков. 5. Сеять раздоры среди подданных. 6. Давать обещания лучшей жизни. 7. Держать граждан занятыми: строить общественные здания. 8. Дать права рабам и женщинам, хотя бы для того, чтобы иметь осведомителей. 9. Вести войны, чтобы народ нуждался в руководителях.

Ну, каково? 2300 лет назад сказано, и все последующие тираны соблюдали. Включая Гитлера и Сталина, хотя едва ли они читали Аристотеля.

17 января 1987 года. Суббота, утро.

10-го был отчет за год. Показатели чуть хуже 1985-го. В лидеры вышел Леня Ситар. Похвалил. На втором месте Вася Урсуленко, на третьем - Миша Зиньковский, в конце, примерно одинаково, - мы с Геннадием. Мои показатели испорчены самомнением. Оно нахлынуло после выздоровления. Семь больных не следовало брать: непомерно тяжелые, безнадежные. Все и умерли. Теперь собираюсь быть осторожным.

4 мая 1987 г. Понедельник.

Ездил в Москву и в Ярославль к сестре. Пять дней

отсутствовал. В студии Останкино записывали для ТВ мою встречу с с московской публикой (организовал С. Б. Шенкман). Полный зал. Волнения не испытал. Были интересные вопросы: О перестройке. Ответ: нужно- бы задействовать страх, кроме пряника. О гласности. Ответ: следует открыть прошлое, хотя бы назвать следователей, без этого нет гарантии перемен. Об этике: вернуть законы Моисея и Нагорную проповедь. О новом мышлении: неизбежны компромиссы, внутри - с частными интересами, вовне - с капиталистами. Нужно учитывать биологические качества человека. Они гораздо сильнее, чем думали, однако все же оставляют надежды на социализм. Разбросал много шпилек в адрес властей. Предполагаю, что все это вырежут, оставят одну физкультуру и медицину. А может, и всю передачу перечеркнут. Теперь с цензурой так неопределенно, что никто уже не знает, что можно.

7 июня. 1987 года. Воскресенье, день.

Социальные события. Хлопочем о хозрасчете. Был в министерстве - просить денег на ремонт общежития, а Л.Н.Кирик, глава министерских финансов, подкинула эту идею, от Федорова, глазника. Я на хозрасчет давно целюсь, но был уверен, что у министерства нет денег, чтобы платить за повышение производительности. Оказалось, могут найти. Тут же я отправился в ЦК и получил всяческое одобрение. Им тоже нужно выдавать "инициативы".

На следующее утро представил мысль на конференцию. Народ вроде бы зажегся. И не только возможностью подработать, самой идеей. "Социалистическое медицинское учреждение нового типа" - так называется эксперимент. В ЦК сказали, что слово "хозрасчет" - не гуманно: жизни оцениваются, а не чурки. Пожалуйста.

Составил докладную записку для начальства. Ее уже дважды прочитали на коллективе и на стенку повесили для обсуждения.

Суть хозрасчета проста. По получаемым от Минздрава деньгам сосчитали себестоимость операций. Теперь можно заключить договор с министерством, чтобы нам платили не по смете и штатам, а за число операций. В Институте будет самоуправление - совет трудового коллектива, он распределит заработки.

4 июля. Суббота. День.

Еще месяц пролетел.

Большие дела затеваются в институте: переход на хозрасчет. Кажется, начальство сдается и разрешит. Ходил по инстанциям, приглашал корреспондента Известий.

Провели всеобщее тайное голосование всего персонала: 76%

высказались за эксперимент.

10 октября. Суббота.

По Украинскому телевидению полчаса показывали наш Институт в связи с перестройкой, а больше - мою персону. Целое лето мелькаю на экране: сначала встреча с народом в Останкино, потом "Прожектор перестройки", теперь - это. Стыдно. (А в то же время и приятно. Вот какая скотина - человек!). Одно скажу: никакой фальши не было, всё - правда. Но слишком много. Впрочем, мое тщеславие вполне контролируемое. Не знаю, какая будет жизнь без операций и общения, а без славы точно проживем.

Летали с Лидой в Ленинград. Там была маленькая сессия АМН о медицинской кибернетике, был мой доклад. Удался.

Прочитал лекцию в Центральном лектории Ленинграда. Лет 10-12 назад я у них выступал, и не раз. По окончании подошли старые друзья. Валя, школьная любовь без взаимности. Пашка Прокопьев, с электростанции. Совсем сюрприз: пришла Лида Смольская, из ППГ. Работает физиотерапевтом. Вторично вышла замуж на старости лет, довольна.

23 января 1988 года. Суббота, утро.

Вчера делал отчет за год. Думаю, что наше учреждение - одно из немногих, что идут в ногу с перестройкой. В самом деле: операций сделали 4400 прирост 25%, с АИК - 1560 -рост 52%. Смертность общая -4,6% -на одну треть меньше. Заработки повысились: у ведущих профессий (хирурги, реаниматоры, анестезиологи, АИК-овцы) приблизительно на 50%, у остальных - на 25-30. Народ доволен.

Гласность - полная. Демократия - еще не вся. Совет Трудового Коллектива пока дальше распределения денег не идет, но я их активизирую. Мне Совет тоже предлагает платить, но я гордо отказываюсь. Вполне искренне. За удовольствие нужно самому доплачивать. С меня достаточно получать за кибернетику. Скоро будут перевыборы всех заведующих и меня.

Да, чуть не забыл, мои личные результаты: 185 операций, только АИК-и. 150 - клапаны,. Общая смертность - 11,2%. Это самый лучший год в моей кардиохирургической биографии. И вообще, самое бы время поставить точку. Так нет - жадность: давай 5 тысяч операций, 2 тысячи - с АИКом. Слаб человек!

Примерно подсчитал общее количество своих операций на сердце: получилось около пяти тысяч.

1988 г. 3 июля. Воскресенье.

Главное событие - XIX партконференция. Вот уж такого точно не помню. Много было интересного, но пересказывать не стану. Главный герой - Ельцин, с его историей выдворения из

Политбюро. На меня не произвел впечатления. Но фразу Лигачева "Борис, ты не прав" повторяют все.

Такое впечатление, что М.С. планомерно разворачивает демократию. Вот только в экономике пока провал.

1988 г. 6 декабря. Вторник. Вечер.

Вот он и пришел - последний день.

Давно я его ждал со страхом и надеждой: скинуть ношу ответственности за чужие жизни. И остаться:. в ожидании конца.

Разговор об отставке не вел. Виду не подавал, оперировал как всегда.

Утро было обыкновенное.

В день отчета обход бывает до конференции. Внешне он ничем не выделялся. Строгий будничный ритуал с остановками у каждого больного. Думал: "Никто и не подозревает, что это - последний директорский обход"

Особенно грустно стало в детской палате: не обеспечил операции самым маленьким, невинным и беззащитным. Да, надо уходить. Может быть, будущий директор наладит.

И была другая горькая мысль: "Ухожу побитый ". Нет, не грешен в том, чтобы злорадствовать: "И другие не добьются". Хочу, хочу, чтобы добились!

"Зал был полон", (как говорят о торжествах). Так и было. На столе ваза гвоздик. Подумал: "Только бы не расплакаться. Нельзя быть смешным."

Поздравления у нас не приняты. И сегодня не было. Молодцы ребята.

Обычная утренняя конференция, много раз описывал. Вскрытий на этот раз не было. Повезло. Потом отчитался за ноябрь и за 11 месяцев: не ухудшились результаты.

Так и подошло к нормальному концу. Подумалось: "А может, Амосов, не надо? Пусть все идет, как шло. Все-таки каждый год был прогресс, прибавлялись сотни спасенных жизней".

Речь моя записана на пленку, но перескажу вкратце, как помню.

- Ну что же, ребята, пришло время нам прощаться. Сегодня последний день моего директорства. (В этот момент зал "охнул", - как пишется в романах.)

- Жалко с вами расставаться, прямо до слез. Тридцать шесть лет - большой срок. Но: больше нет моих сил переносить смерти. Душевных сил нет. Оперировать бы мог и даже еще буду понемногу.

- Бесполезно мне, друзья мои, дальше сидеть директором. Не надеюсь добиться: Нет уже не времени впереди, ни энергии. А может, нет и ума.

Из зала звучат нечленораздельные возражения. Возглас:

- Вы еще лучше молодого.

- Нет, не лучше. 75 лет - большой возраст. - Я очень вам всем благодарен. Бывал груб, несправедлив. Одно скажу: никогда не примешивались личные отношения. Ругался только за дело, только за больных. Но каюсь: всегда избегал близкой дружбы с вами. Страдал от этого - хорошие вы люди. Когда-то на войне и в Брянске убедился: чтобы быть руководителем в большой хирургии, чтобы требовать дело - дружить нельзя. Так уж люди созданы.

Снова возгласы:

- Останьтесь, останьтесь, хоть на год:

- Нет, не останусь. Уже два года я ждал этого дня с нетерпением и много раз проигрывал проводы. Вот видите - чуть не плачу:

- Поработали мы все, в общем, не так уж плохо. Слышали отчет: 52 тысячи прооперированных сердечных больных. Правда, шесть процентов умерли. Но остальные-то ушли живыми. Конечно, можно бы лучше. Именно это меня и гнетет. Но лучше я организовать не смог.

- И еще одно скажу: мы сохранили честь. Смею думать, что не ошибаюсь. Удержались от этой заразы - взяток. И за это вам спасибо всем.

"Многие плакали" - таков штамп, но что сделаешь, если таки плакали. (На пленке записано.)

- Не могу не сказать о будущем. О вашем будущем, потому, что у меня его уже нет, то есть, конечно, я буду делать науку, напишу книгу. Но это все не то. Поэтому - о вас. Об Институте.

- Директора будете выбирать сами. Не спрашивайте у меня совета: я действительно не знаю, кто лучше из тех, кого знаете. К демократии вы уже привыкли, по ней и действуйте. Для этого я добивался хозрасчета и самоуправления, чтобы при любом директоре не пропал коллектив. Нет, не то говорю - чтобы не пострадали больные.

- Конечно, нужно двигаться вперед. Вы все знаете - куда. Сотни раз говорили.

- Еще раз спасибо вам всем, товарищи. Простите, если кого обидел понапрасну. Это все.

И сел. Нет, слезы удержал.

С десяток секунд все сидели подавленные. Потом вышел Гриша Квачук, заведующий отделением стимуляторов. Хорошую речь сказал, искреннюю. Всю не запомнил, но конец был примерно такой:

- Хочется удержать вас и сказать, как нашкодившие

школьники: "Николай Михайлович! Простите нас, мы больше не будем. Не уходите".

- Спасибо, Гриша. Растрогал ты меня. Однако решение твердо. Уходить нужно вовремя. Спасибо еще раз всем.

И сошел со сцены.

Все пошли на операции. В три часа, "был сервирован чай". Без выпивки, к сожалению, (дань времени!), но с тостами под виноградный сок. Душевно прошло.

Грустный день. 0чень грустный.

Ладно, уже час ночи. Спать пора. Завтра начнется новая жизнь.

Теперь самое время сделать долгий перерыв в записках. Может быть, и насовсем.

… … …

Так закончился дневник. Дальше буду писать по памяти и отрывочным заметкам в записных книжках, в которые заносил всякие мысли по науке.

29. 1989-90 гг. Народный депутат.

Жизнь продолжалась.

В декабре выбрали нового директора. Никого не предлагал: сами думали. Два кандидата - Кнышов и Зиньковский. По-честному, я не знал который лучше. Выбрали Кнышова с преимуществом в треть голосов.

Отчет за год еще делал сам: 1860 операций с АИК, 13% смертность, Всех операций около 4900, суммарная смертность - 5,3%. С этими цифрами сдал институт. По ним будут сравнивать " новую династию" со старой.

Решил, что буду ходить в институт два раза в неделю, только на операции. Конференции не посещать. В управление институтом не вмешиваться: " кто едет тот и правит".

Геннадий вполне справлялся. Были "роптания", недовольство, однако - неосновательные. Темпы работы немного замедлились, но в этом виновата перестройка - производство сократилось.

… … …

Не успел приспособиться к изменениям жизни - найти занятия, как захватили новации. В стране началась выборная кампания.

В конце декабря пришел Витя и сказал примерно такое:

- Вы теперь освободились: Что если мы выдвинем вас в депутаты ?

Вот какой Витя Заворотный. Второй раз меняет мою судьбу.

Сначала я руками замахал.

- Зачем мне!

А потом подумал: новое время наступает, новые возможности будут у депутата. "Можно людям помочь". Высокопарно звучит, да? Но так и было. Два дела требовали вмешательства: состояние медицины, и физкультура в школах. Уверен, что через нее можно улучшить здоровье детей. Задумки по медицине: хозрасчет, контроль качества работы и квалификации врачей, новая история болезни.

Все вместе: новое поле деятельности. Не иссякли еще силы, а операции скоро кончатся: возраст, хирургия - работа ручная. Наконец, просто нужно заполнить вакуум.

В общем: согласился.

… … …

Закрутилась избирательная компания. Создали штаб. Пожалуй, главным организатором был Миша Зинченко, приятель из Райкома.. Избирательный закон гласил: половину депутатов - от граждан, вторую - от общественных организаций, по

разнарядке: партия, профсоюзы, и много других.

Кандидату полагалось "встречи с избирателями". Это значит - выступать на собраниях, излагать свою программу или вообще говорить чего хочешь: важно понравиться.

У меня есть листовка, которую клеили на стены - с портретом, биографией и программой, Ее содержание интересно. По медицине предлагал ликвидировать больницы для начальства, ввести хозрасчет, и - конечно - увеличить финансы. По экологии - открыть информацию, и усилить контроль за атомными станциями, По экономике - сократить расходы на оборону, на космос, на помощь другим странам. Не повышать цены. Передавать в аренду убыточные предприятия: намек на изменение собственности. Ликвидировать привилегии, ввести прогрессивный налог на недвижимость и доходы. Помогать самым бедным. В целом: восстановить гражданские права в полном объеме. (Из осторожности - не уточнял!). Капитализм и многопартийную демократию не объявил, но подходы к ним намечал. По тем временам - хорошо. А уже в речах я все называл своими именами, не боялся

Конкуренты были достойные - от Кашпировского до Драча. Был еще машинист и трое других, фамилии забыл.

Выступать мне не привыкать - столько лекций прочитано! Народ на встречи ходил, кандидаты друг друга не задевали, компания прошла честно. "Грязных технологий", как теперь, еще не было.

Сами выборы эмоций не вызвали. Прошел в первом туре, "За" проголосовали более 60%. На другой день вручили временное удостоверение. Мы это уже проходили.

Дважды в неделю - оперировал. В десять вечера, по привычке - глядел на часы - ждал доклада дежурных. Без мала, сорок лет ждал. Теперь - свободен. Легких больных для своих операций не подбирал, но самых тяжелых избегал. Поэтому хирургические страсти ослабли. Прибавило ли это счастья? Нет, не прибавило. Реализация лидерства - сладкая зараза. Теперь - лишился.

10-го мая Катя родила дочь. Назвали - Анной. Началась новая семейная жизнь. Молодые вернулись жить к нам - нужна постоянная помощь бабушки. Чари отошла на задний план, выглядела смущенной, и я за нее переживал. К маленькой Анюте чувств пока не испытывал.

После выборов сделал большую глупость: согласился на выдвижение в Верховный Совет. Его выбирали как постоянный парламент в числе около 400 из 2500 народных депутатов, Думал: "работать, так работать"! Но не ожидал, чтобы было так тяжело заседать непрерывно.

… … …

Первый Съезд Народных депутатов было историческим событием - на путях демократии, а может быть и наоборот - в деградации великой державы - Советского Союза. С него начался и распад всего Соцлагеря.

Цвет интеллекта был представлен на съезде. Наука и творческие союзы вложили лепту, спасибо партии, - читай - Горбачеву, что дали им места. Полстраницы займут знаменитости, если фамилии перечислять.

Начало пошло по прежней дорожке - как уже испытал при первом заходе - целых 17 лет. Отъезд из Киева - два вагона СВ под депутатов. В Москве - в депутатской комнате вокзала уже все расписаны - в какую гостиницу. Привезут в машинах, постоишь в очереди, дадут номер. Оставишь вещи - иди на регистрацию в Кремль, в Георгиевский зал. Там выдадут временное удостоверение - карточку. Ее поднимать при голосовании (Электроника появилась позднее). Дадут и деньги: суточные, не шикарные - только хватало на еду и гостиницу. Еще выдали какие то бумаги, регламент, повестку дня, не помню точно.

Но казус со мной случился - телевизионщик сунул в лицо микрофон:

- Что вы ожидаете от съезда?

- Ничего не ожидаю!

Это показали в тот вечер из Останкино и потом меня на улице останавливали граждане и пытались выспросить: почему такой пессимизм.

Он и в самом деле был: не верил в большой прогресс. Уже были сведения - члены партии (и начальники) составили 90% съезда.

Не скрою, что я был заметным депутатом: показывали по ТВ, а многие еще помнили " Мысли и сердце" и " Раздумья о здоровье" в "Науке и жизни" - три миллиона тираж. Колхозников и рабочих среди депутатов было совсем мало. Партия их выдвигала, но народ не избирал.

К тому же, меня посадили в первом ряду, почти напротив трибуны. Снова я видел перед собой президиум - но уже в другом варианте - без Политбюро. Сидели представители республик - и не только начальники, но и деятели культуры.

… … …

Очень сумбурные воспоминания о съезде. С одной стороны - демократия, говорят почти совсем свободно. С другой - мощная партия давит, хочет все "держать и не пускать ". А Горбачев маневрирует, но с симпатией к демократам. Однако, кроме регулятора-председателя действует "агрессивно-послушное

большинство" - такой придумали удачный термин для тех партийных, что "захлопывали" прогрессивных ораторов, вроде Сахарова.

Слушать речи было очень интересно. Разве сравнишь со старыми временами? - " Ду-ду-ду: "

Где это было видано такое: выступила Ежи Умалатова (чеченка) и предложила отвести кандидатуру Горбачева - первого секретаря ЦК ! - из списка кандидатов в президенты.

Съезд длился 15 дней, вдвое дольше плана. Массу времени заняли всевозможные избрания - не буду перечислять.

Главным героем съезда был Сахаров. Он открыл и закрыл прения. выступал семь раз! Признаться - поднадоел - не только этому " большинству", но и демократам. Одно из выступлений было просто неудачным. Говорили об Афганистане, многое порицали. Но Сахаров просто оскорбил армию, а значит и народ, когда заявил, что окруженных меджехедами бойцов расстреливали с самолетов, чтобы они не сдались в плен. Я прошел Отечественную войну, гораздо более жестокую, уверен - такого быть не могло. Обстрелять своих по ошибке - да бывало, но не специально. Неудивительно, что зал буквально взорвался негодованием, а один депутат, герой Афгана, без двух ног, отхлестал Сахарова жесткими словами.

Все другие выступления Андрея Дмитриевича были по делу. Именно отношение к нему разделило съезд на прогрессистов - примерно треть и ренегатов - остальные. В последнем выступлении, уже перед самым закрытием, Сахаров представил проект декрета о власти - очень демократический. Но его уже не обсуждали - не было времени и желания.

Когда Сахаров умер, во время следующего - зимнего уже - съезда то его похороны были настоящей демонстрацией любви и уважения. Противники уже молчали.

Из речей демократов запомнился историк Афанасьев, экономисты Шмелев и Попов, а так же несколько деятелей от искусства, но фамилии выпали из памяти. Из "националов" - Ландсбергис, от Литвы.

Литовцы устроили демарш - покинули зал в знак протеста - но не вспомню повода. Кажется, требовали обнародовать и отменить текст " Пакта Молотов-Рибентроп" Это значило - вернуть независимость Прибалтике. "Большинство" очень шумели, пакт не отменили. Не пришло время.

Еще тема: шестая статья конституции о главенстве в державе партии коммунистов. То есть - за многопартийность. Здесь - удалось, хотя партий - конкурентов тогда не было. Но оппозиция уже появилась: так называемая межрегиональная группа. В нее

записывали. Я сходил однажды на заседание, но не вдохновился.

В лидеры выдвигался Ельцин. Он тогда отлично "смотрелся", как теперь говорят. Такой себе русский красавец.

Конечно, было много разговоров об экономике. Появился термин: "социалистический рынок": то есть все - государственное, но торговать, а не распределять. Для этого из оппозиции выдвинули "План 500 дней". Не прошло.

Выбрали нового премьера - Рыжкова. Его доклад был "советский".

Лучше всех высказался Чингиз Айтматов. Примерно, так:

- Чего искать? Давайте Шведский социализм!

С того момента и пошел гулять этот термин. Никто не вник: в Швеции капитализм, поскольку 80% частного предпринимательства, но налоги большие и за счет их социальные блага: поголовные пенсии, бесплатная медицина и образование. И много еще чего хорошего. (Мы до сих пор мечтаем о таком.)

В общей дискуссии высказывались, кто, о чем хотел. Даже полтавский костоправ Касьян говорил - очень реакционно.

Выступали следователи Гдлян и Иванов, авторы " узбекского дела "- грандиозного воровства, с арестами секретарей обкомов. Гдлян угрожал компроматом на "самых-самых". Но так и не предъявил его в последующем.

Творческая интеллигенция была настроена на свободу и демократию, против засилья Партии, за социализм, но " с человеческим лицом"

Выступавших было много: народ пар выпустил.

Когда выбрали Верховный Совет, то заседали параллельно со Съездом: утром или вечером. Что-то мне в нем сразу не понравилось: пустая болтовня. И председатель - Лукьянов был противен. Потом был Примаков. Мы-то считали его ученым, академиком, а он был, кроме того разведчиком..

Быт. Жил в "Москве". Вставал в 6 утра, бегал вокруг гостиницы. Делал свою тысячу движений. Завтракал из холодильника, плюс кипятильник. В перерыве в полдень - отрабатывал ходьбу по кремлевскому садику. Обедал в ресторане, был депутатский зал. Вечерами ходил в гости к Березовым, Бочаровым, Леве Шерстенникову, Манучаровой. Или - читал, смотрел телевизор. Домой звонил, через день, знал беспокойную жену. Летал в Архангельск на встречу - 50 лет после окончания института. Еще: редактировал вторую часть " Книги о счастье и несчастьях". С депутатами вне Съезда не общался.

Заседания оставляли время для закрытых библиотек. Именно тогда я нашел статистики о социализме и капитализме. Цифры я

уже приводил. Думал о причинах. Вот вывод: социализм "небиологичен". При капитализме задействованы сильнейшие чувства: жадность, лидерство, самоутверждение, страх безработицы. А социализм? Замена биологии идеологией, "сознательностью", не полноценна. Значимость "убеждений" в мотивации в четыре раза меньше потребностей. Еще момент: капитализм делает ставку на лидеров - на неравенство, на конкуренцию. Наше соцсоревнование - "типичное не то".

30. 1990-92 гг. Наука: анкеты, человек.

Там-же. в Москве, начался для меня новый виток социальных наук.

На заседаниях сидел с записной книжкой и мудрил над анкетами, схемами и статистиками.

Об этом скажу очень кратко, поскольку дело - специальное, не для беллетристики. Подробности - в публикациях.

Были две задачи. Первая - выяснить, как граждане живут и что думают: нужен большой опрос, всех подряд.

Вторая - прояснить биологическую природу человека и качества личности. Нужны эксперты.

Поскольку у меня нет ни сотрудников, не аппарата, не денег, но есть популярность, то я придумал метод: опрос граждан через газеты. Анкеты (40 пунктов!) печатали, в разное время, и с разным содержанием в "Неделе", "Литературной газете", "Комсомольской правде" "Учительской газете". Обратный адрес давал на свой институт, в Киев. Пошли письма, очень много, тысячами. Обработку анкет организовал все тот же Миша Зинченко и еще был аспирант по кибернетике. Дело сделали за два месяца. Сведения устарели, не буду приводить цифры. Суть такова: народ беден, недоволен, властям не доверяет, особенно - местным, для приличной жизни хотели бы увеличить доход в 3-4 раза, но работу готовы прибавить только на 30-50 %. Напрямую не спрашивал - за социализм или капитализм, газета на это не пошла, но частное предпринимательство и демократию - приветствовали большинство. То есть сдвиг к капитализму - несомненен. По анкетам написал в "Неделю" статью, ее напечатали.

Вторая задача была гораздо сложнее. Странно звучит, но не нашел я в литературе количественных данных по природе человека. Даже - в западной.

С "Литературной газетой" у меня была старая дружба - в 1988 - 90 годах напечатали четыре статьи по целой странице. Согласились опубликовать анкету по природе человека. Я для нее предложил свою гипотезу: перечислил качества психики, обозначил варианты процентов, альтернативы. Выглядело солидно. Газета имела тираж около двух миллионов, преимущественно из интеллигентов, рассчитывал среди ответивших отобрать несколько сот "экспертов".- Это психологи, педагоги, врачи, ученые. (Профессия указывалась). Получили, в адрес редакции, 2, 5 тысячи ответов, из них мы отобрали 500 экспертов. В Киеве обработали их анкеты.

Так что же получилось с человеком? Очень-очень кратко: Качества противоречивые, по каждому пункту есть крайние позиции. Можно сосчитать распределение типов. Подробно описывать это не могу, данные публиковал - смотри " Мировоззрение". Но самое общее скажу.

Поведение человека на три четверти определяют биологические потребности. На одну четверть - убеждения, идущие от общества, продукт творчества: натренированные словесные формулы: "Что хорошо, что плохо, и как надо". Эгоизма в 10 раз больше, чем альтруизма.(!) Сила (значимость) потребностей идет по убывающей: боль, страх, голод, жадность, секс, дети, общение, сопереживание, лидерство, подчиненность, самовыражение, любознательность, агрессивность, деятельность, лень. Воспитанием можно изменить силу потребности на 1/4. К примеру: жадного, не сделать добрым, можно только уменьшить жадность.

"Электростанция" личности - характер. Распределение людей по силе характера - по трудоспособности: сильные 10%. средние 70,% слабые 20%. Соотношение силы сильного к силе слабого: 3 к 1. Тренируемость характера - невелика: из слабого не сделать сильного. Но обучаемость разума - большая: "средне-умных" можно делать даже из дураков, если рано приступить к энергичному обучению. Существует потребность в правде, справедливости и вере. Психологию можно выразить моделью личности.

31. 1989-90 гг. Дела общественные. Разочарование.

В августе парламент распустили в отпуск. Тут я узнал цену демократии. Избиратели были уже не те, что раньше. Когда отчитывался - настойчиво упрекали, требовали прав и льгот. На приемы по понедельникам приходило по 20-30 посетителей. Не только просят, но требуют. Кроме того - права качают! Давай хороший труд, социальную защиту, начальники плохие.

В общем, понял, что попал впросак: Не смогу удовлетворить народ.

… … …

Вторая половина августа: отпуск.

Дома все крутится около Анютки, поэтому мы с Чари отправились на дачу одни. Скучновато, но зато было время для анкет и моделей общества.

… … …

Верховный Совет снова собрался в сентябре. И очень скоро он мне нацело опротивел. Странное положение: законодатели работают, правительство - правит, а страна катится в пропасть. Без конца разбирали программы и планы. Явлинский и Шаталов предложили "500 дней", чтобы перейти к рынку. Правительство его не приняло, Абалкин предложил свой. А дефицит в экономике рос, как снежный ком. Военная промышленность гнала пушки и самолеты, уже заведомо не нужные. Все требовали льгот: повышения оплаты, отпусков, освобождения от налогов. То есть - денег. Рыжков выходил и говорил: "Денег нет". Настаивали: "Найти!" Через день - тот же Рыжков: "Мы подсчитали и изыскали". Выглядело несерьезно.

Летом 89-го разразился первый "социальный взрыв": забастовали шахтеры Кузбаса. Общественность - приветствовала и даже Горбачев чуть- ли не одобрял. Снова - льготы, деньги. А производительность труда угольщиков в сравнении с Штатами была в пять раз меньше.

Государственная дисциплина шла под откос: заводы выполняли только те заказы, которые выгодны. Связи рвались. Экологи собирали митинги и закрывали производства. Дефицит бюджета компенсировался печатанием денег. Производство падало. Результат - дефицит товаров и инфляция.

Хорошо сказал Абалкин:

- Мы хотим жить как в Америке, а работать как в Союзе.

Я вполне разбирался во всех делах, но видел безнадежность и

отсутствие ума у правителей, поэтому не хотелось участвовать в прениях. Но два раза все таки выступал: когда утверждали Чазова в министры и против вооружений.

... ...

Просидел на Верховном Совете осень и решил, что хватит. Нужно удирать. Если не совсем, то хотя бы частично, чтобы ездить домой, оперировать. Даже ценой неприятностей от приема избирателей!

Помогло сердце. Еще летом заметил экстрасистолы, то есть "внеочередные " сокращения сердца на фоне ритмичной работы стимулятора. Они не мешали жить, бегалось хорошо. Решил воспользоваться: обратился в Кардиологический центр, к Чазову. Обследовали и выдали справку: "Освободить от заседаний" Представил ее Примакову и он разрешил "посещать по возможности", до ротации ВС осенью 90 года, на Съезде.

Что и требовалось доказать.

Большую часть времени стал проводить дома. Оперировал. Но и в Москву ездил часто - позаниматься в библиотеках, изредка посидеть на заседании. Попутно - обойти друзей, потрепаться на всякие темы.

В одну из таких отлучек в Москву усыпили Чари. Да-да. Заболела моя любимица еще в конце лета: рак из молочной железы, уже с метастазами. Они стали быстро расти, появилась жидкость в животе, одышка.

Боже мой ! Как она страдала! Лежать от одышки не могла - стояла, потом падала от усталости и снова подхватывалась. Ела мало, уже не лаяла, только смотрела на меня неописуемо - жалостливо. Упрекающим взглядом.

Зная мою любовь к собаке, меня не спрашивали, усыпили и похоронили.

"Мы любим не собаку, а собак" Да, это так, но я уже больше не хочу. Море удовольствия, которое доставили две Чари за 18 лет общения, не покрывает переживаний от их смертей.

Лучше я отойду в сторону - от счастья и несчастий.

Но зато у нас была Анюта. Она быстро росла. Не успели оглянуться, уже манеж поставили в кухне. А как изумительно она улыбалась!

... ...

Прошла зима 89-90 годов. Прошли выборы народных депутатов союзных республик.

Из ВС меня "ротировали" осенью 90 -го, на Втором Съезде. Тогда же выбрали Президента, разумеется, Горбачева. Не ста процентами как раньше, но достаточно. Потом - вице-президента - Енаева, этакое дерьмо.

В 1990 году начались компании за суверинитеты союзных республик. Местным вождям - коммунистам очень хотелось самим править. Больше всех - Ельцину. На Украине зашевелились националисты. Тоже собрался съезд, избрали Председателя - Л.М.Кравчука.

Летом я еще иногда приезжал на заседания Верховного Совета. Помню, что одновременно заседал и съезд депутатов России. Все наблюдали за баталиями по выборам председателя. Со скрипом прошел Ельцин.

Между тем положение в экономике постоянно ухудшалось. Произошла смена правительства - появился Павлов. Не помню когда и как это случилось. Знаю, что была первая прикидка по финансовым делам, что то с обменом купюр.

Монополию на внешнюю торговлю отменили и появились " челноки". Все подземные переходы в Москве были забиты торговцами, как при НЭП-е. Соответственно исчезали товары в магазинах. Даже - в Москве. Слово "дефицит" стало модным. Всякий: товарный, бюджетный, торговый. Почти на четверть не хватало денег правительству и они были "заимствованы в Государственном банке". Попросту - напечатаны.

Еще поздней осенью 89 года я сделал попытку выполнить свою программу: помочь школе и медицине. В школе нужно усилить физкультуру - один урок ежедневно и с большой нагрузкой. (Примерно так на Западе) С Васей Кольченко(ученик) нашли школу, убедили директрису, выступал перед родителями. И - ничего. Саботаж учителей физкультуры и недовольство родителей. Меньше месяца продержалось новое расписание с усиленной физкультурой. Гороно было "За", но приказа не издало.

Министерству здравоохранения я для начала предложил выборочно ввести нашу "формализованную" историю болезни в которой нужно только подчеркивать, ставить цифры и совсем немного писать. Экономия времени 1-2 часа в день. Плюс - информативность. Выгоды очевидны: всем известна "писанина" докторов - время требует, а ничего понять нельзя. Зам министра приветствовал. Но - не более. Главные врачи согласились, но не сделали.

Немного позднее я напечатал статью об "историях" в "Медицинской газете", с предложением - выслать образец. Специально напечатали несколько сот экземпляров для рассылки. Действительно, десятка три писем с запросами пришло, отправили им образцы. И - все!

Такое впечатление - бьешь, как в подушку.

Если бы мне было не 75, а хотя бы полсотни лет, то еще бы поборолся, а тут:.

- Да горите вы все ясным огнем!

Система так закостенела, что потеряла способность воспринимать новое.

32. 1991-92 гг. События. Путч.

Тут подоспели события большого масштаба, они все собой заслонили. Михаил Сергеевич пытался составить Союзный договор с республиками - чтобы и свободы им прибавить и целостность страны сохранить. В Огареве заседали комиссии, наверное - несколько месяцев. Будто бы, к лету 91-го согласовали.

Уехал Горбачев в Фарос, в отпуск.

Грянул ГКЧП!

Утром я услышал по радио обращение этих деятелей к народу. Оно сбивало с ног: переворот! Я бы уже не вспомнил всего, но сохранил "Известия" за 20 августа. Поэтому коротко расскажу суть событий.

Тезисы их "Обращения". В стране кризис экономики и власти. Распад связей, падение производства, инфляция, разгул дикого рынка, республики разбегаются, Союз вот -вот распадется, соглашение республики не признают: Нужны экстренные меры! Для этого собрали Комитет "из здоровых сил". КГБ - Крючков, МГБ - Пуго, войска - Язов, Совмин - Павлов. Председатель - вице-президент Янаев. Именно он объявил, что Горбачев болен и они берут власть.

Реализация чрезвычайки: запрет на партии, организации, собрания, цензура СМИ, госконтроль над экономикой: монополия внешней торговли, цены зарплаты, собственность. Далее:, охрана объектов- читай- войска в городе. Но: все опирается на конституцию.

По ТВ показали пресс-конференцию, ГКЧП истов с дрожащими руками Янаева, а потом запустили Лебединое озеро. Но "Свобода" передала подробности - в Москве танки, большинство республиканских властей поддержало путчистов, Украина - выжидает.

Что делает народ в таких ситуациях? Запасает продукты.

К счастью, все разрешилось за два дня. Слабаками оказались наши "силовики". Ельцин у Белого дома вылез на танк и переломил ситуацию - испугал. Правда, москвичи потом рассказывали, что никакого массового протеста не было, и многие хотели наведения порядка.

Но, так или иначе, на следующий день "Свобода" передала, что танки уходят, а путчисты направились во Внуково - лететь к Горбачеву.

Они действительно, поехали на переговоры к Горбачеву. Мы даже теперь не знаем толком, что они хотели. Во всяком случае, вслед за ними поехали "верные" военные - арестовывать

путчистов. Не знаем и истинное отношение Горбачева к идее путча. Слухи ходили разные, повторять не буду.

Я прикидывал ГКЧП на ситуацию сегодняшнего дня, когда народ исстрадался под демократией и хочет порядка: небось, поддержали бы.

Унизительным было возвращение Горбачева в Москву. Все его объяснения о блокаде Фароса звучали не очень убедительно на фоне героя Ельцина. А как он унижал Михаила Сергеевича на съезде депутатов России!

Скоро после путча собрали наш Съезд, Союза ССР. На нем пытались что то склеить, но уже явно без надежды. Разделение республик фактически состоялось еще до Беловежской пущи.

Формально Верховный Совет и народные депутаты еще существовали до нового - 1992 года.

… … …

В январе 1992 года распад Союза оформился в Беловежской пуще Моя позиция: умом - одобрял. Сердце - болело.

Все-таки я глубоко русский человек, хотя Россию и Союз, как государство, систему, не одобрял никогда. Неприязнь к царизму шла от интеллигенции, потом ее еще подогрели коммунисты, зачеркнув все хорошее, что было в России. Например - земство. Оставили от старого только выхолощенную классику. Но тоже - не мало! Толстой, Достоевский Чехов, это единственный вклад России в цивилизацию. Из ученых разве что таблица Менделеева, да академик Павлов. В пятидесятых годах я сделал подсчет нобелевских лауреатов: Россия и Союз выглядели просто жалко.

Наш коммунизм был явно утопичен: "движение вбок". Во всех науках, кроме связанных с войной, успехи были очень скромны. Зато людские потери, в связи с последствиями революции, оценивают в 40 и даже 60 миллионов жизней. То же касается потерь в части морали, трудовой этики.

… … …

Вслед за Пущей пошла "шоковая терапия" Гайдара. Пропали сбережения. И так далее. Не хочу переписывать хронологию событий.

К этому времени относятся мои высказывания по вопросам независимости Украины. Да, высказывался "За". Давал интервью и писал статьи в газеты. Причины: есть народ, есть язык, есть культура, хотя и бедноватая. Империя действительно угнетала украинцев. Советы - нет, не угнетали, это - ложь. Украинскому языку периодически даже давали преимущества. Но слишком много было русских среди населения и слишком велико преимущество русской культуры. Поэтому было трудно конкурировать.

Не скрою, что когда поднялся национализм - хотелось уехать в Россию. Ноуже поздно. Здесь полжизни прожито, здесь 50 тысяч наших бывших больных, сотни - учеников. Семья... "этнический русский" как теперь называют - я один.

33. 1992-93 гг. Лида: "звонки". Последняя операция.

Еще в начале декабря 91-го прозвенел второй звоночек над головой Лиды. "Спазм мозговых сосудов": головокружение, слабость в левой руке и ноге. Пролежала неделю. Под новый год неврологические расстройства повторились.

Но все это были только цветочки. Быстро поправлялась, работала по дому, нянчила внучку. Не сильно повышалось давление.

Так подошла весна 1992 года. Лида уехала на дачу, я остался дома.

И вот - случилось. Это был второй страшный день в моей жизни после взрыва в камере - день -14 августа 1992 года.

Часов в шесть вечера Лида пришла с улицы и упала.

Уложил на диван. И тут быстро-быстро начали нарастать явления сердечной слабости. Задыхается, мечется.

- Умираю!

Хватил пульс - а он еле прощупывается. И самое главное - редкий, как было у меня при блоке. Сосчитал: 38-40. Измерил давление - 60!. Холодный пот.

Состояние катастрофически ухудшается: вижу - умирает моя Лида. Вот так, на глазах начинает затихать и сознание путается: Потом опять возбуждение, одышка: И опять это страшное:

- Умираю!

А у меня ничего нет, чтобы усилить сердечную деятельность. Скорее набрал телефон скорой и они приехали, всей командой, через пять минут.

Таблетку новодрина под язык, и его действие было магическое - через пять минут стала затихать, появился пульс, участился сначала до 80 потом и выше 100. Кровяное давление пошло вверх, даже больше чем нужно.

На глазах, за полчаса - смерть далеко отступила. Больная задремала.

Разобрались: оказывается, это я виноват. У Лиды плохое сердце, мерцательная аритмия, для лечения ей назначили дигиталис, она получала его долго, а я не проследил за пульсом. Наступила передозировка - она и вызвала резкое урежение пульса и сердечную слабость. Вполне могла умереть.

Но несчастья с Лидой на этом не кончились.

... ...

В том же месяце я сделал свою последнюю операцию,

протезирование клапана. Больная умерла через месяц от инфекции. Хирург в таких случаях виноват меньше всех - но, поди - докажи? Родственники все равно могут сказать: "Зачем старик брался? На пенсию его!"

И правильно скажут. Хотя четыре предыдущих года вшивал примерно по 30-40 клапанов, явных ошибок не было.

Решение "остановиться" пришло без драмы: больная умирала медленно, привык к мысли: "Кончай!"

На конференции не объявлял, но и не скрывал:

- Конец моей хирургии!

Перестал смотреть больных, кроме тех, что приходили ко мне лично или за которых просили сотрудники.

Сразу почувствовал: теперь - старик. Перешел в другой статус. И все последующее время не пытаюсь казаться "метром" перед сотрудниками. Спросят мнение - скажу. Не спросят - промолчу.

Слава Богу, что Геннадий хорошо руководил институтом: снижение операций всего на 25-30%. Это хорошие цифры при всеобщем кризисе. Тем более что из других республик перестали ездить: нужно платить.

... ...

Занятия для души были: написал статью " Мое мировоззрение" Ее напечатали в " Вопросах философии", престижный журнал. Потом издали брошюркой.

И снова - смерти. Умерли Мамолат и Антонов. Обоим - за 80, но головы светлые. Олега Константиновича хоронили хорошо: народа было много.

Все больше удовольствия доставляла Анюта. Очень неровная. То ласковая - как обнимет и расцелует: все отдашь! А то - обозлится, наговорит резкостей, убежит и язык покажет. Я учил ее буквам, читал книжки. Вспоминал по ним Катю. Бабушка совершенно не чает души - раба на век!

... ...

1993 год начался с несчастий. Снова - Лида. 18 февраля случился новый инсульт. С параличом, с расстройством речи. К счастью скоро все восстановилось.

Была депрессия. Трудная обстановка дома. Левая нога очень болела, ходила с большим трудом. Инвалид.

... ...

Осенью 1993 года все внимание было - к России. События недавние, описывать не буду. Факт, что парламент, Белый дом, расстреляли из танков и больше сотни людей погибло. Хасбулатов, Руцкой и Макашев - люди противные и я затрудняюсь - кто больше виноват - Ельцин или они. Общество, как и психику

может " занести" - и до упора, до катастрофы.

На наших украинских делах эти события не сказались: страна в тяжелом экономическом кризисе. Отражение на ученых: зарплату в Академии задерживают месяцами. Пришлось перейти на довольствие в свой родной институт. Теперь я Почетный Директор. Так хотелось отказаться от всяких зарплат, потому что практическими делами не отрабатываю, но куда денешься? Пенсия мизерная, сбережения пропали.

В том же году усилиями А. Ф. Возианова, была создана Академия Медицинских Наук, АМН. Меня выдвинули в президиум. Я легонько отказывался, но решительности не проявил. Думал: все- таки "при деле". Были выборы новых членов: Геннадия выбрали академиком.

В октябре 1993 года Валера Залевский заменил мне стимулятор. Первый служил 8 лет, последние полгода работал плохо. Было тяжело бегать, приступы стенокардии. Стимулятор оплатила фирма "Интермедикс". Отличную машину поставили.

Операцию описывать нечего: одну ночь проспал в кабинете у Бендета. Весь вечер приходили гости и пили за мое здоровье. Я - тоже, но - в меру.

... ...

6 декабря праздновали юбилей - мне 80 лет. Положение - не прежнее, но заседание в Академии было. От Президента Кравчука получил "Почетный знак", от разных организаций - адреса.

Растрогали учителя из Череповца, из нашей бывшей школы. Приехали три человека, привезли северные немудрящие подарки - даже сувенирный бочоночек вологодского масла.

Банкет тоже был, как говорят - вполне приличный. Спонсоры оплатили.

Нет, не получил удовольствия от юбилея. Настроение неважное, старость догоняет, дома трудности.

У Лиды болела нога, ходила с большим трудом, спала плохо.

Выручила хирургия: в отделении у Володи, в институте Шалимова, обнаружили закупорку левой бедренной артерии. Николай Федорович Дрюк удалил старые тромбы и расширил артерию.

Больная свет увидела. В ее патологии разобрались. (Наконец, Амосов, академик!) Ясно, что в артерии "подсыпали" сгустки из сердца. От них же и инсульты были. Теперь получает лекарства снижающие свертываемость. Надеемся. Но угроза остается.

34. 1993-98 гг. Экспериментальная жизнь.

Последние четыре года назову так: Экспериментальная жизнь.

Уже перед юбилеем почувствовал, что старею. Шатало, слабость. Хотя продолжал свою физкультуру: "трусцу" и 1000 движений.

Опечалился, но придумал гипотезу для объяснения. Старение запрограммировано в генах: от него уменьшается функция всех органов, напрягаться не хочется - иди на пенсию. Когда человек перестает работать, он детренируется, функция еще снижается, и это еще ускоряет старение. Чтобы разорвать этот порочный круг, нужно заставить себя сильно увеличить физическую нагрузку. Так, через физкультуру я предполагал остановить старение и даже в какой то степени омолодиться.

Так родился "Эксперимент"

Знал, что сердце неполноценное: увеличено в полтора раза, 8 лет живу со стимулятором, есть маленький аортальный порок, и бывает стенокардия. Риск? Да, но что мне терять? Стареть без сопротивления? Противно.

Вначале я определил себе 5 км бега, 2500 движений гимнастики, половину - с гантелями 5 кг. Вхождение в новый режим заняло три месяца и прошло без осложнений.

Через полгода эксперимента старость отступила. Вернулся к семидесяти годам.. Бегал 6 км., быстро ходил, почти не шатался, исчезла стенокардия.

И вот тут меня занесло: я потерял бдительность.

Число упражнений с гантелями увеличил до 3000 и даже стал пробовать 10 кг. Вообще, чувствовал себя отлично. Хвастал! Интервью давал. Написал брошюру " Эксперимент" и книжечку со своими философскими идеями: "Разум, человек, общество, будущее".

Я понимал, что самочувствие сильно зависит от психики: человек убедил себя - и доволен. Но не может же эйфория держаться долго! Поэтому внимания не обратил когда сердце на рентгене увеличилось в размерах: "Натренировалось - и увеличилось! "

... ...

В Институт ходил регулярно раз в неделю. В 94-м и 95 годах он работал: скажем - прилично. Кнышов хорошо директорствовал. Очень много сотрудников побывали за границей и даже поработали там по несколько месяцев. Проявили себя молодые ребята - Илья Емец и Вася Лазаришинец. Первый еще мне

ассистировал, а второй - уже совсем новая генерация. Они сдвинули проблему маленьких детей, которую я так и не смог решить. Освоили операции, которые у нас никогда не получались. Прошли через период высокой смертности, чего я не выдерживал - останавливал попытки.

Старые бойцы - Зиньковский, Ситар, старались не отстать и много оперировали. Тоже имели успехи и делали новые операции. Выдвинулся Толя Руденко - он занялся септическими заболеваниями сердца.

Прорезался и новый администратор - зам директора - Витя Максименко. Очень дельный товарищ! И мой друг.

В 94-м году я купил компьютер - старой конструкции, (386?): ребята - кибернетики устроили. Лора Касаткина научила "Лексикону". Очень понравилось: на нем написал еще одну новую книгу "Преодоление старости". Шенкман С.Б. издал ее в Москве. И даже заплатил - очень кстати!

... ...

Весной 1996 г. при обследовании оказалось, что сердце еще прибавилось в размерах, и ухудшилась функция. Пришлось отступить: сократил бег до 2 км. Но гимнастику не изменил. Сердце обследовал каждые полгода, не полагаясь на хорошее самочувствие.

Той же осенью нашли новое увеличение сердца и снижение функции. Вернулись приступы стенокардии, хотя и легкие.

Сдался и перестал бегать, заменил ходьбой. Расстроился.

... ...

Дома атмосфера улучшилась: Лиде стало легче. Молодые переехали на новую квартиру, очень близко от нас. Самое главное: Анюта пошла в школу. К нам приходила каждый день - радовала.

В институт по-прежнему ходил раз в неделю. Работой его был доволен. Но: уже не моей работой. Поэтому, от половины зарплаты "почетного директора" отказался: не отрабатываю.

День рождения - декабрь 1996 в институте отметили прямо-таки грандиозно,другого слова не подберу. И описывать не буду. Душой и организатором всегопразднества, как всегда, была Аня, мой бывший секретарь.

Все закончилось большим застольем. Я соблюдал осторожность в еде и питии, но все равно - очень устал. Подняться по лестнице без помощи уже смог. Но цветы в квартире стояли полмесяца.

... ...

Разумеется, я не мог не думать "о проблемах". В том году произошли сдвиги в моем мировоззрении: я усомнился в разуме,

в его возможности управлять сложными системами через модели.

Началось с того, что С.С.Азаров познакомил меня с книгой И.Р.Пригожина "Порядок из хаоса", трактующей идею самоорганизации. Она меня очень заинтриговала.

Простой пример: морозный узор на окне: вода, мороз и стекло - и такие сложные картины! Подышите на них - растают. Но через полчаса уже новый узор - и совсем другой: сложность возникающая сама по себе, без управляющего разума и его моделей

Суть идеи самоорганизации состоит в следующем. Материя неуравновешенна. Частицы её способны соединяться друг с другом, с образованием сложных структур. Этому способствуют колебания внутренней энергии, случайные внешние воздействия, Процесс усложнения идет скачкообразно через бифуркации - то есть через выбор одного из альтернативных путей дальнейшего наращивания сложности структур и новых бифуркаций.

Усложнение идет не только от Разума и его планов-моделей, но и на уровне "нижнего этажа", через прямые взаимодействия между элементами. При этом на каждом её этапе вероятно и обратное направление - в сторону распада сложности вплоть до элементов, до хаоса. Но новый "порядок из хаоса" будет уже другим. Это не значит, что "разум отменяется", но его возможности " "управлять по моделям" ограничиваются.

В деталях самоорганизация непредсказуема: возможны лишь вероятностные прогнозы по тенденциям.

Вся эволюция представляет результат процессов самоорганизации. Она началась от момента первого взрыва, от которого пошла цепочка нарождения и усложнения структур: самоорганизация атомов породила неорганические молекулы. Самоорганизация их молекул привела к органическим веществам. Дальше следовала биологическая эволюция "живых" систем: клетки --> организмы --> сообщества.

Каждый новый этап эволюции характерен новым (ведущим)?) "слоем самоорганизации", представленным своим "кодом" структур. Его результаты закрепляются в организации (Разуме!) системы более высокого класса способной к поддержанию своей целостности. Но в нем уже закладывается зачатки нового "слоя", порождающего неопределенность и возможность возникновения новой системы, более высокого класса.

Так, структуры из молекул (это гены и белки) породили разнообразие биологических видов. Вершиной явился человек. Новый слой: нейроны лобных долей мозга. Самоорганизация нейронных сетей вылилась в творчество: речь и изобретения. Они превратили первобытную стаю в общество -_ государство. Отсюда

новый виток разнообразия обществ - от самоорганизации слов-идей и техники. Выход - компьютеры. От них родится Искусственный Интеллект, обещающий следующий этап - техногенную эволюцию. Вплоть до Вселенского Разума!

Самоорганизация ограничивает притязания на "разумное" управление человеком и обществом. Оно предусматривает создание точных моделей, но это невозможно для самоорганизующихся систем. Поэтому управлять можно только с вероятным исходом. Однако, наука повышает вероятности.

… … …

Новый год - 1997-й. Ходить стало еще тяжелее. Признался - от старости. Не помог эксперимент. Правда, все внутренние органы здоровы. Анализы - отличные. Поражение сердца, видимо, нарастало, хотя наши лаборатории не указывали на это. Мои ученики оказались не на высоте. Как и я сам.

С весны стало еще хуже. Уверенности в физкультуре уже нет. Но тогда - зачем убиваться?

Нет, не мог остановиться. Пока не произошла катастрофа: 22 сентября был стресс - зубная боль. Когда пошел на прогулку, оказалось что идти не могу из-за сильной одышки. Пришлось сесть на скамейку. На лестнице останавливался дважды. Это значит: "Острая сердечная недостаточность".

Гимнастику сократил вдвое.

Сердце на рентгене - большое.

Именины отпраздновали по тому же ритуалу, как и раньше - пышно и всем институтом. Описывать не стоит.

Не знал, как доживу до следующих.

… … …

В 1997 году институт адаптировался к новым условиям и даже имел успехи: 1550 операций с АИК Смертность -9%. Оперируют совсем маленьких детей. Но операции стали платные: с АИК-700 долларов - за лекарства (и клапаны). Это в тридцать раз дешевле, чем в Штатах. Правда, три четверти больных находят деньги в органах здравоохранения и у спонсоров, четверть - платят свои. Но некоторые не могут найти - им отказывают. Это значит - уезжай умирать. Ужасно.

Успехам учеников радовался.

… … …

В моей общественной деятельности в 1997 году был всплеск активности. Совместно с Борисом Николаевичем Малиновским и его верными помощницами - Верой Борисовной Бигдан и Тамарой Ивановной Малашок, провели социологический опрос через газеты граждан Украины. Получили 10 тысяч ответов. Обработали, имеем результаты, подобные тем, что были

получены в 1990 г. Цифр слишком много. Вот суть: народ очень беден, недоволен властями и демократией. Старшие хотя обратно в социализм и в Россию, молодые - вперед и в Европу. Вся работа и идей были суммирована в брошюре "Идеологии для Украины". Результаты печатали почти все главные газеты Киева. Преувеличивать не буду: влияния на политику работа не оказала. Но я был - "при деле". Еще: общением баловал "Клуб профессоров" при Доме Ученых. Его тоже организовал Б.Н.Малиновский.

Еще несколько слов - об обстоятельствах жизни.

Лида, слава Богу, последние два года чувствовала себя прилично.

Анюта учится в третьем классе: - на пятерки.

Молодежь - преуспевают в своих карьерных делах.

Были покойники среди старых друзей. Но описывать их я уже не в состоянии. Страшно оглядываться.

… … …

Осталось подвести итоги эксперимента.

Большие нагрузки несомненно полезны. Два года чувствовал себя хорошо, моложе лет на десять. Все внутренние органы, кроме сердца, и теперь служат отлично. За это говорят анализы и отсутствие заболеваний.

Я не рассчитывал на значительное омоложение, больше - на замедление старения. Думаю, что надежды оправдались. Если бы сердце было здоровое, (и был бы разумный!) мог бы продержаться до 90 лет. Правда "гены старости" коварны, и очень индивидуальны.

Не знаю, долго - ли можно держать под контролем двигательную сферу. Скованность и шаткая походка - это реальности старости. Но физкультура должна частично компенсировать неуверенность движений.

Самое страшное для ученого - ослабление памяти, потеря способности к творчеству. Эта перспектива меня беспокоит больше, чем трудности при ходьбе. Получил ли я доказательства активации мышления? Трудно сказать с уверенностью, но скорее "да", чем "нет. " Судите сами. За три последних года я написал три брошюры и три книги. Не удержусь - перечислю: "Здоровье", "Эксперимент" "Общество: оптимальность и разумность", "Преодоление старости". "Мое мировоззрение ", "Идеология для Украины". Кроме того, написал несколько статей в журналы и газеты, давал много интервью.

Во всяком случае, от эксперимента у меня было самое главное - уверенность в будущем. Жил, не оглядываясь на возраст: с интересом, хотя и без операций, без лекций, без институтской текучки. Теперь будущее сократилось. Но работа

продолжается: мои темы неисчерпаемы, а остановка - мысли - смерти подобна.

Да и надежда не потеряна: а вдруг удастся скомпенсировать сердце? Природа могущественна.

Брось, Амосов. Не обманывай себя.

35. 1998 г. "Последний парад".

Мне уже 84. Зиму и весну зверски работал над рукописью "Воспоминаний" и кажется даже полегчало, стал быстрее ходить. Обрадовался, но случился прокол. Вот такой: поднимался по лестнице в Доме Ученых, опаздывал, спешил в наш Клуб и - упал в обморок.

Такое, скажу вам, было приятное ощущение ! И последняя мысль:

- Умирать не страшно.

Так, что все имеет свои прелести. В том числе и болезнь сердца: упал - и умер!

Ничего не произошло, кроме переполоха с вызовом скорой помощи. Отошел через 15 минут, семинар и мое выступление были удачные.

... ...

Но "звонок" был. Нужно готовиться к худшему: "Не потерять лицо".

36. Послесловие.

Так я предполагал закончить книгу. Но... жизнь оказалась сложнее. Вначале мая 1998 наступило резкое ухудшение: усилилась одышка, участились приступы стенокардии. Ночью они не дают спать лежа, часами приходится сидеть с лекарствами, пока успокоится сердце. Ходить по улице почти перестал. Чувствовал: конец близок.

И тут случилось событие. Толя Руденко был в Германии у профессора Кёрфера и рассказал мне и Кате об их хирургии. Оказывается, они оперируют стариков и с хорошими результатами. Протезируют клапаны вшивают аорто-коронарные шунты при стенокардии. Нет, я не обольстился: операция казалась нереальной. Хлопотно, денег нет. Пусть идет, как идет...

Но зато идеей загорелась Катя. Столковалась с Кнышовым и решили - везти меня к Кёрферу если возьмется оперировать. Послали факс, получили ответ: "Приезжайте".

Я согласился. Что мне терять? Смерть все равно близка, так лучше умереть от операции, чем от сердечной недостаточности. Это я знал точно.

Дело закрутилось: собираемся ехать. Хотелось бы у себя в институте, но таких стариков у нас еще не оперировали. Предполагаем ехать с дочкой и с Толей Руденко. Сейчас идет оформление документов и поиски денег. Городское начальство обещало оплатить операцию.

Так или иначе, конечный результат нового поворота жизни читателям сообщим: или сам или редактор.

37. 2000 г. эксперимент закончен? Жизнь продолжается.

С операции вернулся: Живой. Вспоминаю.

С того момента, как все решилось, на меня нашло странное равнодушие. Было только мучительно жалко Лиду. Все, что я мог сделать в жизни, было сделано и, кроме Лиды, я уже никому, (если по серьезному), был не нужен.

Смерти я не боялся - это самая лучшая смерть - на операции.

Конечно, многие нас провожали в аэропорту в Борисполе: родные, институтские. Анюту поцеловал. Всем был благодарен.

В связи с волнениями (адреналин!), сердце работало плохо, ходил с трудом, принимал нитроглицерин. Катя заказала такой билет, что все путешествие меня возили в коляске, как полного инвалида.

Предстояла пересадка в Вене, перелет в Ганновер и дальше - на машине, до самой клиники. Машину заказал для нас Саша Когосов.

Вот уж покатали меня на коляске! Бравые такие ребята, возили быстро, а территория венского аэропорта огромная. Мыслей в голове не было. Сидел, смотрел по сторонам, односложно отвечал, когда спрашивали.

… … …

Человек живет одновременно в нескольких мирах. Каждый существует сам по себе, но отражается в мыслях и чувствах.

Самый узкий мир - собственное тело.

Второй мир, пошире, - семья, друзья. Работа.

Третий мир - Общество, страна.

Наконец, четвертый - мир информации и идей.

Удельный вес каждого мира в мыслях очень разный: от ничтожного до всепоглощающего. Зависит от "включенности" в процессы того или иного мира. Особенно сильным может быть телесный мир: страдания крайней степени. Тут уж другим мирам не остается места совсем.

… … …

Продолжу историю: вечером 26 мая приехали в город Бед-Оэнхаузен, совсем маленький. Да, маленький городок, но 5000 операций в год с АИК!

Остановились перед подъездом. На коляске свезли в палату. Одна кровать занята. Сказали: больному вшит клапан и шунты, завтра выписаться.

Уложили в постель. Поспать бы… Но вскоре пришел врач

(женщина), и стала спрашивать по своему вопроснику. Катя и Толя переводили. Уже ночью взяли кровь на анализы. Сообщила план: в среду - обследование, четверг - свободен: шеф в отъезде. Операция - в пятницу.

Было уже за полночь, когда закончили разговоры. Катя и Толя пошли искать ночлег, а я лег спать. Сестра принесла таблетку. Страхов не было - программа запущена. Любой конец меня устраивал.

Вся среда прошла в обследованиях. Понял, что значит немецкая организация и работа. Меня возили на коляске. Кабинеты и аппараты не поражают, подобное есть и у нас, может быть, чуть похуже. Зато поражает персонал. Все люди или идут быстрыми шагами, или что-то делают. Но не сидят и не болтают. На каждого больного есть план: расчет по минутам, хотя и без спешки. Конвейер. Несколько раз брали кровь для анализов. Схема обследования такая же и у нас. Но у нас на это уходит неделя, а здесь - один день.

Обследование выявило очень тяжелое поражение сердца: миокарда, коронаров, особенно аортального клапана: ресчайшее сужение и отложение кальция. Сократимость сердца плохая. Правда, сосуды терпимые, только две артерии необходимо шунтировать. В целом - поражение четвертой степени, но еще не пятой, при которой уже категорически нельзя оперировать. Катя все время боялась, что откажут в операции.

Вопрос об операции меня беспокоил, но как-то глухо. Риска я не боялся: лучше умереть здесь, чем тяжко угасать дома: пусть привезут в гробу. У Лиды и Кати не будет времени для переживаний. Однако, тогда я еще не представлял себе меры возможных страданий, думал, что здесь можно умереть тихо и мирно. Я только теоретически знал, что нужно большое счастье для легкой смерти, но надеялся, что мне повезет.

Среда закончилась: обследование завершено, операция опасна, но возможна. Дело за профессором Кёрфером: он вернётся только к пятнице.

Катя от меня не отходила, показывая образец дочерней любви, организованности и... силы. Мне было ясно, что именно её энергии я обязан выпавшему шансу на спасение.

Четверг предполагался спокойным: почти всё обследовано, решение принято. Подключили к монитору. Меня смотрели, я лежал в постели и тяжело дышал. Нет, не испытывал страданий и сильных чувств: что будет, то и будет.

Но около полудня четверга Катя сообщила, что врачи находят мое состояние угрожающим. Ждать ещё сутки - опасно. Предложили операцию. Спрашивают: не возражаю ли я, чтобы

экстренно прооперировал ближайший заместитель Кёрфера? Отвечаю:

- Пусть делают, как найдут нужным.

Начали готовить для срочной операции. Ввели лекарства. Я задремал. Потом возникла задержка в операционной. Я поспал, мне стало лучше, и нужда в экстренности отпала.

Утром, в семь часов, в сопровождении свиты пришел Кёрфер.

У меня нет таланта, описать его так, чтобы передать мощь этого человека. Одно скажу: вот таким должен быть хирург! Крупный мужчина средних лет с крепким рукопожатием, убеждающими словами.

Коротко обсудили вопрос о типе клапана: механический (пластинка из специального сплава) или биологический - из живой ткани, не знаю, из чего теперь делают. У меня против них было старое предубеждение (пробовали, неудачно), но Кёрфер меня переубедил:

- Теперь другие клапаны! Пять лет стопроцентной гарантии и сколько-то лет дольше этого срока. Всем пожилым людям вшиваем биологические протезы.

- Значит, так и мне.

Мелькнули мысли: пять лет... Зачем они тебе? Клапан старение не остановит. Но умирание может облегчить!

Пожал мне руку, приободрил. А я и так вполне бодрый. На операции, судя по всему, не умру, а там - как повезет. От одышки должна избавить.

Скоро меня положили на каталку и повезли.

... ...

Саму операцию я, конечно, не помню. Один укол, провалился и проснулся, когда Толя окликнул:

Уже всё сделано!

Первая мысль и слова были:

- Не может быть!

Я и теперь не вспомню: была ли удалена уже трубка из гортани? Наверное, была, потому что уже мог говорить..

Как хирург, я не переставал удивляться: какой класс!

Потом Толя мне рассказал об операции - он ассистировал, все видел. Оперировали три часа, заменили аортальный клапан, он был исковеркан отложениями кальция.

Жизнь нужно планировать заново. Вот только зачем? О Боге нужно старику думать! Но, увы, Бога в душе всё равно не нашел.

Кёрфер зашел в палату в тот же вечер: всё такой же, излучающий уверенность... Я тоже бодрился, отвечал:

- Все в порядке! Спасибо!

В реанимации палата двухместная. Держат один - три дня,

потом переводят в клиническое отделение, в которое меня поместили вначале.

Боже мой! Сколькими проводами и трубочками было окутано мое тело. Не буду перечислять, да многих и не помню. Все вместе это называется знакомым словом "мониторинг".

Палату обслуживали две сестры, очень симпатичные и культурные. Периодически заходили врачи, видимо, разных специальностей, я так и не понял, кто есть кто. Катя или Толя всё время сидели около меня.

Ничего существенно неприятного за первый день не запомнил. Но один факт в последующем оказался очень важным: сразу удалили катетер из мочевого пузыря, и я должен был мочиться в утку. Она висела в проволочной сетке на прикроватном столике (запомнил её на всю оставшуюся жизнь). На ночь дали таблетку, и я немного поспал.

Не очень хорошо помню дни в реанимации. Главная забота - помочиться, выбрать позу, чтобы меньше болело; впрочем, болело вполне терпимо. Но заметил, что дышать стало легче, чем дома, а стенокардия исчезла.

Трижды в день приносили пищу, однако аппетита не было, и я почти ничего не ел. На сидячей каталке возили на исследования, я не вникал, "что и как". Чувство равнодушия к жизни не покидало, и профессиональные интересы не возникали: "Отключись и терпи". Тем более что рядом есть страховка - Катя. Но разговоров с ней тоже не помню.

Кёрфер со свитой делал обход каждый день и, в полном смысле слова, излучал уверенность. Я сравнивал его с самим собой в прошлом: "Нет, Амосов, тебе было далеко".

Через два дня поснимали часть трубочек и перевели в отделение с менее строгим режимом.

В нем в последующие три дня я пережил сильнейшие страдания. Я даже думал: "Может быть, Бог есть, и это он наказывает меня за грехи перед больными?"

Перечислю факты: катетер убрали, а функцию пузыря не проверяли. Из за увеличенной простаты он работал плохо, перерастянулся и вызывал жестокие болезненные позывы.. Не испытавшему - не понять. И не дай Бог испытать!

На третий день мучений, когда не удалось вызвать сестру, и не было Кати, я встал, схватил с подставки монитор (ящик в 20 см) и двинулся к окну. Не знаю, чего я хотел, возможно - выброситься, но потерял сознание и очнулся уже на кровати, когда вокруг хлопотали сестры. Получил множественные ушибы, огромный кровоподтек вокруг глаза, травму бедра, которая отозвалась спустя две недели.

Самое главное, что проблемы не решились: никто не попытался доискаться до причины. Думали - цистит, воспаление пузыря, которое нередко встречается, как осложнение после разных операций, и проявляется как раз частыми мочеиспусканиями.

Я уже не мог вставать на каждый позыв, и мне привязали... смешно сказать - памперс! Да, тот самый, реклама которого раздражала на телеэкране.

Но тут - похвастаю! - я, наконец, сам догадался пощупать живот. Все сразу стало ясно: резко перерастянутый мочевой пузырь. (Амосов! не обвиняй других в незнании или невнимании! Ты - академик-хирург, должен был определить это в самом начале, нет, ты по-глупому терпел три дня. Идиот.)

Теперь уж я поднял тревогу. Катя вызвала врача. Он не смог провести катер. Еще три часа страданий, пока пришел уролог. Запомнилось: вошел бравый мужчина с волевым лицом. Не снимая спортивной куртки, пощупал живот. Расстегнул сумку, достал катетер в стерильной упаковке, ловко надел стерильные перчатки. Я оглянуться не успел, как катетер уже был в мочевом пузыре и... потекла в утку живительная(!) струя мочи.

С этого момента жизнь улучшилась. Единственное желание, когда мучился - "умереть немедленно" - нет, не исчезло, но как-то поблекло. Но спал пока с кислородом - дышать еще тяжело.

Не буду описывать последующие дни до отъезда домой. Ничего драматического не происходило. Толя уехал. Катя ютилась на кресле и стульях, ни за что не хотела уходить на квартиру, не слушалась меня. Такая удивительная у нас дочь.

Очень милая женщина, методист, учила меня ходить по коридору. Ноги совсем не слушались, мышцы как ватные.

Кёрфер заходил почти каждый день, ободрял. Я подарил ему две свои книжки, изданные когда-то в ГДР: "Мысли и сердце" и "Книгу о счастье и несчастье".

17 июня, через девятнадцать дней после операции, мы отбыли домой.

Обратная дорога ничем не отличалась от первой, кроме одного: я уже не собирался умирать немедленно. Куда спешить? Миры науки, общества снова замаячили впереди, отодвинув телесный мир...

Нас встречали родные и сотрудники, полные оптимизма и надежд. Я не захотел остаться в институте и поехал домой: собственная постель представлялись мне просто раем. Тем более, что для круглосуточного дежурства выделили трех врачей. Валентина Власовна Полуянова потом осталась моим личным доктором. Она - замечательная.

Началась домашняя жизнь.

После первой недели благополучия, когда я уже ходил по квартире, начались осложнения. Сначала кровоизлияние (гематома) в область левого тазобедренного сустава, видимо, на месте ушиба при падении. Наступить на ногу не мог, и меня снова возили в институт на коляске, чтобы сделать рентген. Обнаружили жидкость в полости плевры и Леня Ситар откачал 300 миллилитров жидкости. К сожалению, всю удалить не решился. Жидкость осталась и мешала дышать. Повысилась температура. Снова рентген - жидкость прибавилась, новый прокол плевры - уже целый литр. И так далее. Сердце увеличилось: Лечили. Описывать не буду.

Однако, к концу августа 1998 года состояние улучшилось, и я восстановил гимнастику и ходьбу. Уже нет одышки и стенокардии!

38. Дополнение от ноября 2000 года.

Вся книга воспоминаний писалась в спешке: договор с издателем был подписан в феврале 1998 года, с обещанием напечатать к юбилею, к декабрю. Торопился писать: ранней весной я почувствовал приближение конца. Не то чтобы хотел "оставить след" - не заблуждался на свой счет - оставлять нечего. Нужно было держать себя, сопротивляться: перед чем? Хотел написать "перед смертью", но очень напыщенно звучит. Скажем - перед "чем-то". Для этого работа - лучшее средство. Книжку дописал перед самым отъездом на операцию, не успел даже перечитать.

Конец не состоялся. Но опыт "приближения" - близкого - "Туда" -приобрел. Оказалось: не страшно. Вернулся, дописал пережитое, и опять торопливо - нужно было срочно сдавать в печать.

Положение со здоровьем определилось уже летом 98-го: ясно, что не умру. Однако настроение оставалось довольно кислым. Я бодрился, физкультуру делал со дня возвращения, постепенно увеличил гимнастику до - 2000 движений, но без гантелей. Из-за слабости ходил медленно, километр - два, хотя сердце работало хорошо. Думал, что уже и не раскручусь.

В то время - в августе 98-го, я написал: "Эксперимент окончен!" Не хочу это менять - пусть останется как память.

Не ожидал, что поднимусь с колен: давление повышалось, голова болела, шатало. Казалось: старик. Но по инерции - работал. 2500 движений. Прогулки. Потом - легонько - гантели. Врачи говорили: "Не смей напрягаться! Вредно для клапана". Не слушался.

К юбилею - (85 лет - декабрь 1998) - получил обещанное - издали книги: эту -"Голоса времен", и "Мировоззрение". Неизвестные благодетели подарили новый компьютер, Верочка Бигдан научила пользоваться. Все вместе: подпитка энергией. Снова начал мудрить над "судьбами мира и смыслами бытия". Прошлым летом (1999г.) написал большую статью "На пороге нового века" - опубликовали в нескольких хороших газетах и журналах. Осенью 1999 года "Вагриус" переиздал "Голоса" в Москве. Приятно.

Но радости жизни не чувствовал. Старость наступала.

Тогда и решил: Пренебречь. Восстановить "эксперимент"!

Увеличил нагрузку: 3000 движений, 1200 - с гантелями. Начал бегать в сквере, довел до 30 минут. Плюс - час ходьбы. За лето и осень 2000г - укрепился и нагружаюсь без напряжения.

Давление не измеряю, голова не болит, лекарства не пью. (Нет - таблетка аспирина для клапана). Пришло ощущение здоровья, почти такое, как в 1995 после первого успеха эксперимента. Омолодился? Сказать так - остерегусь. Бегаю? Да. Но по лестнице - шатает, движения неверные, координация страдает. Знаю, что в любой день может что то случится и все пойдет насмарку. Готов: опыт есть. В ноябре сделали снимок сердца: оно не увеличилось, несмотря на большие нагрузки. Буду продолжать эксперимент.

Боюсь ли за клапан, за шунты? Да - боюсь. Вот через год нужно менять стимулятор. А там и пятилетний срок клапану подойдет к концу. Обследуюсь раз в полгода: сердце уменьшилось до размеров 1994 года.

Я не обманываю себя: моя жизнь нужна разве что жене. Перешел на пенсию, но два раза в месяц хожу пешком в институт - отрабатываю потребность общения: бывшие пациенты, друзья, ученики, "чайники" - изобретатели завиральных идей. Письма. В Ученом Совете по диссертациям все еще председательствую. На заседания хожу. (Правда, если перестану ходить, то никто и не заметит отсутствия). Журналисты балуют вниманием: "паблисити". Читаю, "свободу" слушаю, новости смотрю. Текучка.

Главное не в этом. Оно - в работе над прежними темами по философии: разум, психика, общество, будущее. Все нужно пересмотреть через призму самоорганизация, Сижу за компьютером по несколько часов. Не чувствую оскудения разума, разве что память стала чуть хуже. Вот теперь Вера Борисовна Бигдан приобщает к Интернету. Страничку для меня открыла. Надеюсь не отстать от прогресса. Плюс - занятие для замены общения.

… … …

В мае 2000-го приезжал на конференцию мой спаситель - Кёрфер. Был у нас дома. Показывал ему рентгеноснимки, анализы. Доложил об эксперименте, о гантелях, беге. Он рассмеялся и сказал забавную фразу:

Несмотря на гири - все хорошо!

"Не смотря!" - Каково? Но нагрузки не запретил. Пообещал перешить клапан, когда испортится. Даже в столетнем возрасте.

Поэтому - живем. Эксперимент продолжается.

39. Заключение.

Несколько пунктов, совсем коротко.

1. О Боге: его нет и он есть. Нет, потому что Бог придуман. Есть, потому что идея Бога вполне материальна - она в разумах (нейронных моделях!) миллиардов людей и тиражируется в миллионах книг. Значение Бога: он управляет (?) моралью общества.

2. Откуда взялась огромная сложность мира? Идея Бога мне не нравится. Приемлимое объяснение - самоорганизация. Но есть два пункта по которым самоорганизация как единственная причина эволюции вызывает сомнение, в сравнении с Богом: неизвестен источник: откуда взялась "первичная материя", с ее свойствами, бывшая до первого взрыва. Б. Способность материальных частиц к соединениям, видимо, превышает тенденцию к распаду Именно поэтому "стрела эволюции" направлена в сторону усложнения мира. Но темпы и пределы усложнения не одинаковы. Отсюда сосуществование систем с разным уровнем сложности

3. В мире идет процесс "созревания цивилизации". Он выражается в распространении неких общих черт устройстве общества: в экономике, власти, морали, ценностях, независимо от исходных религий, традиций и истории народов. Перечислю идеи: демократия, гражданские права, социальная защита слабых, разные формы собственности, рыночная экономика с государственным регулированием. Акцент на образование, уменьшение неравенства, экологию, борьбу с преступностью.

4. Глобализация: распространение международных организаций, транснациональных корпораций, финансов, средств связи, транспорта, единых стандартов массовой культуры, образования, туризма, образа жизни, экологии, Рост миграции населения. Но также и преступности, терроризма. Глобализация объединяет мир и способствует прогрессу, однако не уменьшает неравенства государств и имеет ряд отрицательных черт, например, международный терроризм и преступность.

5. "Однополюсный мир": В настоящее время это выделение США как самой мощной державы в сферах вооружения, экономики, науки, политики. Другие претенденты на первенство: Европа, Китай, Россия, Япония значительно отстают. Однако, страны развиваются неравномерно, соревнование за место в иерархии продолжается, и у "кандидатов" остаются шансы на первенство в будущем.

6. Глобальные проблемы человечества уже теперь решаемы

техническими средствами, хотя и с потерями. Однако реальности психологии и традиции народов (при явлениях самоорганизации) ограничивают возможности научно-технического прогресса. Перечислю несколько важнейших пунктов:

- прирост населения зависит от динамики экономики, распространения образования и западных стандартов жизни. Видимо, рост продолжится еще 50-75лет и число жителей на планете достигнет 10-12 миллиардов;

- проблема пищи решается агротехникой, генной инженерией и экономикой. Однакопотери от голода не уменьшатся из-за неравномерности развития стран;

- хотя природные ресурсы планеты ограничены, но есть еще резервы на суше и в океанах. Удорожание ресурсов побудит к их экономии, а НТП обеспечит для этого возможности (энерго- и материалосохраняющие технологии);

- суммарный рост экономики, видимо, не замедлится, но с распространением новых технологий сделает прирост более "безопасным" для природы;

- загрязнение внешней среды будет нарастать, но темпы замедлятся. Угрозой для жизни оно не станет. Высокоразвитые страны на своих территориях обеспечат защиту природы, и эти зоны будут расширяться. Потепление климата - вызовет потери, но не станет фатальным для человечества;

- вымирание биологических видов продолжится, однако ущерб будет частично компенсироваться генной инженерией - созданием новых вариантов организмов;

- проблемы здоровья решаются правильным образом жизни (с добавлением медицины) и вымирание человечеству не грозит;

- делать прогнозы на науку и технику не осмелюсь. Вопрос лишь в том, чтобы НТП не вредил людям. Это вполне вероятно, учитывая самоорганизацию и недостатки присущие любому разуму: ограниченность, субъективность и увлекаемость;

- мировые войны с мобилизацией всей мощи техники едва ли возможны, но вероятность их остается. Локальные конфликты останутся.

Как видите, мои прогнозы оптимистичны.

Правда, едва ли они могут утешить отдельного несчастного человека.

40. Послесловие к "эксперименту", июль 2001 г.

Второй электрокардиостимулятор Валерий Залевский вшил мне в ноябре 1993 года. Он хорошо работал, но к началу мая 2001 года батарейка истощилась, и аппарат автоматически перешел на аварийный режим: стал давать постоянную частоту 60 импульсов в минуту. Это мало для обеспечения больших физических нагрузок, но достаточно, чтобы жить без заметных ограничений движений.

Операцию замены стимулятора Валерий сделал 6 июня. Она прошла нормально. В институте ночевал одну ночь. Гимнастику делал со второго дня, только ограничил гантели. Частоту пульса установили:

от 60 - в покое,

до 110 при нагрузках.

Снова начал осторожно бегать. 17 июня сняли швы. Постепенно восстановил бег и объём гимнастики с гантелями. Шаткость походки, к сожалению, остаётся. Победить старость не удаётся. Однако, умственная работоспособность сохраняется.

Эксперимент продолжается.

Январь, 2001 г.